

САНДРА БРАУН

ДЕМОН СТРАСТИ

Сандра Браун Демон страсти

OCR Aldebaran

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118568

Сандра Браун. Демон страсти: АСТ; Москва; 1999

ISBN 5-237-01065-2

Оригинал: SandraBrown, "Demon Rumt", 1987

Перевод:

В. Н. Тарабукин

Аннотация

Голливудскому актеру Рэйлану Норту предложили сыграть реального человека – знаменитого каскадера Демона Рамма, трагически погибшего на съемках. Во время работы над ролью Рэйлан встретил Кирстен, вдову Демона, – и понял, что не остановится ни перед чем, чтобы доказать печальной красавице, что сердце ее не похоронено вместе с мужем...

Книга также издавалась как «Вдова Демона».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	52
Глава 4	77
Глава 5	102
Глава 6	127
Глава 7	149
Глава 8	172
Глава 9	195
Эпилог	220

Сандра Браун

Демон страсти

Глава 1

Он не знал, что эта женщина носит очки, пока она не вскинула голову на звук его голоса. Она резко сняла их и вместе с ручкой уронила на кипу рукописных страниц, лежащую на широком столе, инкрустированном в стиле времен королевы Анны.

– Вы напугали меня, мистер Норт.

– Извините. На самом деле я совершенно безобиден.

В обстановке непорочной чистоты этой комнаты он чувствовал себя чудовищем, которого татуированной грудью вскормил ангел ада. Надменное выражение ее лица говорило Норту: «Ты здесь чужой». Скрыв улыбку, он невозмутимо бросил на пол холщовый рюкзак и снял солнцезащитные очки.

– Я стучал, но никто не ответил.

– Может быть, стоило попробовать позвонить?

«А она здорово разозлилась, ставлю сто фунтов... это добродушное замечание... очень раздраженной девчонки. И ключей девчонки. Неужели первые неприятные мгновения зададут тон нашим отношениям на три-четыре недели? Ну уж

нет, я что-нибудь придумаю», – подумал Рэйлан и с довольно развязным видом прислонился к косяку.

– Может, попробовать войти еще раз? – Его обычно плотно сомкнутые губы растянулись в многозначительную улыбку, такую же известную, как и его наглые манеры. – Видимо, чувство такта мне изменило.

– Видимо. Но вы уже вошли. – Хозяйка дома не улыбнулась.

– Верно.

Женщина поднялась, и, только когда вышла на террасу, Рэйлан увидел ее босые ноги. Она поймала взгляд Рэйлана, но даже не подумала объяснить, и не пожалела смущенно плечами, и не извинилась, как это сделала бы любая женщина, которую застали врасплох, не совсем одетой.

Выражение ее маленького лица словно говорило: «Если вам не нравятся мои босые ноги, тем хуже для вас».

Этой странной женщине было совершенно неинтересно даже то, что в действительности Рэйлану нравились ее босые ноги. Очень. Да, пока ему нравилось все: от блестящих темных волос до этих десяти соблазнительных пальчиков на ногах. Белые джинсы плотно облегли ее бедра. А в белой сорочке, которая была размера на три больше, женщина выглядела куда сексуальнее, чем в обтягивающей майке. Просторные рукава были закатаны почти до локтей.

Да, мистер Норт, как и в первую встречу, нашел, что миссис Рамм восхитительна.

– Я вас застал за работой?

– Да, я работала.

– Над книгой?

– Да.

– Простите, что помешал. Знаю, как трудно бывает вернуться к прерванной мысли.

– Экономка ушла на рынок, так что я сама покажу вам комнату. – И нетерпеливо отбросила челку со лба. – Где ваши вещи?

Он кивнул на потрепанный рюкзак. Один разошедшийся шов небрежно защит металлической проволокой. Потертый, весь в царапинах и пятнах, рюкзак был похож на единственного оставшегося в живых ветерана общества бродяг и путешественников.

– Роскошный «Луи Виттон» оставил дома, – не без сарказма протянул он. – А это все, что можно увезти с собой на мотоцикле.

Она посмотрела на приехавшего и его рюкзак с явной антипатией.: Рэйлан хотел засмеяться, но не посмели стал внимательно изучать вид за стеклянной стеной песчаное побережье, омываемое волнами Тихого океана.

– Приехали на мотоцикле из Лос-Анджелеса? – спросила она. – Я думала, вы прилетели.

– Смотря что вы имеете в виду, говоря «прилетели». Калифорнийский дорожный патруль вполне мог бы назвать это полетом. – Гость улыбнулся и сунул руки в задние карманы

истертых, дырявых джинсов.

– Потрясающий вид!

– Спасибо. Это одна из причин, по которой мы с Чарли купили дом.

Развернувшись на каблуках ботинок, в которых ни один уважающий себя ковбой, будь он хоть трижды на мели, не выйдет во двор даже по нужде, Рэйлан неожиданно резко оглянулся.

– Чарли? Разве вы не называли его Демон?

– Нет, почти никогда.

– Почему?

– Он был моим мужем, а не кумиром. Выразительные карие глаза под черными, круто, – изогнутыми бровями словно пригвоздили миссис Рамм. Большинство людей были уверены, что пронзительность его взгляда есть иллюзия, которую создают лишь правильно выбранный угол съемки и искусное освещение. На самом деле такой жгучий взгляд был дан Рэйлану от природы, а мимика только подчеркивала необычайную его притягательность.

Рэйлан вовсе не хотел беспокоить ее своим пронизательным взглядом. Он лишь пытался понять, не было ли в словах миссис Рамм скрытого смысла. Наверное, не было. Но возможно и обратное. Ему предстояло разгадать это. Она нервно облизала пересохшие губы, и Рэйлан решил, что интуиция не подвела его и на этот раз.

– Если соблаговолите взять сумку, я покажу вашу комна-

ту.

– Мне нравится эта. – Рэйлану было неприятно, что его хотят поскорее отправить в дальнюю комнату, как непослушного ребенка; он хотел еще и еще смотреть на миссис Рамм.

– Я работаю, мистер Норт, вы мне мешаете.

– Неужели?

И тут понял: она очень не любит, когда ее дразнят, даже губы презрительно скривила. Как далеко он сможет продвинуться, прежде чем этой женщине изменит завидное самообладание? Но не проверять же это сейчас, в первые минуты знакомства.

– Хорошо. Вы работайте, а я, если не возражаете, пойду подышу здешним воздухом.

– Превосходно.

– Вот и отлично. Продолжайте работу, увидимся позже.

Он поднял правую ногу, стащил ботинок и носок, небрежно бросил их на пол. Затем так же лениво снял левый ботинок и носок. Потом, не обращая внимания на вздох крайнего изумления, который вырвался у хозяйки, стянул через голову черную майку. Она полетела на пол вслед за ботинками и носками.

Рэйлан вышел через стеклянную дверь к бассейну и по ступеням, вырубленным в скале, спустился на пляж, размышляя о том, наблюдает ли за ним сейчас хозяйка дома, И готов был поставить на своего следующего «Оскара»: наблюдает. Он с трудом поборол искушение обернуться и удо-

стовериться в этом.

С представительницами прекрасного пола Рэйлан всегда вел себя согласно известному всем имиджу «равнодушного сукина сына». А равнодушные сукины дети никогда серьезно не относятся к женщинам, как бы привлекательны те ни были. Он едва не нарушил этот неписанный закон на прошлой неделе, когда впервые увидел Кирстен Рамм в кабинете адвоката.

* * *

Встреча была назначена по его, Рэйлана, просьбе. В тот момент, когда она вошла, натянутая как струна, с воинственным видом, ему сразу стало ясно: миссис Рамм очень недовольна тем, что ей навязали эту встречу. И только прекрасные глаза выдавали ее ранимость.

Она была в строгом деловом костюме, и это заставило Рэйлана устыдиться. Вчера он лег очень поздно, потому что читал сценарий, делая на полях важные пометки, а проспав утром дольше обычного, не успел побриться и напялил на себя первое, что попало под руку, слаксы и простую шелковую спортивную куртку. Рубашка под курткой была неглаженная и не застегнута до горла. Слава Богу, неряшливый вид сейчас был в моде!

Голова раскалывалась от недосыпа, и пришлось все время быть в темных очках, чтобы скрыть круги под глазами. Без

очков он был похож на человека, которому с утра после вечеринки необходимо кое-что принять, дабы облегчить свои страдания.

Рэйлан и его агент были уже на месте. Кирстен Рамм внесла в строгий прохладный кабинет нежный аромат цветов. Не тот аромат, который можно приобрести в шикарных парфюмерных магазинах на Родео-драйв. Нет, аромат, окружавший ее, напомнил Рэйлану запах цветов, только что собранных в бабушкином саду сразу после небольшого дождика.

Даже будь у него и ясная голова в то утро, это бы ему не помогло, потому что, как только Рэйлан увидел эту хрупкую гордую женщину, мысли его мгновенно перепутались.

Он не услышал хруст в колене, агента, вставшего, чтобы представить их друг другу, не обратил внимания на веле-речивое приветствие адвоката миссис Рамм. Единственным звуком для Рэйлана в тот момент было еле уловимое восхитительное шуршание шелка на ее бедрах, когда она пересекала комнату.

По всеобщему единодушному мнению, у Рэйлана Норта были манеры павиана. И последнее, чему отдал бы дань сей грубиян, так это правилам хорошего тона. Но в тот день, когда их представляли друг другу, он изменил себе: вскочил с кресла и пожал руку Кирстен Рамм, только ради того чтобы дотронуться до нее. Рэйлану захотелось сжать ее маленькие руки в своих и уверить, что все будет в порядке. Почему-то ему в тот момент показалось, что она нуждается в таком за-

верении.

А голос! Голос был под стать ей самой: хрупкий, нежный, сексуальный. Казалось, он коснулся его губ как нечто настолько осязаемое, что Рэйлан почувствовал вкус этого голоса, который разбудил в нем мужское начало. Он с трудом опустился в кресло, чувствуя себя морально парализованным.

Она села на стул, предложенный Мэлом. Когда миссис Рамм скрестила ноги, на мгновение под юбкой показался кремовый шелк, обрамленный кружевами светло-шоколадного цвета. Рэйлан был рад, что надел темные очки, которые позволяли ему глядеть тайком на то восхитительное место, где одна нога легла поверх другой. У нее были точеные икры и тонкие щиколотки.

Верхняя часть ее костюма была... Он не знал, как это правильно называется, ну и не важно. Блузка от плеч запахивалась наискосок. Когда она слегка наклонялась, можно было увидеть бюстгальтер, плотно обхвативший грудь, лучистую кожу с загаром, ничуть не напоминавшим цвет пережаренного бифштекса, который нередко приобретали поклонницы южно-калифорнийского солнца. Нитка жемчуга скользнула в небольшую соблазнительную впадинку, уходящую под вырез блузки. Вид серебристых жемчужин, перекатывающихся через линию загара, заморозил его.

Она казалась беспомощной и безвольной, как медуза под жарким солнцем, но это впечатление было обманчивым.

– Почему я здесь? – этим решительным вопросом миссис Рамм вернула ничего не значащий формальный разговор к сути дела.

Создавалось впечатление, будто она почти не замечает его, и это было странно. Норт привык, что женщины всегда пьются на него и всегда в благоговейном безмолвии.

– Я просил вас о встрече, – ответил Рэйлан, – потому что я хочу жить с вами.

Несколько мгновений Кирстен смотрела на него в немом оцепенении. Затем, обратившись к своему адвокату, холодно поинтересовалась:

– Что это все значит, Мэл?

– Мистер Норт хотел сказать, что... он просит вашего позволения приехать и поселиться у вас на некоторое время.

Агент Рэйлана поспешил дополнить объяснение своего клиента:

– Рэйлан считает, что ему очень важно пожить в комнатах Демона Рамма, дабы понять образ жизни мистера Рамма в домашней обстановке, прочувствовать, как день за днем протекала его скрытая от посторонних жизнь.

Взгляд Кирстен блуждал по кабинету и никак не хотел останавливаться на Рэйлане.

Раз уж все равно эта женщина считает, что смотреть на него так неловко, может, ему снять очки?

– Для чего это важно? – спросила она после небольшой паузы.

– Для вживания в образ вашего покойного мужа, – ответил Рэйлан.

– Просьба может показаться вам несколько неучливой, – начал его агент. – Но если бы вы знали, как работает актер...

– Точно, – вмешался Рэйлан. – И никто не объяснит это миссис Рамм лучше, чем я. Выйдите оба на минутку.

Его агент, хорошо знавший о нежелании своего клиента вежливо излагать просьбы, не замедлил с выполнением этого приказа. Ее адвокат, совершенно потрясенный, позволил себя увести. После их ухода Кирстен переменила ногу и приняла позу, выражающую, по ее мнению, неприступность и бескомпромиссность.

Но Рэйлан упрямо повторил:

– Я хочу пожить в вашем доме. Мистер Норт был очень влиятельным человеком в Голливуде. Стоило ему только мысленно пожелать чего-то, и сразу десятки людей начинали суетиться вокруг него. Но на Кирстен Рамм его надменный тон не произвел решительно никакого впечатления.

– Простите, мистер Норт, это невозможно.

– Почему?

– Я пытаюсь закончить рукопись. Моя книга и сценарий к фильму должны выйти одновременно.

– Я знаю.

– Издатель уже два раза переносил мне срок окончательной сдачи рукописи. Я не могу просить еще об одном одолжении.

– Какое это имеет отношение к моему пребыванию в вашем доме?

Он развалился в кресле, эту позу он мог бы запатентовать как собственное изобретение: руки лежали на обшитых кожей подлокотниках, нога по-ковбойски закинута на ногу. Рэйлан вполне допускал, что его план может провалиться. Но, встретив отказ, лишь утвердился в своем решении добиться задуманного. Почему вдова так сопротивлялась его безобидному желанию? Может, ей есть что скрывать?

– Я не готова сейчас отдать дом в ваше распоряжение, – сказала она. – Мне будет сложно собрать все мои записи, уложить рукопись и...

– Я не прошу вас уезжать из дома.

– Но вы ведь не предполагаете, что мы будем жить там вместе.

Тень улыбки тронула уголки его губ.

– Именно это я и предполагаю. Жить вместе. Как жили вы и мистер Рамм.

Он вытянул вперед ноги, положил их одна на другую, скрестил пальцы на животе, демонстрируя полную беспечность. Никто бы и не подумал, что от волнения сердце его сейчас бешено колотилось. Вот уже сколько лет Рэйлан не ощущал такого возбуждения, какое вызывала у него эта необычная женщина. Как он устал от всех заискивающих рож!

– Не пугайтесь так, миссис Рамм. Нам не обязательно

спать в одной постели. – Он посчитал про себя до трех и добавил: – Если, конечно, ваша интимная жизнь не окажется неотъемлемой частью моего вживания в образ вашего мужа.

При этих словах Кирстен вскочила и повернулась к нему спиной. Она рассеянно переставила мраморные фигурки на лакированном столе Мэла, щелкнула зажигалкой и обнаружила, что та не заправлена. Передвинула пепельницу, постучала по ладони ножом для вскрытия конвертов и, опершись о край стола попкой, которую Рэйлану так хотелось погладить, наконец обернулась к нему.

– По-моему, мистер Норт, все это просто дешевый трюк для публики. Мне ваша затея не нравится, и я не собираюсь вам подыгрывать.

– Разве я когда-нибудь делал что-либо на публику?

– Нет, – честно ответила она, уставившись в пол.

Рэйлан никогда не уставал наблюдать и изучать человеческую натуру. Еще ребенком он любил копировать реакции разных людей на те или иные события и отгадывать мотивы их поведения. Слова Кирстен не поддавались никакому объяснению, а выражение ее голубых глаз не соответствовало тому, что произносили ее уста: она говорила одно, но думала другое. Просьба актера была встречена не только с неприязнью, но и со страхом. Почему? Чего она так испугалась? Его?..

– Вы против того, чтобы я играл вашего мужа в фильме, ведь так?

– Да.

Вряд ли кто решился бы ответить ему так правдиво. Рэйлан оценил подобную честность и счел ее достойной уважения.

– Из-за чего именно?

– Мой муж был общительным, открытым, дружелюбным человеком. Он любил своих почитателей, которые вились вокруг него постоянно, мог провести несколько часов кряду, раздавая автографы, чтобы доставить им удовольствие. – Кирстен, бесцельно ходившая по комнате, вдруг остановилась и повернулась к нему. – Вы же, напротив, сторонитесь публики, которая любит вас. Я никогда не слышала, чтобы кто-то назвал вас открытым или щедрым. Нет, о вас говорят совсем противоположное. Вы неуравновешенны и недружелюбны. Вы не... не умеете... даже улыбаться так, как мой муж.

– Может быть, у него было больше причин веселиться и радоваться жизни, чем у меня?

Рэйлан тщательно оглядел ее с ног до головы, отчасти чтобы смутить, отчасти потому, что ему нравилось смотреть на эту женщину. Очень нравилось, черт побери!

– Может быть, вы, миссис Рамм, были причиной, по которой Демону Рамму всегда хотелось улыбаться?

В глазах Кирстен вспыхнули искры негодования от его пошлой лести. Рэйлан не винил ее, по собственному опыту зная, как это унижительно, когда с тобой обращаются, слов-

но с заводной куклой, которая должна развлекать своего хозяина.

– Не поздновато ли вам заботиться о вживании в образ? – Голос ее дрожал как осенний лист. – Я думала, что фильм почти закончен.

– Да, почти. Вы уже видели отснятый материал?

– Нет.

– Но режиссер посылал вам приглашение на просмотр.

– Я не хотела и не хочу смотреть фильм. Столь решительное заявление очень удивило Рэйлана.

– Почему?

– Я была замужем за летчиком-асом, каждое утро уходившим не на безопасную кабинетную службу. Всю жизнь он выполнял фигуры высшего пилотажа. Описывать некоторые подробности, которые я с большим удовольствием предала бы забвению, было довольно мучительно. Я не хочу вновь обращаться к определенным главам моей книги – некоторым событиям его жизни, воссозданным в картине.

Рэйлану хотелось еще о многом ее расспросить, но он решил отложить вопросы до более подходящего случая.

– К вашему сведению, и продюсер, и режиссер до сих пор более чем довольны моей работой. Они считают, что мне удалось «схватить» улыбку Демона и создать образ, хорошо знакомый публике.

– Поздравляю. Так чего же вы теперь забеспокоились о вживании в образ?

– Я же сказал «знакомый публике», миссис Рамм.

Рэйлан встал рядом с ней у окна, из которого открывался прекрасный вид на залив Сан-Диего, – Я смотрел документальные кадры, читал все интервью, собрал всю доступную информацию о вашем покойном муже. О да, я уверен, что точно ухватил его известный всем имидж. Но каким он был вне света прожекторов? В личной жизни? За исключением некоторых особенно сложных трюков, сцены семейной жизни – это все, что нам осталось снять. Я далек от мыслей, что имею правильное представление о том, какой человек скрывался за легендарной улыбкой Демона Рамма.

– Это известно, он был смельчаком.

– Или дураком.

Рэйлан увидел ее лицо и понял, что зашел слишком далеко.

– Необходимо огромное мужество, чтобы летать так, как летал мой муж. Как смеете вы допустить...

– Я считаю, у Демона Рамма было с избытком отваги, но чуть-чуть доставало серого вещества... Хотя бы для того, чтобы повторить некоторые из своих трюков. Но это совершенно не значит, что я недооцениваю его смелость. Понятно?

Кирстен не ответила, а лишь взглянула на него с откровенной враждебностью. Рэйлан взъерошил себе волосы, искренне досадуя на то, что ему не удастся объяснить свою точку зрения, и решил попробовать еще раз.

– Мне необходимо влезть в его кожу.

– Его жизнь – незаконченная книга. В буквальном смысле. Я пришлю вам копию моей рукописи, когда она будет закончена.

Рэйлан покачал головой.

– Этого недостаточно. Мне нужно прикасаться к вещам, к которым он прикасался каждый день. Слушать музыку, которая ему нравилась. Есть его любимые блюда. Спать в комнате, в которой он спал.

– Безумие какое-то! И главное, в этом нет никакой необходимости.

Он вложил большой палец правой руки в петлю для ремня на поясе брюк и покачался с носков на пятки, с пяток на носки... И не без ехидства заметил:

– Когда девушка, играющая главную женскую роль, просила вас о том же самом, вы так не думали.

В этих его словах слышалось нечто похожее на триумф карточного игрока, который эффектно кидает на стол припавший туз. Да, Рэйлан ждал момента, когда можно пустить в ход свой козырь: актриса, играющая в фильме саму Кирстен, провела с ней несколько дней в ее доме в Ла-Иолле.

– Это другое дело, – оправдывалась миссис Рамм.

– Почему?

– Но это же очевидно.

– Несоответствие пола?

– Хотя бы это...

Они напряженно смотрели друг другу в глаза – генералы враждебных армий. Опасно затянувшуюся паузу прервал осторожный стук в дверь.

– Войдите, – пригласила она.

– Проваливайте! – приказал он. Обе реплики прозвучали одновременно. Бросив на него взгляд, полный отвращения, который Рэйлан нашел скорее забавным, чем угрожающим, она пересекла комнату и открыла дверь.

– Ну, к чему же мы пришли? – выдавив из себя веселую улыбку, спросил агент мистера Норта.

– Я хочу поговорить с Малом наедине, – холодно ответила миссис Рамм.

Рэйлан отвесил ей шуточный поклон и вышел вместе со своим агентом. В приемной сидела секретарша, похожая на куклу Барби. Таких в Голливуде хоть пруд пруди. В модном трикотажном платье, она вертелась, как гусеница, рвущаяся из кокона, и бросала на известного актера двусмысленные взгляды. На ее предложение кофе или выпивки агент ответил отказом за двоих.

– Ну как? – спросил он, с трудом переводя дыхание.

Рэйлан пожал плечами. Интересно, имеет ли секретарша хотя бы малейшее представление о том, насколько комично выглядит ее кривлянье? Извивается так, будто у нее спина чешется. Слишком уж она старается произвести впечатление размерами своего бюста.

– Похоже, это была неплохая идея, – не унимался агент, –

лично изложить ей свою просьбу, вместо того чтобы доверить все адвокату. Никто лучше тебя не уговорит женщину.

Рэйлан только фыркнул и закрыл глаза.

– Миссис Рамм способна устоять перед «крутым мужиком». У нее уже был один, как ты знаешь.

– Ну, тебе-то он и в подметки не годится.

– Спасибо, но сексуальная привлекательность – исключительно дело вкуса.

– Что ты сделаешь, если она откажет? Рэйлан сдвинул на кончик носа темные очки и взглянул поверх них на своего агента.

– Нервничаешь?

– Очень, – признался тот. – Только не вздумай послать все к черту и выйти из картины. Я еще не уладил конфликт со Стэном Кубриком, чтобы приниматься за другой.

– Я ведь плачу тебе за это деньги. И, заметь, огромные деньги, да простится мне столь дерзкое напоминание.

– Хуже дерзости – только мерзости. Извини за дурацкий каламбур. Просто ты не можешь иначе.

Тут не с чем было поспорить. Рэйлан известен как актер, который не замедлит выйти из фильма, если ему не понравится атмосфера на площадке или если окажется, что его видение роли противоречит замыслу режиссера. Целостность. Это понятие часто связывалось с его стилем работы. Из современников никто с таким яростным упорством не боролся за правдоподобность образа.

Рэйлана Норта совершенно не интересовали ни рейтинг картины в Американской кинематографической ассоциации, ни кастовость, ни что-либо еще. Не будь у него столь невероятного таланта, границы которого еще не определились, внешности, которую обожали все камеры в Голливуде, и популярности, порой даже превосходящей популярность Сталлоне или Иствуда, никто и ни за что в Голливуде не стал бы с ним связываться. Все считали Рэйлана невыносимым типом. Тем не менее, когда речь заходила о создании действительно незаурядной картины, его имя в списке актеров всегда стояло первым.

– Прежде чем ты примешься за свои пальцы, – отозвался артист, – давай послушаем, что скажет миссис Рамм.

И Рэйлан Норт задремал. А его агент стал остервенело грызть ногти.

Наконец их пригласили вернуться в кабинет.

Она согласилась.

И теперь он нежился в волнах Тихого океана позади ее особняка. Как прекрасно после двух изнурительных месяцев съемок без единого дня передышки вдруг окунуться в соленую воду! Рэйлан лег на спину и расслабился.

Яркое небо слепило голубым сиянием, а он, как влюбленный мальчишка, думал о том, что голубизна глаз миссис Рамм ярче голубизны неба. Ее глаза блестят, как сапфиры. Но что-то в глубине их отбрасывает тень на этот блеск. Что? Он узнает причину. Непременно узнает.

Рэйлан решил изучить личность Чарльза Рамма – Демона. Но, познакомившись с его вдовой, вдруг понял, что именно она и есть ключ к тайне души Демона. Миссис Рамм интересовала Рэйлана не меньше, чем ее муж, которого талантливейший актер считал одним из самых сложных и противоречивых характеров среди всех, кого ему довелось играть.

Откуда у человека такая непреодолимая жажда смерти, когда его жизнь была во всех отношениях чертовски хороша? Рэйлан дал себе слово разобраться в этом во что бы то ни стало.

Перевернувшись на живот, он поплыл назад к берегу, плавно и размеренно взмахивая руками. Вода стекала по нему, подчеркивая красоту его холеного, сильного и гибкого тела. Мелкие капли спрятались в густых волосах на груди, как бы не желая освободиться из этого плена.

Рэйлан не спеша натянул потерявшие всякий вид джинсы. Интересно, каким взглядом встретила бы его неутешная вдова, появившись он сейчас перед Кирстен мокрый и без одежды, если даже на его рюкзак она смотрела как на безобразное чудовище. Что ж, эта сцена могла бы стать прекрасной иллюстрацией ко всем тем мерзким, похотливым историям о Норте, которые можно прочесть в любой газете!

Рэйлан не любил афишировать свою личную жизнь, поэтому она стала предметом многочисленных толков: и о приверженности к наркотикам, и об увлечении религиозными культами, и о склонности к садомазохизму. Не так давно, на-

пример, была опубликована фотография, запечатлевшая его на стоянке Центра лечения от алкоголизма, куда актер заезжал навестить своего друга. Статья под фотографией утверждала, что Рэйлан Норт провел в этой дорогой лечебнице шесть недель, приходя в себя после посещения шикарного ночного клуба, где напился и учинил невесть какие безобразия.

По другим слухам, его ожидала близкая смерть от СПИДа. Многие верили в то, что он гей, а два его последних романа – с женщиной-губернатором и олимпийской чемпионкой по фигурному катанию – лишь ширма, скрывающая его действительные гомосексуальные наклонности. Говорили, что он слишком красив, чтобы быть еще и настоящим мужиком.

Однако никакие слухи не снижали его популярности как среди мужчин, так и среди женщин, Скорее наоборот. Статьи в бульварной прессе еще сильнее возбуждали любопытство публики. Артист вызывал неослабевающий интерес не только у любителей кинематографа. Почтовый ящик его агента всегда был полон приглашений от самой шикарной публики с Беверли-Хиллз. Впрочем, Норт редко куда выбирался. Поэтому, если он посещал какую-то вечеринку или светский раут, это становилось главной сенсацией года.

Рэйлан ко всему относился с предубеждением и был совершенно равнодушен к порочащим его слухам.

Голливудские тузы ценили в Рэйлане ум, талант и нежелание поступаться принципами ради барыша. Он очень осто-

рожно отбирал сценарии и дотошно выяснял точку зрения режиссера, прежде чем ставил свое имя под контрактом. Но ему ничего не стоило и разорвать подписанный контракт при малейшем подозрении, что режиссер нарушает условия.

Рэйлану было абсолютно безразлично, что думают о нем люди за пределами кинотеатра. Этот актер хотел, чтобы тех, кто купил билет на фильм с его участием, покорял не он сам, а его искусство. Какая, черт возьми, разница, любит он женщин или мужчин или тех и других одновременно, и что он съел на завтрак, и носит ли он нижнее белье? За пять долларов он помогает провести в кинотеатре пару часов свободного времени. Все, и тем исчерпываются обязанности мистера Норта по отношению к зрителям.

Свою привлекательность Норт рассматривал лишь как подспорье в получении лучших ролей. Старость, это проклятие кинозвезд, его не страшила: у него появится возможность играть другие роли, пока для него недоступные.

Зная все это о себе лучше, чем кто-либо, Рэйлан находил странной свою обеспокоенность тем, что думает о нем Кирстен Рамм. В данном случае его внешность могла оказаться скорее недостатком, нежели преимуществом. Красота угрожала встать стеной между ними и...

«Между ними и чем?» – спрашивал он себя, поднимаясь по ступенькам к дому. Кирстен ведь не делала ничего такого, что могло быть истолковано как сигнал к сближению. Напротив, похоже, хочет как можно скорее от него избавиться.

Отдавая, себе отчет в том, с кем пытается завязать отношения, Рэйлан понимал, что должен быть очень осторожным. Ради нее, а не ради себя. Кирстен Рамм много страдала последние несколько лет. Заставить ее пережить еще одну трагедию, о которой всем тут же станет известно, – просто бесчеловечно.

Однако все благие намерения вылетели у него из головы, как только Рэйлан достиг вершины скалы и сквозь стеклянную стену увидел Кирстен. Она сидела, поджав под себя ноги, слегка наклонив голову набок и покусывая кончик красной ручки. Женщина, как ему показалось, проговаривала слова, написание которых стоило ей таких мук. По всей видимости, она уже забыла о присутствии гостя в своем доме. Это уязвило его самолюбие. Рэйланом овладело упрямое желание оторвать ее от работы.

Она вздрогнула и вскинула голову. Даже в очках Кирстен выглядела чертовски привлекательной. Очки были в тонкой черепаховой оправе, более светлые, чем ее коротко стриженные волосы. Не всякая женщина решилась бы носить такую короткую прическу, которую слегка смягчала лишь «бахрома» на затылке, на лбу и на висках. Как ни странно, но эта стрижка изящно подчеркивала юность Кирстен.

– Полотенце есть? – спросил Рэйлан с порога.

На загорелом лице расплылась наглая улыбка, с мокрых джинсов стекала вода. Еле сдерживаясь от охватившего ее бешенства, она вышла из комнаты, но уже через минуту вер-

нулась с пляжным полотенцем.

– Спасибо. – Он вытер только лицо. – Вода отличная!

– Не очень холодная?

Неужели высокомерная миссис Рамм смотрит на его соски? Они набухли, до боли.

– Нет-нет. В самый раз. Вас не будет отвлекать, если я немного полежу около бассейна?

– Как хотите.

Она снова разговаривала снисходительно, и это невероятно разозлило бы его, не будь Рэйлан уверен, что таким образом Кирстен пытается скрыть от него нечто. Может быть, симпатию, в которой не хочет признаваться даже себе?

Он повесил полотенце на шею, наблюдая за тем, как взгляд женщины скользнул по его груди и спустился ниже. Между пупком и джинсами живот покрывала курчавая мокрая растительность. Неподдельный интерес в глазах Кирстен заставил его почувствовать, что молния на джинсах натянулась.

– Почему бы вам не прогуляться со мной? Это приглашение ошеломило ее. Недоуменно взглянув на него, Кирстен быстро, холодно ответила:

– Нет, меня ждет работа.

– А, очень жаль, – пробормотал он, изобразив на лице неудовольствие.

Она с явным раздражением закрыла дверь. Знаменитый актер не привык к тому, чтобы двери захлопывались перед

его носом, и это привело Рэйлана в бешенство.

Он резко расстегнул пуговицу и молнию. Не дойдя до шезлонга, на ее глазах снял выдавшие виды мокрые джинсы и отпихнул их ногой. Затем расстелил полотенце на шезлонге и лег на живот. Он постарался не морщиться, когда всем своим весом придавил не желавшее сдаваться мужское естество, с невинностью ребенка положил руки под щеку и закрыл глаза... но не раньше чем увидел за стеклом ее лицо.

Глава 2

Он не заметил, как заснул, и понял это, только когда начал просыпаться. Двигаться не хотелось. Легкий ветерок с океана, подобно нежным женским пальцам, ласкал и вздыхал над его обнаженным телом. Приятно чувствовать, как лучи солнца проникали под кожу и горячили кровь. Хотя, видит Бог, некоторые части его тела были горячее, чем солнце. С тех пор как он увидел Кирстен Рамм, низ его живота непрерывно жгло. Но этой женщине он не нравился.

Необходимо было проглотить эту горькую пилюлю, принять это как непреложный факт. А может быть, она испытывала к нему симпатию, но до сих пор переживала смерть своего мужа?

Ни тот ни другой вариант не радовал Норта. Рэйлан несколько раз отжался. Доска на вышке была упругой; он оттолкнулся и сделал красивый прыжок. Проплыв до конца бассейна, вылез из воды по хромированной лестнице, поднял полотенце и обмотал его вокруг пояса. Дернув раздвижную дверь-панель, он приятно удивился, увидев Кирстен склоненной над письменным столом.

– Все работаете?

– Угу, – ответила она, не поднимая глаз. Гость вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Кирстен даже не взглянула на него. Это было обидно, но вскоре Рэйлан догадался, в чем

причина: думает, что на нем до сих пор ничего нет? Улыбка заиграла на его лице, и хорошо, что миссис Рамм не видела этой улыбки.

– Вам нравится писать книгу? – спросил он как можно дружелюбнее.

– Временами.

– А не тяжело описывать вашу жизнь с Раммом?

– Некоторые ее моменты – да.

– Какие?

Кирстен резко вскинула голову и посмотрела на него.

– Не хотите ли пройти в свою комнату? – Она бросила на стол красную ручку.

«Ничего себе поединочек в середине дня!» – подумал Рэйлан. Проскользнув мимо, Кирстен отошла к окну и, ожидая, пока он подберет ботинки, носки и рюкзак, переминалась с ноги на ногу, всем своим видом олицетворяя нетерпение.

– Я оставил джинсы на террасе, чтобы просохли, – объяснил Рэйлан.

– Элис стирает их для вас и высушит, когда вернется.

– Экономка?

– Да.

– А она всегда здесь жила? Я имею в виду, когда Рамм был еще...

– Да, а что?

– Просто я хочу, чтобы в доме все было точно так же, как

при Рамме, когда вы жили здесь вдвоем. – Словно послушный щенок, Норт плелся следом за ней. – То есть все, кроме постели.

Кирстен застыла на месте, и Рэйлан едва не налетел на нее.

– Что вы имеете в виду? Удивленный столь молниеносной реакцией, он несколько мгновений изучал ее лицо.

– Я имел в виду, что постели у нас будут разные... разве нет?

Великолепное чувство ритма было одним из достоинств, которое делало его выдающимся актером. Знатоки высоко ценили талант Рэйлана вести диалог. Эта последняя фраза была построена великолепно: вопросу, которым она заканчивалась, предшествовала точно рассчитанная пауза, короткая, но эффектная, Рэйлан хотел лишь слегка ее поддразнить, но вдруг понял, что всерьез ожидает ответа. Желание разделить с ней постель было спрятано в самом отдаленном уголке его сознания; теперь же, вырвавшись из своего заточения, оно заявило о себе этому здоровому красивому, мужчине со всей откровенностью, подобно бутону, беззащитно распутившему слишком яркие лепестки. Он хотел эту женщину.

– Мистер Норт, вероятно, некоторые девушки приветствовали бы это ваше последнее замечание, но только не я. Мне вовсе не льстит приглашение переспать с вами.

Его бровь изогнулась.

– Я не приглашал вас спать со мной. Если бы я и захотел просить вас об этом, то уж никак не в такой завуалированной форме. Я бы прямо спросил.

Она задохнулась от гнева, но сдержалась и выдавила из себя:

– Не утруждайтесь.

Она шла впереди, ведя его по переходам этого просторного особняка. Рэйлан шел следом, не имея более ни малейшей охоты дразнить Кирстен, и только отпускал замечания о том; как ему нравится дом.

– Спасибо, – отвечала она. – Это первое, что привлекло мое внимание, когда мы начали подыскивать жилье. Я думаю, Чарли хотел нечто более традиционное, но я его уговорила.

Теперь Рэйлан понял, почему ему так понравился этот дом. Здесь не было нагромождения мебели, ковров, декоративных панелей и всего того, что лишило бы дом прелести, заключавшейся в нем самом, с его белыми внутренними стенами, высоким потолком, не скрывавшим стропил, выложенным плиткой полом. Ничто не отвлекало взор от потрясающего вида на океан за стеклянными стенами.

– У вас всегда все получается так, как вы хотите?

Она остановилась, чтобы пропустить Рэйлана в спальню для гостей. Ее взгляд ускользнул от него, когда Кирстен ответила:

– Нет, не всегда.

. – Может быть, покупка этого дома, была компенсацией за проигранный вами спор?

Вместо ответа она указала на зеркальные дверцы стенного шкафа.

– Там есть туалетный столик. Вы можете распаковать свои вещи сами или доверить Элис. Это ванная. – Она указала на смежную, дверь; за выдвижной дверцей одного из отделений встроенного книжного шкафа скрывался бар с небольшим холодильником, в котором стояли запотевшие бутылки. – Я думаю, вы найдете здесь все, что нужно. Если нет, скажите мне или Элис.

– Почему у меня такое чувство, будто мама отправляет меня в лагерь на все лето: «Не забыл зубную щетку? Взял запасное полотенце? Ну скажи мамочке „до свидания“».

Кирстен пропустила эту реплику мимо ушей и продолжила:

– Мэл сказал, что вы хотели посмотреть фотоальбомы Чарли. Я приготовила их для вас в кабинете, дверь в конце холла. Теперь извините...

Черт побери, с него хватит! Он мог придумать тысячу разных занятий для ее язычка, из которых снабжение его ценными указаниями было бы последним. Размышлять о том, что бы он поставил в начале этого списка, было рискованно, поскольку его естество до сих пор скрывалось лишь под одним тоненьким полотенцем. Тем не менее Рэйлан пересек комнату тремя гигантскими шагами и остановился прямо пе-

ред ней.

– Чем я вам не нравлюсь?

Такая стремительность застала ее врасплох. Не поднимая глаз, которые находились на уровне его груди, Кирстен сказала:

– Вы мне нравитесь. – И сделала шаг назад.

– Странный способ выбран, чтобы показать мне это.

– Вы не можете упрекнуть меня в негостеприимстве. –

Под его напором Кирстен отступила еще на шаг.

– Если я захочу насладиться гостеприимством, то отправлюсь в свой бар.

Рэйлан почти прижал ее к стеклянной стене, за которой открывался вид на океан. На мгновение их тела соприкоснулись, и это подействовало на него как удар молнии. Норт понял две вещи: во-первых, на ней не было лифчика; во-вторых, она очень не любила не только когда ее дразнят, но и когда ее припирают к стене.

– Чего вы от меня хотите, мистер Норт?

Знай Кирстен, насколько пространного ответа требовал этот вопрос, она бы его не задала. Рэйлан не мог ответить ей искренне, поэтому ляпнул первое, что пришло в голову:

– Я хочу, чтобы вы называли меня по имени.

– Я так и называю.

– Вы зовете меня мистер Норт, а мое имя Рэйлан.

– Это ваше настоящее имя?

– Нет, но оно меня устраивает. Она отвернулась, чтобы

взглянуть на пышные заросли цветущей герани, посаженной по всему краю площадки, спускающейся к океану.

– Хорошо, а вы зовите меня Кирстен.

– Спасибо. Скажите, почему вы на меня не смотрите?

– Простите?

– Думаю, вы меня поняли.

– Я смотрю, Рэйлан.

– Да, иногда вы смотрите сквозь меня, но ни разу не посмотрели мне в лицо.

– Я вам не какая-нибудь простодушная поклонница.

– На это я не рассчитываю.

И тут Кирстен на него посмотрела. Рэйлан почувствовал, что тонет в голубизне ее серьезных глаз.

– Знаменитости не внушают мне благоговейного трепета, – добавила она. – Я была замужем за знаменитостью. Он был обычным человеком, как и вы.

«Он был человеком, все верно», – думал Рэйлан, а все его тело дрожало от желания, главного и самого сильного желания мужчин.

Он хотел прижать ее прохладные белые одежды к своей нагретой солнцем коже, обхватить руками ее бедра и прижать к той своей части, которая приподнимала полотенце, несмотря на его попытки успокоиться.

– Вас раздражает мое присутствие здесь, не так ли?

– Да, – не смутившись, ответила она.

– Почему же вы позволили мне приехать?

– Мэл надавил на меня.

– Ваш адвокат? – Рэйлан хмыкнул. – Я видел его всего один раз, но то, что он от вас без ума, очевидно. Да этот мужчина выпрыгнет с двадцатого этажа своего офиса, если вы попросите.

– Я прислушиваюсь к нему, Мэл посоветовал пригласить вас.

– Под угрозой, что я выйду из картины?

– Вы допускаете, что такая возможность существовала?

– Я уже делал так.

– Ну вот, а я не хотела быть ответственной; если бы такое произошло и на этот раз. Я хочу, чтобы фильм был как можно скорее закончен.

– Понимаю. Это ваша жертва ради фильма.

– Да. Я буду с вами сотрудничать, чтобы вы побыстрее получили то, что хотите, и поскорее уехали, но не думайте, что я буду вас развлекать.

Кирстен снова разговаривала с Рэйланом, не скрывая своего превосходства, которое, как стальной резец, ранило его самолюбие. Нужно сбить с нее эту спесь, но как? Миссис Рамм не любит, когда с ней заигрывают; честный и прямой, подход тоже не приносит успеха. Может быть, эпатаж? Рэйлан решил дать ей возможность выговориться, перед тем как неожиданно выбить почву у нее из-под ног.

– И на мой взгляд, – надменно заключила миссис Рамм, – единственно правильный стиль поведения в столь нелепой

ситуации – это держаться в строго профессиональных рамках.

– Вот так вы, значит, все это себе представляете? Тогда у меня есть одно предложение.

– Слушаю.

– Возьмите за правило носить бюстгальтер.

– Вы!.. Вы!..

– Потому что мне трудно думать о вас, оставаясь в строго профессиональных рамках, когда я вижу ваши соски под рубашкой.

Так далеко он позволил себе зайти, решив во что бы то ни стало показать, как он обходится со стервами. И еще он хотел дать выход порыву, который терзал его с самого полудня. Костяшками пальцев Рэйлан провел по маленьким, отчетливо выделявшимся бугоркам на ее груди.

Реакция Кирстен поразила своей неистовостью. Она с силой ударила его по рукам и отскочила, сжав кулаки.

– Никогда больше не делайте ничего подобного.

– Вам не понравилось?

– Разумеется, нет.

Рэйлан не отводил взгляд от ее груди. Соски стали твердыми и соблазнительно темнели двумя пятнышками под белой мягкой материей.

– Разумеется, – повторила она вдруг охрипшим голосом.

Кирстен вылетела вон из комнаты, но беззвучность ее шагов лишила решительный уход грозного эффекта. Этот недо-

статок восполнил грохот захлопнувшейся двери.

– Как долго уже отдыхает миссис Кирстен?

– Когда я вернулась, она была в своей комнате и шторы на окнах были задернуты, – ответила экономка.

– Может, вам следовало бы сходить к ней?

– Я заставила ее выпить две таблетки от головной боли и... – Элис посмотрела на него с упреком.

– Болела голова?

– Так она сказала. Я сделала ей холодный компресс на лоб и запретила вставать до обеда. – Разволновавшись, Элис размахивала морковкой прямо перед его носом. – И все из-за того, что она слишком много работает над книгой.

Рэйлан не стал бы так категорично настаивать на том, что причина недомогания хозяйки кроется лишь в чрезмерном усердии. Не утомление и не головные боли заставили Кирстен уединиться в своей комнате, а он или, вернее, то, что он сделал.

«Как же я мог распуститься до того, что прикоснулся к ней?» – спрашивал Рэйлан себя, ведь он был не из тех, – кто при каждом удобном случае хватается женщин за задницу. Грязные домогательства были ему отвратительны, вызывая стыд и жалость при мысли о тех женщинах, которым пришлось испытать это на себе.

Так что же заставило его дотронуться до этой женщины? Конечно, все вместе: профессиональный интерес, сексуальное желание, эмоциональное напряжение... Рэйлана непре-

одолимо влекло к ней. И все-таки он должен был сдержаться. Ее гнев не пугал – с этим он справится. Но что было совсем непонятно и мучило его, так это страх, который он увидел в глубине голубых глаз. Не этот ли страх заставил ее до боли закусить нижнюю губу? А может быть, отвращение? Или... его ласка? Или... мгновенная реакция ее собственного тела?

Ни черта не разберешь! Разгадка витала где-то очень близко, но ему так и не удалось ухватить ее ни во время душа, ни в кабинете, пока он просматривал личные вещи Демона Рамма.

Там его и застала Элис. Надеясь выведать что-нибудь о Кирстен, он прошел за экономкой на кухню и принялся болтать, пока она готовила ужин. Как и ее хозяйка, Элис была не в восторге от его присутствия, но джинсы, брошенные Рэйланом на террасе, подобрала и выстирала. Ее деловитость и начальственные интонации в разговоре очаровали его.

Когда речь заходила о хозяевах, Элис была словоохотлива, но не теряла бдительности. Если и было что скрывать, то на нее можно было положиться. Будучи страстной поклонницей кино, экономка расспрашивала Рэйлана о своей любимой актрисе, с которой ему довелось поработать. И пока Элис натирала сыр, Рэйлан наскоро придумал смешную историю об этой актрисе.

– Итак, она идет к постели, как мы и решили. Я стою к ней спиной, вот так. Снимаю рубашку...

– О, я помню эту замечательную любовную сцену.

– Спасибо. В конце концов она таки получилась. Но в том дубле не успел я снять рубашку, как слышу за спиной леденящий душу вопль. Думаю: «Боже, наверное, у меня проказа!» Но оказывается, ребята из съемочной группы решили поохмить: спрятать под пологом монстра из фильма ужасов. А...

– Нет! – простионала Элис.

– Да. Только актриса отдернула занавеску, как сразу увидела это рогатое страшилище во всей красе.

– И что же она сделала? – Элис была вся внимание.

– Сразу после вопля – ничего. Только посмеялась их шутке. Но на следующий день она им отомстила.

– Как? – хихикая, словно дитя, спросила Элис.

Рэйлан кинул себе в рот оливку и с удовольствием посаживал ее в продолжение всего рассказа.

– Она поднялась очень рано, пока все еще спали, и велела своим детям, которые были с ней на съемке, собрать обувь всей съемочной группы. К завтраку у нее была целая куча кроссовок и ботинок, шнурки которых были перевязаны между собой. Вы никогда не пробовали разобрать кучу из сорока пар обуви да еще не опоздать на площадку, где вас ждет тиран-режиссер?

– Ну мог ли кто-нибудь подумать, что она способна на такое ребячество! Она всегда так элегантна. – Элис посмотрела куда-то через его плечо и улыбнулась. – Ой, кто идет! Как голова?

Рэйлан оглянулся и увидел в дверях Кирстен, по-прежнему старающуюся не глядеть на него. – Спасибо, уже лучше. И у него снова захватило дух. Жаркий полдень сменился волшебным вечером. Ее стройная фигура изящным силуэтом вырисовывалась на солнечной вуали. Верх платья крест-накрест охватывал спереди грудь, сходясь в узел на шее и оставляя спину открытой. Немыслимо носить бюстгальтер с таким платьем. Было очевидно, что она нарочно выбрала именно такой наряд, и Рэйлан даже захотел выразить восхищение ее находчивостью, но, взглянув на Кирстен повнимательнее, прикусил язык и вежливо заметил:

– Красивое платье, Кирстен.

Она продолжала смотреть сквозь него, и Рэйлан понял, что ей не по душе его вечерний наряд.

Джинсы были чистыми, но это не спасало. С белой футболки зияла разверстая пасть спилберговской акулы, которая от бесчисленных стирок приобрела тусклый, неопределенный оттенок. На ногах были кеды, вид которых вызывал жалость. Рэйлан уже давно стал одеваться так, как ему удобно. Он не имел ничего против фрака, если того требовали обстоятельства, но его повседневная одежда выглядела чуть ли не неряшливо.

– Я хочу посидеть на террасе, пока Элис накроет на стол. Вы не присоединитесь ко мне? – предложила Кирстен.

Он знал, что это приглашение сделано из вежливости, но согласился.

Они вышли на террасу с баром в углу и с решетчатым полом, под которым были видны бассейн и часть океана.

– Я буду коктейль с белым вином, – сказала Кирстен.

– А мне просто сок с содовой. – Рэйлан прочел удивление в ее глазах, но промолчал. – Красивое место. Может быть, подыщу себе здесь домик.

– Я думала, у вас уже есть один в Майами.

– Если верить бульварной прессе, то у меня и там дом, и еще ранчо в Аризоне, и еще... черт его знает... юрта на Аляске.

– А на самом деле?

– Квартира, в которой одна спальня. Рядом с Сансет-бульвар.

Такое саморазоблачение явно обескуражило ее и заинтересовало.

– Почему же так?

Пожав плечами, он опустил на низкие перила террасы, где сидела Кирстен. Но в отличие от нее оседлал перила, широко расставив ноги и повернувшись к ней лицом.

– Это все, что мне нужно. – Рэйлана рассмешило недоверчивое выражение ее лица. – Только не говорите, что вы верите всей этой чепухе насчет шкур леопарда, зеркальных потолков и индейских языческих скульптур.

– Я думала, это были шкуры зебры и египетские саркофаги, полные кокаина.

Он подумал о том, как чудесно Кирстен смеется. Просто

слышать этот смех – уже наслаждение, но еще более радостно видеть, что ее обида проходит. Она опустила взгляд на свой бокал, по ободку которого водила указательным пальцем.

– Уверяю вас, Кирстен, что в моей квартире нет ни одной шкуры. И вообще ничего подобного.

– Я вас не спрашивала об этом.

– Нет, спросили. – Он говорил тихо, и его слова сливались с шепотом ни на секунду не затихающего бриза. – Спросили глазами. Кстати, а где ваши очки?

Интонации их разговора постепенно приобретали оттенок доверительности. Кирстен слегка откинулась назад и заговорила неестественно громко:

– Я надеваю их только когда работаю, чтобы не перенапрягать зрение.

Рэйлан внимательно всмотрелся в ее глаза, как будто пытаясь разглядеть признаки напряжения или усталости. Она встретила его взгляд с прежним настороженным вниманием. После затянувшейся паузы Кирстен встала.

– Налить вам еще?

– Пожалуй.

Она наполнила бокалы, и Рэйлан отметил, что на этот раз в ее коктейле было больше вина. Он соскочил с перил и потрогал красные гибискусы. Раскачиваясь на ветру, цветы напоминали кардиналов, которые трясут головами, приветствуя папу. Его палец скользнул внутрь одного из цветков.

Это был невольный и совершенно невинный жест, но Рэйлана мгновенно обдало горячей волной желания. Эротические фантазии, навеванные телом Кирстен, роились в его голове, заслоняя все другие мысли.

Рэйлан виновато посмотрел на нее и увидел, что Кирстен наблюдает за его рукой. Их взгляды встретились. Щеки Кирстен загорелись румянцем. В этот момент Рэйлан был абсолютно уверен в том, что их мысли текут в одном направлении.

Однако он был не настолько глуп, чтобы тотчас же воспользоваться ситуацией, и заговорил о другом. Показывая на закрытую дверь, он спросил, что там.

– Сауна.

– Здорово!

– Можете пользоваться когда захотите. Ее никогда не выключают.

Они заняли прежние места на перилах. Его колено случайно коснулось ее колена. Она не убрала ноги. Он тоже. Ему было чертовски трудно открыто смотреть на нее. Гораздо легче украдкой, поверх стакана, потягивая содовую.

– Если вы не хотите, чтобы я читал ваши мысли, лучше все время носите очки, – наконец заметил он. – У вас слишком выразительные глаза.

– О чем я сейчас думаю? – спросила она, проверяя его.

– Обо мне. Вы хотите знать, что правда, а что выдумка.

– Это меня не касается.

– Я живу в вашем доме, и это вас касается. Вы не беспокоитесь, что после ужина я вдруг достану из кармана пакетик кокаина?

Она резко наклонила голову, молчанием подтверждая его предположение.

– Я не принимаю наркотиков, Кирстен. И никогда не принимал, за исключением нескольких раз на пьяных вечеринках еще в студенческие годы.

Она пыталась отыскать в его глазах и словах признаки лицемерия.

– Правда?

Он молча кивнул.

– А вы?

– Нет!

– Ну, тогда нам не о чем беспокоиться. – Он пригубил свой бокал содовой. – Я также не алкоголик, который завязал и пытается удержаться.

– Вы пьете чистую содовую.

– Это потому, что я сегодня днем вставил капсулу в нос, – у меня неприятности с носовой перегородкой.

Несмотря на его попытку пошутить, Кирстен оставалась серьезной.

– Я читала другое. Про ваш алкоголизм.

– Лживые статьи.

– Вы их никогда не опровергали.

– Опровергать их значило бы придавать им значение. И

потом, у меня есть дела поинтересней.

– Да, о них я тоже читала, – заметила она, слегка улыбувшись.

– Любовные похождения? Хотите знать о моей интимной жизни?

– Нет.

– Это имеет значение?

– Нет, до тех пор пока... пока...

– Пока я не собираюсь предпринять чего-нибудь, пользуюсь вашим гостеприимством.

– Я не думаю, что вы так поступите.

– Спасибо за доверие. – Рэйлан саркастически усмехнулся.

– Как же вы хотите, чтобы люди о вас думали? – вспыхнула она. – Вы не даете интервью. Раз все это ложные подозрения, вы могли бы легко их развеять, если бы не были таким скрытным.

– Но меня эти слухи не волнуют. В отличие, например, от вас.

– Как вы можете спокойно относиться к тому, что люди думают о вас всякие пакости?

– Это издержки моей работы.

– Все же...

Прежде чем осознать, что делает, Рэйлан взял ее за руку.

– Поймите, если бы я задался целью и опроверг все существующие на данный момент слухи, к следующему утру

появились бы новые. Это отнимало бы кучу времени и сил, и все без толку, как если ходить за сопливым ребенком и непрерывно вытирать ему нос.

Кирстен рассмеялась, услышав такое сравнение, и он добавил с улыбкой:

– До тех пор пока люди, которых я люблю, находятся в безопасности, я не позволяю газетным слухам беспокоить меня.

По ее лицу пробежала невидимая тень, приглушив искреннюю улыбку.

– Ага, – сказал он, – я вижу, что вы все еще озабочены подробностями моей интимной жизни. Если вас интересуют мои сексуальные предпочтения, почему бы просто не спросить?

Она высвободила свою руку из его ладоней и если не физически, то мысленно отстранилась от него.

– Как я уже говорила – это не мое дело. Он глубоко вздохнул и постарался объяснить:

– В моей жизни были мужчины, которых я любил. – (Кирстен быстро подняла на него глаза). – Родственники. Несколько дорогих сердцу друзей. Но у меня никогда не было мужчины-любовника.

Каким-то непонятным образом ее локоть оказался в его руке. Большим пальцем он нежно поглаживал его внутреннюю поверхность. Он знал, что эта ласка, его убаюкивающий голос и неотрывный взгляд действуют гипнотически.

– Будь я гей, неужели бы меня так проняло, когда я сего-

дня днем коснулся вашей груди.

Бокал выскользнул из ее рук и, разбился вдребезги. В этот момент экономка с порога позвала ужинать.

Элис первая отреагировала на происшедшее, хотя на какое-то мгновение все трое оцепенели в напряженной тишине. Экономка рванулась вперед, минуя лужу, усеянную кусочками льда и осколками.

– Кирстен, прости, – воскликнула Элис. – Я просто хотела позвать вас на ужин. Я не думала, что напугаю тебя.

Рэйлан обнял Кирстен за талию и поддерживал до тех пор, пока едва заметным движением она не дала понять, что помощь уже не является необходимой... и желательной.

– Я сама виновата, Элис, – сказала она дрожащим голосом. – Бокал был влажный, и я просто... не удержала его. Все готово?

– Да. Все на столе. Вы оба идите в дом, а я тут приберу.

Рэйлан подумал, что ужинать в этой расположенной на уступе скалы столовой, три стены которой были стеклянными, все равно что висеть над пропастью в аквариуме. Мебели почти не было, за исключением нескольких стульев и стола со стеклянной крышкой. Ножками ему служили две медные головы овнов, рога которых, закрученные назад, упирались в пол. Свечи в хрустальных канделябрах распространяли аромат жасмина. Центр стола украшала крошечная ваза с тремя стебельками ландышей. Все было просто и элегантно.

– Дизайн гениальный, – сказал Рэйлан, подвигая стул

Кирстен.

– Это я сделала.

– Мне нравится ваш вкус.

Бросив на него пронизательный взгляд, хозяйка, видимо, пришла к заключению, что в его словах не было никакого подтекста, и с чопорным видом села на свой стул.

– Спасибо.

Она разложила по тарелкам салат, наполнила бокалы водой со льдом, сложила на коленях салфетку, подала корзиночку с хрустящими ломтиками маисовой лепешки и только после этого принялась за еду. Он наблюдал за Кирстен, чувствуя, что точность ее жестов свидетельствует о внутреннем напряжении.

– Вы, кажется, расстроены, нет?

– Да, я расстроена, – в ярости прошептала она, слыша, как Элис беспечно напевает на кухне. – Мне не нравится, как вы со мной говорите.

– Как я говорю? Вы имеете в виду то, что я упомянул о...

Она взмахнула руками.

– Не повторяйте этого больше. Я не давала вам повода говорить... думать... так обо мне.

– Нет, – сказал он тихо и опустил вилку на тарелку, – не давали.

– Так почему же вы позволяете себе это? Несколько бесконечных мгновений Рэйлан смотрел на нее, вертя в пальцах стакан, и наконец сказал правду:

– Меня влечет к вам, Кирстен. Она судорожно сглотнула, но на лице ее не дрогнул ни один мускул. Даже глазом не моргнула. И ответила жестко:

– Не разыгрывайте передо мной спектакль.

– Я не разыгрываю, Кирстен.

Рэйлан мог поручиться, что сначала женщина была уверена в его притворстве, но чем дольше они смотрели друг на друга, тем быстрее таяли подозрения. Это было заметно по смущению в ее глазах и по тому, как судорожно она облизала губы и совершенно не к месту напустила:

– Мы занимаемся делом.

Рэйлан приободрился, услышав нарочитую резкость в голосе Кирстен.

– Правильно. Но мое влечение к вам не имеет к этому делу никакого отношения.

– Вы не должны испытывать ко мне влечения.

– Я не знал, что так будет.

– Вот и не надо.

Он взял ее маленькую руку в свою большую горячую ладонь.

– Боюсь, Кирстен, что в данном случае я не волен хотеть или не хотеть этого.

– Вам придется. – Она высвободила руку. – Или держите свои чувства при себе. В любом случае вам это не принесет ничего хорошего.

– Вы говорите «нет» еще до того, как я сказал свое слово.

– Потому что я любила мужа. Он отодвинул тарелку с почти не тронутой едой и, опираясь на локти, наклонился вперед:

– Ваш муж уже два года мертв. А я дотронулся до вас сегодня.

– Чего вам не следовало делать.

– Возможно. Но так уж вышло. – Рэйлан придвинулся к ней еще ближе. – Поверьте, Кирстен, вы живой человек. И даже если ваша голова отказывается от новой любви, то ваше тело не хочет отказываться.

– Мне не нужна новая любовь. Ни с вами, ни с кем бы то ни было.

– Вы это очень уверенно сказали. Почему? Потому что вы любили своего мужа?

– Да.

– Хорошо, я поверил. На время. Но скажите, какое такое особенное нечто было в ваших отношениях с мужем, что мешает вам теперь любить других мужчин? Что это значило – любить Чарльза Рамма, Демона?

Глава 3

– Прочтите мою книгу.

– Я прочитал. По крайней мере те главы, которые были предоставлены сценаристу. – Он понизил голос. – Книга рекламировалась как очень откровенная. Но я так не думаю. Вы не коснулись некоторых сторон ваших отношений с мужем.

Кирстен сняла с колен салфетку и бросила ее на стеклянный стол.

– Вы закончили?

– Эту тему? Нет.

– Ужин.

– Ужин – да.

Кирстен привела его из столовой в просторную комнату. Элис уже разожгла камин с медной решеткой в виде веера. Поскольку дом располагался очень близко от океана, вечерами заметно холодало, и камин здесь был просто необходим. К тому же он прекрасно вписывался в эту современную и очень уютную комнату. Огненные блики весело плясали на плиточном полу.

Но для Кирстен огонь был скорее необходимостью, нежели модным украшением. Она придвинулась к камину поближе, будто сильно замерзла. Забившись в угол дивана, подобрал под себя ноги и прижимая к груди пеструю, расписан-

ную батиком подушку, она неотрывно смотрела на мерцающее пламя.

С обычным для него пренебрежением к правилам приличия Рэйлан опустился на коврик перед диваном. Опираясь на локоть, он лежал на боку и глядел на Кирстен, пока его взгляд не стал таким же теплым, как огонь.

– Не смотрите на меня так, – сказала она сердито.

– Как?

– Как будто ждете, что сейчас я открою вам страшную правду.

– А разве есть «страшная правда»?

– Нет.

– Тогда почему вы становитесь такой раздражительной, когда мы касаемся этой темы?

– Когда вы касаетесь этой темы.

– Я хочу знать, какие отношения были между вами и вашим мужем.

– Прекрасные отношения. И попробуйте допустить, что мне не нравится, когда лезут в мою личную жизнь.

Он согнул одну ногу в колене и, покачивая ею из стороны в сторону, по-прежнему не отводил глаз от Кирстен.

– Мне кажется очень странным, что вы сейчас заговорили об этом. Если вы не хотите, чтобы люди знали о вашей жизни с Раммом, почему же решили написать книгу? Нет ли здесь противоречия?

Она тяжело вздохнула, прикрываясь цветной подушкой,

словно щитом.

– Иногда я очень жалею об этой затее.

– Тогда зачем вы взялись за книгу, Кирстен? Из-за денег?

Она презрительно посмотрела на Рэйлана и отбросила подушку.

– Конечно же, нет!

– Рад слышать. Я бы огорчился. Тогда почему?

– Хотела увековечить образ Чарли.

– Ну и каким вы его видите? – Рэйлан сел по-турецки, лицом к дивану.

– Таким, как все. Стопроцентным американцем. Сильным. Смелым. Порядочным. Он бы настоящим героем для молодежи.

– Господи, Кирстен, вы что, цитируете листовки, пропагандирующие здоровый образ жизни, или рекламные ролики против наркотиков, пьянства за рулем и тому подобного?

– Да. – Она нахмурилась.

Норт знал, что ей не понравится следующий вопрос, но не мог не задать его:

– А бывало такое, что Рамм проповедовал одно, а поступал по-другому?

Она прищурилась, в глазах ее мелькнули злые огоньки.

– Нет. Он всегда оставался верен своему образу принципиально честного человека.

– Ладно, не сердитесь. Просто у меня не проходит ощущение, что вы взвалили на себя крест защищать безупречную

репутацию мужа.

– Его репутация не нуждается в защите.

– Не забывайте, что не все так думают. Многие считали, будто он провоцировал людей на безрассудство. Невероятные трюки в воздухе выходили у него настолько легко и просто, что вызывали у неопытных пилотов-любителей желание сделать то же самое.

Кирстен, не соглашаясь, покачала головой. – В каждом интервью Рамм акцентировал внимание на огромном риске для тех, кто занимается высшим пилотажем. Точный расчет и осторожность были его пунктиком.

– Но ваш муж воспевал скорость. Это все равно что просить подростка не гонять слишком быстро, протягивая ему ключи от семейной «ВОЛЬВО».

– Скорость и сила притяжения были тем, что Чарли преодолевал всю жизнь. Он хотел, чтоб все с пеленок знали: любые препятствия, какими бы сложными они ни казались, можно одолеть, потратив на это достаточно сил и времени. Он был примером целеустремленности, олицетворением доброй старой американской добродетели – трудолюбия и упорства. И совершенно не правильно думать, будто он демонстрировал уроки безответственности и беспечности. В отличие от некоторых современных кумиров молодежи Чарли, я думаю, оказывал положительное влияние. Я хочу, чтобы люди помнили это и... и...

–..и тот несчастный случай.

Эти слова, сказанные им так мягко, зловеще повисли в воздухе. Кирстен низко опустила голову, ее подбородок почти касался груди.

– Да.

Рэйлан кинулся к ящику с дровами и подкинул поленья в огонь. Поставив каминную решетку на место, он отряхнул руки и снова сел у дивана. На этот раз прислонился к дивану спиной. Его плечо оказалось рядом с коленями Кирстен...

– Итак, вы хотели увековечить легенду о Демоне... – начал он фразу, но, не закончив, спросил о другом:

– Кстати, мы как-то заспорили на съемках: кто из спортивных комментаторов придумал ему это прозвище?

Кирстен рассмеялась:

– После того как он стал знаменитым, многие оспаривали эту честь. В действительности никто не знает наверняка. Кто-то когда-то сказал, что в его бесстрашии есть что-то демоническое, дьявольское.

– Значит, какой-то остряк отбросил все лишнее, присоединил к сравнению вашу фамилию, и – вуаля! – вышло неплохо.

Она кивнула.

– Ну хорошо. О чем я говорил до этого? Ах да. Что побудило вас взяться за книгу?

– Я уже сказала.

– Вы объяснили, почему сделали это для него: чтобы прославить его героизм. А вам зачем нужна эта книга?

Рэйлан пожалел, что заставил ее углубиться в прошлое. Ах, если бы статьи, фотографии и кинохроника могли приоткрыть тайну бесстрашной души Демона, то не пришлось бы так мучить его вдову.

Но интуиция артиста, артиста от Бога, которая для многих продюсеров, сценаристов и режиссеров была стихийным бедствием, подсказывала ему, что только Кирстен может дать ответ на загадку, скрывавшуюся за обворожительной улыбкой ее покойного мужа. Рэйлан продолжит свое расследование, даже если для Кирстен это будет очень тяжело. Он проходил и через более сложные испытания, прежде чем докапывался до самой сути в характере своего персонажа.

Перед тем как сниматься в роли бродяги времен Великой депрессии, Рэйлан несколько недель жил в поездах, голодал и попрошайничал. Когда пришлось играть футболиста, он тренировался в команде «Л.А. Рэме» с полной физической нагрузкой, как профессиональный спортсмен. Работая над ролью польского еврея, узника концлагеря, он обрил голову и чуть не довел себя до голодного обморока. Он делал все возможное, чтобы «поставить себя на место» своего героя.

Теперь Рэйлан пытался влезть в шкуру Демона Рамма. Судя по всему, шкура у летчика была очень толстая и жесткая.

– Мне нужно было, чтобы воспоминания улеглись, – сказала она, отвечая наконец на вопрос Рэйлана.

Он посмотрел на Кирстен. Ее взгляд был устремлен на

огонь.

– После того несчастного случая всплыло множество проблем, которые требовали внимания. Расследование страховой компании, похороны. – Ее передернуло. – Поднялась такая суматоха! Журналисты что-то вынюхивали, а фанаты вопили, чтобы их допустили до гроба...

Она закрыла лицо маленькими руками с тонкими голубыми прожилками. Ее неподдельное страдание глубоко взволновало Рэйлана. Ему до боли захотелось прикоснуться к этим изящным пальчикам и таким образом попросить прощения за то, что берedit ее раны.

Господи, что же делать? Прижать Кирстен к себе, как ему хотелось, он не мог. Она поняла бы, что это жалость, а Рэйлан знал, гордость не позволит ей принять чью-либо жалость. О том, чтобы зацеловать ее невероятно печальное лицо, не могло быть и речи: легкой, успокаивающей лаской дело не кончилось бы. Он знал, что, если коснется ее губ своими, в этом будет нечто большее, чем просто нежность.

Рэйлан остановился на том, что положил руку на колено под юбкой. В ответ он почувствовал лишь едва заметную дрожь – произвольную реакцию. Но Кирстен позволила мужской руке лежать на ее гладком колене.

Ресницы были влажными, но она не плакала.

– Я ощущала полную отстраненность. Я делала все необходимое, но по-настоящему ничего не осознавала. Вы понимаете, что я имею в виду?

Он слегка сжал ее колено. Кожа была нежнее шелка. Ему приходилось волевым усилием удерживать пальцы в неподвижности.

– Америка рыдала во весь голос, а я так не могу. Мне всегда действовала на нервы необходимость быть на виду у публики, но никогда так сильно, как после смерти Чарли. Ужасно оплакивать мужа, зная, что подробный репортаж об этом появится в утренних газетах.

– Написание книги – это способ оплакать его без посторонних, похоронить его, излить невыплаканные слезы. – В шепоте Рэйлана слышалось искреннее сочувствие.

Она тихонько согласилась:

– Как только выйдет книга, а за ней и фильм, я покончу с этим навсегда. Я хочу жить своей жизнью, быть только собой. Я хочу помнить, что я миссис Рамм. Но все остальные об этом должны забыть.

В хрупкой тишине раздавался лишь сухой треск поленьев. Затянувшуюся паузу прервала Элис.

– Кирстен, хочешь, я подам кофе? – поинтересовалась она, остановившись в широком, закруглявшемся вверху дверном проеме.

Кирстен вопросительно посмотрела на Рэйлана. Тот отрицательно покачал головой.

– Спасибо, не надо. Ложись спать, Элис.

Увидимся утром.

Экономка пожелала им спокойной ночи и ушла. «Инте-

ресно, – подумал Рэйлан, – заметила ли Элис мою руку, лежащую на колене хозяйки?»

Наверное, Кирстен подумала о том же, потому что положила ногу на ногу и выпрямила спину. Казалось, демаркационная линия между ними была стерта, и теперь женщина хотела провести ее заново, на случай, если этому мужчине рядом вдруг взбредет в голову снова переступить границы.

– Вы уверены, что ничего не хотите? – спросила она, пытаясь вежливостью отвлечь внимание от неловкого движения. – Сладкого или чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. А каким кавалером был Рамм?

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы переключиться с ответа Рэйлана на его вопрос.

– Кавалером?

– Он был вежливым, застенчивым, любвеобильным, агрессивным, экстравагантным, скованным, каким? Какие были его первые слова?

– Ни за что.

– Пожалуйста, Кирстен, мне нужно...

– Я же вам отвечаю! Это первое, что Чарли мне сказал, – «ни за что».

– Так, значит, вы первая заговорили. – Рэйлан оперся локтем о край дивана, положил подбородок на руку и взглянул на Кирстен с улыбкой, которая обольстила бы половину всего населения земного шара. – Расскажите мне об этом.

Она сделала глубокий вздох.

– Я тогда только что получила степень бакалавра и очень любила задирать нос.

– Вы не изменились.

Она угрожающе посмотрела на него, но на губах ее дрожала улыбка.

– Мужчины, которые меня окружали, были в основном интеллектуалы. Подружка как-то пригласила меня в ночной клуб. Я знала, что там часто собираются военные, и не хотела идти. Но она познакомилась с каким-то летчиком и хотела похвастаться им, так что мне ничего не оставалось, как пойти...

– И вы пошли, – подхватил Рэйлан. Он сложил большие и указательные пальцы так, что получилось нечто вроде прямоугольного объектива, сквозь который теперь и рассматривал Кирстен, как будто она была в кадре. – Я словно все это вижу собственными глазами. Вот вы, маленькая леди, печальная и растерянная, в толпе подвыпивших, сыплющих непристойности и...

–..и когда моя подружка покинула меня, чтобы потанцевать с этим летчиком, я хотела только одного – ничем не выделяться. И тут в противоположном конце зала я увидела мужчину.

Улыбка осветила ее лицо. Искренняя, несдерживаемая, естественная в своей красоте улыбка. У Рэйлана все внутри перевернулось от зависти к Чарли Рамму.

А Кирстен продолжала:

– Это был высокий симпатичный блондин, широкий в плечах, он так самоуверенно улыбался, будто для него в жизни никогда не существовало никаких преград. На его лице было написано «Любую соблазню».

– А вы, конечно, терпеть таких не могли.

– Еще как! Но он протиснулся к моему столику и сел рядом.

– Как?

– Что как?

– Как он сел? На краешек стула? Плюхнулся на него с размаху? Как?

– Вообще-то он развернул стул, оседлал его и обхватил спинку руками перед собой.

– Вот-вот, спасибо. Извините, что прервал. Продолжайте.

– Этот парень не произнес ни слова. Просто сидел, глупо улыбался и пялился на меня. Я сказала: «Перестаньте на меня смотреть». А он...

– «Ни за что».

Кирстен и Рэйлан рассмеялись вместе.

– А потом? Потом он предложил вам что-нибудь выпить?

– Да, но я отказалась.

– Какая бессердечность!

Кирстен подпрыгнула, будто ее укусила змея. Грустная, задумчивая улыбка исчезла. На лице было написано крайнее удивление.

– Это почти то же, что сказал Чарли. Он прижал руки к

груди, как Ромео, и произнес:

«О дева юная, не будь так жестока».

– Может, я уже знаю его лучше, чем мне кажется. – Рэйлан усмехнулся. – Продолжайте. Что произошло потом?

– Его глупость рассмешила меня.

– Ваше сердце дрогнуло.

– Да, и в тот миг своей слабости я позволила угостить меня стаканом белого вина.

– Белого вина, да? – Рэйлан развеселился. – А на вас были очки, когда вы потягивали белое вино там, где рекой текли виски и пиво?

Чувствуя, что теперь Кирстен совсем успокоилась, он растянулся перед диваном, положив голову на руки и скинув башмаки. На месте живота появилась впадина, начинавшаяся от ребер, и он понял, что голоден. К тому же немного возбужден. Интересно, заметила ли Кирстен бугорок под молнией на его джинсах? Наверное, нет. Это ведь теперь его нормальное состояние, с тех пор как он переступил порог этого дома, – не достигшее стадии неприличия напряжение. «Можно без труда заметить, что я на взводе». Эта мысль заставила Рэйлана улыбнуться. Чтобы не выдать себя, он спросил:

– Какую же общую тему для разговора вы нашли?

– Мы в основном говорили о нем. Не потому, что Чарли был таким уж неучтивым. Он был в восторге, когда узнал, что я получила степень, задавал какие-то вопросы. Но по-

настоящему его занимали только небо и самолеты. Больше ничего. Чарли всегда о них говорил.

– Мне кажется, вы сердитесь.

– Вовсе нет!

При столь эмоциональном ответе брови Рэйлана удивленно приподнялись.

– Я хочу сказать, что Чарли жил полетами, – сказала она в оправдание. – Он был рожден, чтобы летать. Я поняла это с самого начала, в тот же вечер. Для него не летать означало не дышать.

«Демон Рамм был фанатиком своего дела, – думал Рэйлан. – Но жить с людьми подобного типа нелегко. Их преданность делу, должно быть, вызывает ревность у близких. Не это ли так отчаянно пытается скрыть Кирстен – что она ужасно ревновала Рамма к авиации...»

Рэйлан мгновение изучал ее лицо, взвешивая, насколько рискованно было бы сейчас поднять еще одну тему, по горячим следам предыдущей. И решил, что отсрочка не сделает разговор об этом легким.

– По сценарию, Рамм говорит вам, что сожалеет об окончании войны во Вьетнаме.

– Да, – спокойно призналась она. – Он боевой пилот, которому не с кем стало воевать. Я думаю, Чарли был ужасно разочарован, когда наши войска покинули зону Персидского залива. Он не хотел убивать. Просто считал своим призванием летать только на скоростных самолетах. Поэтому не

остался в военно-морских силах и не стал гражданским летчиком, как большинство его друзей.

Рэйлану хотелось подробнее изучить эту черту характера ее мужа, но не сейчас.

– Мы забегаем вперед, – сказал он, – в тот вечер Рамм влюбился в вас?

– Естественно.

– Ну конечно. Только сумасшедший не влюбился бы в вас. Какую же тактику оболыщения он выбрал?

– А как по-вашему?

Кирстен бросала ему вызов: так насколько же хорошо он изучил своего героя? Рэйлан прищурился и склонил голову набок.

– Вы пойдете со мной в постель?

Она с шумом втянула воздух.

– Нет.

– Это вы ответили ему тогда или мне сейчас? В комнате вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как потрескивали дрова в камине.

Наконец она вымолвила:

– Вы говорили не за себя. Вы спросили за него, не так ли?

Актер улыбнулся, но ничего уточнять не стал. Зато несказанно обрадовался, заметив, что она нервничает. Не желая останавливаться больше на этом, Кирстен продолжила:

– Чарли сказал, что я не похожа на тех, кто довольствуется короткими отношениями, и я подтвердила это.

Рэйлан предложил следующую фразу:

– «Это хорошо. Потому что я мечтаю о чем-то более продолжительном».

– Ну, это вы знаете из сценария. Он кивнул и продолжил атаку:

– Он сбил вас с толку?

– У меня от него голова шла кругом и дух захватывало. После мальчиков из студенческого городка – в устаревших твидовых пиджаках, с неестественным акцентом и жаргоном интеллектуальной элиты – Чарли казался таким необыкновенным: потертая кожаная куртка, южный выговор, напористость, сила.

Ее голубые глаза сверкали, розовый язычок нервно облизывал губы, дыхание участилось.

– Знаете, просто находиться рядом с ним было уже интересно.

– Могу себе представить, – пробурчал Рэйлан.

Ему и в голову не приходило, что он станет ревновать. Невероятно! Его как будто пронзило стрелой. С каждым ударом сердца мозг пропитывался новой порцией яда. То был яд ревности.

Он мог понять ее возбуждение, потому что ощущал такое же, если не более острое, мысли о сексе заставляли трепетать каждую его клеточку. От сознания того, что в них загорается нечто прекрасное, хотелось дать волю чувствам, чтобы стало еще лучше. Эмоции брали приступом крепость здравомыс-

лия. То был ад. То был рай. Самое легкое перо самого гениального из поэтов бессильно описать это томление в груди, это напряжение в паху, этот жар в крови, этот бунт плоти.

Но он, черт побери, желает знать, откуда у Кирстен эти чувства: вызваны воспоминаниями или причина в нем, Рэйлане? Эти голубые глаза звали тень Демона Рамма? Или живого Рэйлана Норта?

Очевидно, глаза выдали волнение мужчины, пронзительный взгляд которого напугал Кирстен.

Ступни ее коснулись пола.

– Уже поздно, а я должна завтра переписать четыре страницы.

Доля секунды, и Рэйлан уже стоял перед Кирстен, сжимая ее плечи.

– Не так уж поздно. Мы еще не закончили.

– Я закончила.

Она попыталась освободиться из его рук, но Рэйлан не пустил. Это не было насилием: его глаза были куда более властными, чем руки. Он мог заставить ее не уходить только силой взгляда, не прикасаясь.

– Чарли пригласил вас на танец, так?

– Да.

– Какая была музыка?

– Не помню.

– Черта с два! Вы же помните все остальное. Что за музыка?

– Какое это имеет значение?

– Вот именно – какое это имеет значение?

Примирившись с неизбежностью, она обреченно ответила:

– Люди начали уставать, просили только медленные танцы. Нил Даймонд, поздние «Битлз», «Карпентерз».

– Есть что-нибудь из этого? Он отошел к стене со встроеной стереосистемой и стал перебирать диски на стеллаже.

– У меня нет ничего этого. Вряд ли. Не думаю.

– Тогда подберем что-нибудь по своему усмотрению. «Чикаго» или «Беспечный шепот». Что хотите?

– Вы с ума сошли. Вы что, хотите устроить танцы?

– В общем, да. Таков сценарий. Это исследовательский эксперимент.

Он поставил диск «Чикаго» и включил аппаратуру. В одно мгновение комната наполнилась звуками из спрятанных в разных местах, колонок. Рэйлан настроил громкость и вернулся к Кирстен.

– Как он держал вас?

– Рэйлан, не нужно.

В первый раз за этот вечер она назвала его по имени, правда, с раздражением, но он не обратил на это внимания.

– Мне нужно.

– Зачем?

Кирстен воспротивилась, когда он попытался начать с ней танец.

– Затем, что мы еще не ставили эту сцену. Я хочу знать, как это было на самом деле.

– Я начинаю ощущать себя испорченной пластинкой. Прочтите мою книгу.

– Я прочел. Там сказано, что вы танцевали и испытывали при этом романтические чувства. Маловато для актера, который должен сыграть такое.

– Это работа режиссера – развивать мои мысли и ставить сцены.

– Он и будет ставить, Кирстен, а моя забота – сделать сцену похожей на правду. Когда зрители видят фильм, каждый мужчина должен хотеть оказаться на моем месте, и каждая женщина – на вашем... Теперь сосредоточьтесь.

Последние слова относились к нему самому в не меньшей степени, чем к партнерше. Потому что при соприкосновении их тел Рэйлана охватило огненное желание, и единственное, на чем он мог сосредоточиться, была мысль о проникновении в нее. В тот момент он понял: рано или поздно это случится. И пусть он сдохнет, но он вкусит тела этой загадочной женщины!

– Я Рамм. Я только что познакомился с невероятно привлекательной женщиной и хочу ее больше всего на свете. Что я делаю? Как себя веду? – Рэйлан с силой притянул ее к себе. – Как держал вас Рамм во время танца? Вот так?

Они стояли в исходной для вальса позиции, только намного ближе друг к другу, чем это позволил бы учитель танцев.

– Да, сначала.

Рэйлан повел ее, двигаясь в такт причудливой мелодии вдохновения. Их танец был чем-то большим, нежели просто ритмичное покачивание наэлектризованных тел или легкий флирт мужчины и женщины. Это была любовная прелюдия.

– Он был застенчив с вами? Или крепко прижимал вас к себе?

– Да.

– Что «да»?

– Второе. Чарли не знал застенчивости.

– Он терся щекой о ваши волосы?

Она кивнула, и Рэйлан прильнул к ее голове.

– Так?

– Да, только...

– Только?

– Только он был выше на несколько сантиметров. Ему приходилось наклоняться.

– Ну, с этим придется смириться, вставать на цыпочки я не собираюсь. К тому же, – прошептал он, – мне кажется, что мы очень друг другу подходим.

Их тела находились в полной гармонии друг с другом. Гармония была настолько невероятной, что казалось, будто они сошли с картины, изображающей идеальный союз: его грубая мужественность, нашедшая пристанище в ее нежности. Ткань ее платья была тонкой, почти прозрачной, и джинсы были единственным, что их разделяло. За пульсацией крови

в висках он почти не слышал музыки.

– Что-нибудь еще мне расскажете? – спросил он, нежно подув на короткую бахрому волос на ее шее.

– Он был сильнее, чем вы. Я помню, как спокойно мне становилось, когда он обнимал меня за...

Она замолчала, и Рэйлан поднял голову, чтобы взглянуть на нее.

–..обнимал за?..

– За талию, – продолжила она охрипшим голосом.

Он сцепил руки за спиной Кирстен и еще крепче прижался к ней, еще глубже продвинул ногу между ее бедер.

– Так?

Она кивнула и, немного подавшись назад, устремила на Рэйлана пристальный взгляд, будто пытаясь увидеть в его лице черты Чарли.

– Его волосы были светлее ваших. И курчавее. Совершенно другая структура волос.

– Структура? – переспросил Рэйлан. – Вы трогали его волосы в тот вечер?

Кирстен покачала головой. В глазах ее были растерянность и враждебность.

– Я... вы смущаете меня. Я забыла. – Она опустила голову ему на грудь, руки ее безвольно повисли.

– Когда вы танцевали с Чарли, ваши руки находились в том же положении, что и сейчас, Кирстен?

Она покачала головой на его груди, давая понять, что от-

вет отрицательный.

– Тогда в каком? – мягко спросил Рэйлан. Словно в трансе она медленно подняла руки и мягко обвила ими его шею. Он почувствовал, как затвердели соски ее невысокой груди. Рэйлан тяжело, со свистом втянул в себя воздух.

– Так вы дотронулись до его волос?

– Мне кажется, да. Наверное, я слегка провела по ним пальцами.

Кирстен подкрепила свои слова действием, и, чтобы сдержать стон, когда тонкие пальцы пробежали по его затылку, он прошептал:

– В чью пользу сравнение? Рэйлану было наплевать. Все, что он хотел знать, это понравились ли Кирстен его волосы.

– Ваши более гладкие, мягче, длиннее. Не такие жесткие, не такие курчавые.

Он нежно покусывал ее ушко. Руки гладили обнаженную спину.

– В тот вечер на вас было платье с вырезом на спине?

– Нет. Стояла осень. Я была в свитере. У нее была удивительно гладкая кожа! Как кожа ребенка. Ему еще не доводилось прикасаться к такой.

– На вас был бюстгальтер?

– Да.

– О Господи! – тяжело простонал он, чувствуя, как горят ее груди.

– Вы понимали, что он возбуждается? – Рэйлан плот-

но-плотно прижался бедрами к ее бедрам.

– Да, – прошептала она.

– Долго вы танцевали, Кирстен? Не один час, я надеюсь? – сказал он и подумал, что Рамм был куда выносливее его.

– Нет, всего несколько песен. Моя подруга подошла и сказала, что она со своим пилотом уходит.

Кирстен опустила руки и высвободилась из его объятий. Будучи не в состоянии больше разыгрывать из себя пещерного человека, Рэйлан вынужден был отпустить ее. Музыка вдруг стихла, и комната наполнилась режущей ухо тишиной.

– Чарли был очень галантным и предложил подвезти меня до дома.

– Он сделал это не только из галантности, – недовольно пробурчал Рэйлан.

Кирстен бросила на него гневный взгляд.

– Он был настоящим джентльменом и не позволял себе дерзостей.

– Не сомневаюсь, что он был джентльменом. Но я также уверен, что он был на взводе и думал только о том, как бы затащить вас в постель.

– Как вы...

Остальная часть вопроса осталась Рэйлану неизвестной. Кирстен пристально оглядела его сверху донизу, и на лице отразились изумление и ужас, когда ее опасения подтвердились.

– Правильно, Кирстен, лучше уж вы молчите, – сказал он

негромко. – Чарли вас поцеловал в тот вечер?

– А как в сценарии?

– В сценарии поцелуй есть, как же без этого? Но ведь мы хотим сделать правдивый фильм. Чарли целовал вас в первый вечер?

Утвердительно кивнув, она стала пятиться от Рэйлана.

– Какой это был поцелуй?

– О, в данной области вы большой знаток. Я уверена, что, каким бы ни оказался этот первый поцелуй на экране, публика воспримет его на ура.

– Абсолютно с вами согласен, – самовлюбленно ответил он. – Мастерство доставляет мне огромную радость. Чарли колебался, боялся вас обидеть? Или так отчаянно хотел вас поцеловать, что ему было безразлично, обидитесь вы или нет?

Рассудок твердил Рэйлану, что эта странная и опасная игра с огнем может далеко завести. Но ни тот ни другой уже не владел собой в достаточной степени, чтобы предотвратить то, что надвигалось: остановиться не было никаких сил. Он поцелует Кирстен или умрет.

– Это был нежный, невинный поцелуй? Или страстный и грубый? Или какой-нибудь еще?

Его горячая широкая ладонь легла ей сзади на шею. И не успела она взглянуть на Рэйлана, как губы их встретились.

На этом кончилось всякое сходство. Если ее первый поцелуй с Чарли был неуклюжим и скомканным, если молодой

пилот ВМФ СИ ТА врезался в нее носом, извинился, попробовал еще раз, значит, их первый поцелуй был совершенно непохож на тот, который знаменитый актер запечатлел на губах вдовы знаменитого летчика.

Рэйлан вложил в этот поцелуй именно столько силы и страсти, сколько было нужно. Если Чарли мучил ее рот сухими сомкнутыми губами, пока не осмелел достаточно, чтобы пустить в дело язык, то сейчас Кирстен была поражена полным отсутствием застенчивости у Рэйлана. Его язык сразу устремился в ее рот и двигался бесстыдно, умело и возбуждающе.

Рэйлан мгновенно – до боли в висках – понял, что всю жизнь будет помнить вкус ее губ. Боже, какими они были сладкими! Ее рот раскрылся, как бутон, и затем восхитительные лепестки этого бутона нежно сомкнулись вокруг его языка.

Он познавал ее, со страхом отгоняя мысль:

«Не зашел ли я слишком далеко?» – и в то же время испытывая отчаянное желание продолжать. Ведь она... она откликалась на ласку. Пальцы вцепились в пояс его джинсов, затем заскользили по его спине. Тело Кирстен напряженно дрожало. Покачивая бедрами, он напирал до тех пор, пока ее ноги не обхватили самую горячую и напряженную часть его тела. Повинуясь мгновенному импульсу, он начал ритмично вжиматься в ее восхитительную мягкость.

Внезапно в затуманенном страстью мозгу мелькнуло по-

дозрение: «А что, если ее неистовые движения вызваны не ответной страстью, а желанием убежать?» Он так резко разжал объятия, что оба они покачнулись. Какие-то мгновения они только смотрели друг на друга. Их распухшие от поцелуев губы были влажными, дыхание прерывистым.

Он так много хотел сказать! Она не дала ему шанса: развернувшись на пятках, вылетела из комнаты. Рэйлан хотел ее удержать, но его руки схватили воздух.

– Кирстен!

И рванулся за ней, зная, что это бесполезно. Даже если бы он догнал ее, то что бы сказал? Принес извинения? Но он не чувствовал себя виноватым. Если представится возможность, он снова ее поцелует с такой же страстью...

Проклиная себя, свою несдержанность и странную, им же спровоцированную ситуацию, Рэйлан смотрел, как Кирстен отступает в убежище – спальню, которую когда-то делила с мужем...

Глава 4

Рэйлан встал за час до того, как она появилась в студии.

Наслаждаясь третьей чашкой кофе и мучаясь головной болью от недосыпа, он лежал, раскинувшись, на коротком диванчике, под головой – несколько подушек, и читал старый выпуск «Пипл» со статьей о Демоне Рамме. Босые ноги лежали на спинке дивана. Так ему было удобно. Между коротенькой футболкой и обтрепанными джинсами темнел живот.

Но для Кирстен Рамм не имело значения, во что он одет. Она ненавидела его в любом виде. Потому что эта женщина ненавидела мужчин.

К такому заключению он пришел прошлой ночью, когда не мог уснуть. Ее реакция на поцелуй была не просто отвращением. Но и страхом. Видимо, в ней глубоко засела неприязнь к мужчинам и сексу. Иначе почему она сразу выпускает когти, как только кто-то делает попытки сближения. Неудивительно, что бедняга Рамм так долго искал смерти. В жены Демону досталась Снежная королева.

Услышав, что она входит в комнату, Рэйлан закрыл журнал, положил его к себе на грудь и стал смотреть, как, полная враждебности, Кирстен приближается к своему столу.

– Доброе утро.

– Доброе утро. – Она поставила чашку и опустила в

кресло.

Агрессивность Кирстен злила его: «Фригидная ты или нет, но можно быть и полюбезнее».

– По утрам вы не в духе? – тоже не очень любезно поинтересовался он.

– Да.

– Отлично, я тоже.

Он демонстративно раскрыл журнал и погрузился в чтение, пресекая тем самым всякую возможность разговора. Спустя несколько минут, в течение которых не понял ни слова из того, что читал, Рэйлан украдкой взглянул на нее.

Кирстен неподвижно глядела в окно, совершенно забыв о существовании гостя. Мысли ее были далеко. А Рэйлан тем временем разглядывал профиль маленькой головки на точечной шее.

Она шмыгнула носом, в задумчивости потерла щеку и быстро записала что-то на полях своей рукописи. Кончиком языка облизала губы, и в Рэйлане снова зашевелилось желание.

Черт побери, он все еще ее хотел! Кирстен обладала всеми признаками чувственной женщины. Тогда откуда эта холодность? Любая фригидная женщина в руках хорошего мужчины оттаяла бы рано или поздно.

Или фригидность здесь ни при чем? Может, ее муж был таким фантастическим любовником, что на других она теперь и смотреть не хочет? И все же для Рэйлана это было

вопросом мужского самолюбия – узнать правду.

Его губы растянулись в лукавой улыбке. Он любил трудности, никогда не отступал перед ними. Как и Чарльз Рамм, Демон.

Когда часа через два он подошел к столу Кирстен, та была настолько погружена в работу, что окинула его отсутствующим взглядом из-под очков.

– Что? – спросила она, с трудом сосредоточив на нем внимание. – Вы что-то сказали?

– Я спросил, не проголодались ли вы? Она непонимающе взглянула на поднос в его руках, затем на диван, на котором Рэйлан раньше лежал, и не успела даже задать вопрос, а он уже отвечал:

– Я закончил читать и вышел из комнаты час назад. Вы ни разу не оторвались от работы. Она сняла очки и протерла глаза.

– Я была поглощена этим. – И указала на разбросанные листы рукописи.

– Интересный отрывок?

Не дожидаясь разрешения, Рэйлан поставил поднос на край стола и подвинул его вперед, задев при этом энциклопедию и медный цилиндр, в котором стояли ручки и карандаши.

– Предпоследняя глава, – проговорила Кирстен, рассеянно освобождая на столе место для того, что Рэйлан снимал с подноса. Вдруг она вышла из транса, мгновенно осознав

происходящее, и встала.

– Что это?

– Фрукты, булочки с черникой. Элис испекла. А это...

– Я знаю, что, это. – В ее голосе чувствовалась раздражение. – Что все это делает на моем столе? Элис знает, что во время работы я лишь слегка перекусываю.

– Да, да. – Он присел на край стола и сорвал несколько виноградин. – Пока вы спорите, могли бы уже поесть.

Плюхнувшись в кресло, Кирстен недоверчиво посмотрела на Рэйлана. Не дав ей собраться с мыслями, он спросил:

– Неужели вам нравилось играть второстепенную роль?

– Где играть?

– В жизни Демона. Меня заинтересовала статья в «Пипл», одна из немногих, в которой о вас хоть что-то написано.

– Звездой был Чарли, а не я. Это о нем все хотели читать.

Кирстен подтянула к себе одну ногу и обхватила лодыжку руками. Ее такая домашняя поза выражала смирение, хотя она явно не собиралась сдаваться.

– Муж не хотел делиться лаврами?

– У вас о Чарли неверное представление. – Она нетерпеливо оторвала от грозди несколько виноградин, но, вместо того чтобы съесть, принялась вертеть их и разглядывать. – Мы ни-, когда не оспаривали между собой права пожинать плоды его популярности. Но тем, кто претендовал на часть этой славы, Чарли щедро позволял ею пользоваться. Спросите других пилотов, и услышите то же самое.

– Значит, вы по собственной воле предпочитали оставаться в тени?

– Да.

– Почему? Вы ревновали к тем, кто постоянно вился вокруг вашего мужа?

– Не говорите чепухи.

– Чепухи? – Его лицо выражало сомнение. – Мы снимали одну сцену из того периода, когда карьера Рамма еще только начинала набирать высоту.

– Не надо каламбуров.

Рэйлану нравилась ее находчивость. То, что она хотела быть остроумной, было хорошим знаком. Наверное, ему что-то удалось.

– Так вот, – продолжил он, – после грандиозного шоу мисс Аэродром – не помню точный титул – в бикини и с флагом через плечо подходит к нему и целует его прямо в губы. Потом со вкусом отдается Рамму в ближайшем отеле и при этом говорит: «Я тебя так заведу и покажу тебе такой пилотаж, о каком ты и мечтать не мог, Демон». Это правда или вымысел?

Кирстен опустила ложку в вазочку с йогуртом и принялась помешивать, но есть не стала.

– Квинтэссенция. Такое случалось с ним на каждом шагу.

Рэйлан пристально на нее посмотрел.

– Вас это не задевало?

– Книга и фильм не обо мне, а о Рамме.

– Вы уходите от ответа, Кирстен.

– Из чего умный человек сразу бы заключил, что я не хочу об этом говорить.

– Значит, случайные связи Рамма все-таки обижали вас.

Она вскочила с кресла и выпалила, чеканя каждое слово:

– Это досаждало мне. Мучило меня. Это было вторжение в нашу интимную жизнь.

– Как я сейчас...

– Ну, слава Богу! До вас наконец дошло. – Она откинула волосы жестом, полным отчаяния. – Прекратите приставать ко мне со своими расспросами. Мои отношения с мужем Чарли Раммом не имеют никакого отношения к жизни летчика-аса Демона Рамма.

Она встала из-за стола и направилась к двери. Рэйлан последовал за ней.

– Вы не правы. Мужчина живет с женщиной. Любит он ее, ненавидит или равнодушен к ней – в любом случае она не может не оказывать хоть какого-то влияния на его жизнь.

Рэйлан шел за Кирстен по коридорам, пока она не остановилась перед дверями своей спальни и не повернулась к нему лицом.

– Что ж, прекрасно! Мне нравится думать, что я оказывала крайне положительное влияние на жизнь Чарли. Он действительно меня любил. И нуждался во мне. Я ему даже нравилась, что в современной семье такая редкость. – Она глубоко вздохнула. – Но, повторяю, и фильм, и книга рассказы-

вают не о любви и браке Раммов, а о нем как профессионале. Если вы хотите говорить об этой стороне его жизни – я к вашим услугам. Если нет – вы зря тратите свое и мое время, находясь здесь. И это я пыталась вам втолковать на прошлой неделе у Мэла. А сейчас прошу меня извинить.

Она вошла в спальню и закрыла за собой дверь. Через четверть часа, сменив брюки на шорты, Кирстен показалась в дверях и обнаружила Рэйлана на том же месте, подпирающим стену в ожидании ее. Он упрямо не желал прекращать разговор и как ни в чем не бывало спросил:

– Чарли рассказывал вам о работе, о полетах?

– Постоянно.

– Никогда не говорил, что боится? Вопрос поставил ее в тупик, но не обидел, как опасался Рэйлан. Она призадумалась, желая ответить искренне.

– Боялся – не правильное слово. Я бы так не сказала. Но он был всегда предельно осмотрителен. Прежде чем сесть в самолет, Чарли точно рассчитывал каждую фигуру пилотажа с точки зрения математики и аэронавтики.

– Как насчет суеверия?

– О да. Чарли был очень суеверен. – Она улыбнулась и остановилась у двери, ведущей на террасу. – У вас есть дела? Есть место, куда срочно нужно ехать? Какой-нибудь телефонный разговор?

– Не раньше чем через неделю. Сейчас снимают сцены без моего участия.

– А вам не надо учить текст?

– Я и так знаю, что и когда говорить. – В ответ на ее гневный взгляд он лишь улыбнулся. – Куда вы?

– Я иду прогуляться по пляжу.

– Заманчивое предложение.

– Я гуляю одна.

– А сегодня у вас есть компания. Не дожидаясь ответной реплики, он взял ее за локоть и повел вниз по ступеням.

– Мне не нужна ваша помощь, – проворчала она. – Я могу спуститься по этой лестнице даже безлунной ночью.

– Вы ходите на пляж по ночам?

– Иногда.

– Когда все спят. Почему же вы не спите?

– Почему я не сплю? – Они уже были в самом низу. – Мне вообще трудно заснуть.

Она не вдавалась в подробности, а Рэйлан не стал допытываться. Знал, что нельзя припирать ее к стенке. Они сняли обувь и пошли босиком покромке прибоа. Волны ласково пенились у ног.

– Давайте я теперь задам вам вопрос. Для разнообразия, – сказала Кирстен, чем очень удивила его. – Вы обо всем фильме также дотошно выясняли каждую мелочь? Я имею в виду части, не касающиеся личной жизни Чарли.

– Естественно. Я проводил часы, разговаривая с членами экипажа, в основном с Сэмом. Этот парень может выдуть больше пива, чем кто-либо из моих знакомых.

Кирстен улыбнулась, услышав имя пилота-ветерана, механика Чарли и его друга с того самого дня, как Рамм уволился из ВМФ и окрестил себя «небесным эквилибристом». Ухудшение зрения заставило Сэма отказаться от полетов, и Демон Рамм уговорил его работать с ним.

– Уверена, у Сэма нашлось для вас немало захватывающих историй, – засмеялась Кирстен.

– А вам он не пересказывал все эти истории, когда вы взяли за книгу?

– В смягченной версии.

– Да. Язык механика не для ваших ушей. – Он остановился и серьезно проговорил:

– Сэм благоговеет перед вами и говорит о вас с восхищением.

Рэйлан видел, что ей это приятно. И только сейчас его поразила очевидный факт: если лучший друг Рамма так уважает его жену, значит, она никак не могла быть помехой счастью Чарли. Значит, это полностью исключало фригидность. Хотя, конечно, трудно представить, как бы один мужчина признавался другому в том, что его жена фригидна.

Так что же на самом деле? Проклятие! Полная неразбериха.

– Скажите, актер, который играет Сэма... хороший? – спросила она вдруг, прервав его размышления.

– Да, хороший. Настоящий медведь. Но, мне кажется, чтобы играть Сэма, ему чуть-чуть недостает сентиментально-

сти.

– Тогда уж – придурковатости. Хотя за этим он, безусловно, скрывает душу нежную, как у мадонны.

– Несложно догадаться. – Рэйлан рассмеялся. – Уж как этот сукин сын смеялся над моими полетами!

– Для картины вы учились водить самолет?

– Я уже умел летать, а Сэм только рассказал, как выполняются простейшие фигуры.

– Значит, слухи о том, что у вас есть самолет, верны?

– Ну, не «Боинг-707», если вы это имеете в виду. Может, по слухам, у меня ковер-самолет? – улыбнулся он.

–..и безобразные оргии на высоте тридцать семь тысяч футов, – в тон ему весело добавила Кирстен.

Рэйлан печально взглянул на нее:

– Теперь можно смеяться сколько угодно, а тогда эта история чуть не погубила девушку.

– Актрису?

– Да. – Он остановился, подобрал ракушку и зашвырнул ее далеко в сверкающую воду. – Мы прилетели на съемки той картины в Лондон одновременно, но на разных самолетах. Пресса почему-то забыла упомянуть этот факт. Я встречался с ней лишь однажды в кабинете режиссера, где тогда находилась уйма народу.

Ветер мягко трепал его волосы, но рот был сурово сжат, а взгляд стал серьезным и задумчивым. Куда исчезла его жизнерадостность?

– Когда вся эта чушь попала в газеты, стало ясно, что нас побьют камнями в Хитроу и придется мучиться из-за всей этой шумихи. Ее тогдашний приятель телеграфировал, что у них все кончено. Мать с другого конца Атлантики позвонила и назвала ее шлюхой. Это так подействовало на девушку, что она еще долго не могла работать... Это была ее первая главная роль. Режиссер – хам, которого она боялась до смерти, агенты – хапуги и проходимцы, которым она все спускала.

Рэйлан тяжело вздохнул, долго молчал, затем продолжил:

– Она была так невинна. Она переживала все, что бездумно пишут о ней репортеры. Ублюдки! Она принимала таблетки по утрам, чтобы только подняться, и еще большую дозу по вечерам, чтобы заснуть. Кокаин только способствовал ее паранойе.

Он стоял на сильном ветру и не замечал этого. Волнение, читавшееся на его лице, делало Рэйлана очень красивым. Не было ничего удивительного в том, с какой заботой, нежностью и страстью смотрели на него кинокамеры.

Внезапно осознав, в какое уныние погрузился, Рэйлан оглянулся и поймал на себе пристальный взгляд Кирстен. И в ответ наградил ее одной из своих сардонических усмешек.

– Голливудские страдания!.. Ветер развевал свободную одежду Кирстен. Блузка то надувалась, как парус, то облепляла ее соблазнительные формы.

– Вы очень красивы, вам никогда не приходило в голову сниматься в кино?

Она засмеялась, но ветер унес звук в сторону, и Рэйлану досталось только прелестное выражение ее улыбающихся губ. Ему снова мучительно захотелось ощутить их вкус.

– Вряд ли у меня получилось бы. Я не обладаю ни талантом, ни способностью к самодисциплине.

– Вы не дисциплинированы? Не думаю. Сегодня вы с утра сидели в кресле и несколько часов корпели над одной-единственной страницей рукописи.

– Это другое.

– Почему?

– Потому что глубоко личное. Оно имеет отношение только ко мне и моим словам на бумаге.

– Для вас очень важна ваша независимость?

– Очень.

Оглядывая Кирстен, он изучал ее беспристрастно, как киномагнат молодую актрису, оценивающий ее кассовый успех.

– Возможно, именно поэтому вы и не пошли в Голливуд. Они бы уж точно посягнули на вашу независимость.

Он надеялся, что Кирстен примет вызов, и не ошибся. Она спросила, как «они» могли бы это сделать.

– Например, могли захотеть, чтобы вы отрастили волосы, а теперешняя стрижка вам чертовски идет. – Он обвел пальцами контур ее темных волос, затем нежно взлохматил ровную темную бахрому над ушами и сказал:

– У вас потрясающие глаза – большие, умные, выразитель-

ные. Таким глазам не нужны накладные ресницы. – И кончиком пальца провел по темным легким ресницам. – Красивый овал лица, высокие скулы. – Он взял Кирстен за подбородок, большой палец быстро скользнул между губами и погладил ее ровные верхние зубы. – Чарующая улыбка. И я уже убедился, что вы превосходно целуетесь.

Странная ласка закончилась прежде, чем Кирстен успела отреагировать. И, пользуясь ее изумлением, благодаря которому она все еще покорно стояла рядом, Рэйлан опустил руки и сжал ее бедра ладонями. Кирстен в шоке молча уставилась на него, но мужчина не убрал рук. «Сейчас или никогда» – это он хорошо понимал.

– У вас здесь довольно узко. – Большими пальцами он тихонько поглаживал ее бедренные косточки.

Модные шорты; скроенные наподобие мужских трусов, были из такой мягкой ткани, что практически не ощущались. Ему хотелось прижать ладонь к ее плоскому животу и опустить пальцы вниз, но он побоялся, что это будет уж слишком.

– Вам не нужно худеть вот ни на столечко. – Его голос был так глух, что звучал как рык.

Она оставалась безучастной. Если он рассчитывал на то, что Кирстен бросится ему на шею, вцепится в одежду, заставит его бегать туда-сюда по песку, отдавшись первому порыву, то Рэйлана ждало глубокое разочарование.

Но она и не сопротивлялась, хотя это не прибавляло ему

уверенности. Что заставляло ее грудь вздыматься, как барашки пены на волнах, и что было в ее глазах – страх или скрываемое возбуждение?

Руки Рэйлана скользнули вверх и, задержавшись на мгновение, равное одному удару сердца, легли ей на грудь.

– Им могло прийти в голову накачать это силиконом. И это было бы чертовски обидно. Вы и так хороши необыкновенно. – Большими пальцами он поглаживал упругие вершинки ее груди. – Необыкновенно. – Не надо. Она резко отстранилась. Так же резко Рэйлан снова придвинулся к ней, потому что за секунду до того, как Кирстен дернулась в сторону, он почувствовал, как отзывается на его прикосновения ее тело. То, как она отпрянула, как она сжалась при этом, выдавало ее истинные чувства. Он обнял Кирстен за талию и притянул к себе.

– Чего не надо, Кирстен? – ласково спросил он.

– Не надо меня так трогать.

– Почему?

– Потому что мне это не нравится. Мне не понравилось это вчера и сегодня тоже не нравится. Он посмотрел ей в глаза. Его взгляд был хищным, ее – настороженным.

– Вранье. Вам очень нравится. И это не дает вам покоя.

– Не правда! – Она попыталась освободиться, но Рэйлан держал крепко.

– О чем вы умалчиваете в своей книжке?

– Ни о чем важном.

– Ну-ну. То, что Рамм чувствовал к вам, и то, что вы чувствовали к нему, важно теперь.

Неожиданно собравшись с силами, она оттолкнула его.

– Оставьте меня в покое. Предупреждаю последний раз, я не собираюсь обсуждать свою личную жизнь ни с вами, ни с кем бы то ни было. Если вы не прекратите изводить меня, придется просить вас уехать.

Он глядел, как быстро и решительно поднимается она по лестнице, и проклинал себя за несдержанность...

Дорога была бесконечной. Горячей и пыльной. В зеркале заднего вида она видела клубы пыли, поднимавшиеся из-под колес и заслонявшие все, что осталось позади.

Она всматривалась в горизонт. Ей нужно было двигаться вперед, чтобы добраться туда до того, как...

До того, как что?

Она точно не знала. Но какая-то тревога заставляла ее мчаться вперед с предельной скоростью.

Боже! Вот оно! Ей нужно туда, где столб дыма. Теперь она его видела, черный и маслянистый, как водяная змея, он возвышался посреди пустыни. Как далеко! Ей не успеть.

Чарли! Чарли!

Она попыталась позвать его, попыталась сказать ему, что сейчас придет, но облака пыли настигали ее. Пыль наполняла рот и горло жаром и песком. Она не могла произнести ни звука и только хрипела, как животное, почувшшее

смертельную опасность. Клубы пыли мешали ей смотреть. Теперь она видела черный столб дыма лишь смутно, сквозь желто-коричневое облако, поглотившее ее!

Влажные руки соскальзывали с руля. Пот стекал у нее по груди, по ногам, пытавшимся нажать на акселератор или тормоз. Педали, казалось, сейчас утонут в полу. Она с трудом дотягивалась до них.

Но она не должна останавливаться. Ей во что бы то ни стало нужно добраться до этого черного дыма, который, как дурное предзнаменование, чернильным пятном расплылся в голубом небе. В конце концов она доехала до источника дыма. Это был серебряный, гладкий, как пуля, самолет, из которого через равные промежутки времени вырывались огонь и дым. Она выскочила из машины.

Нет, Чарльз, нет! Но что это? Слава Богу!

Чарльз сидел в кабине. Она почувствовала слабость и облегчение и засмеялась. Это только часть фигуры высшего пилотажа. Дым. Огонь. Может, это только часть увеселительного представления? Да, конечно. Чарли всегда старался доставить зрителям за их деньги максимум удовольствия.

Он посмотрел на нее и улыбнулся. Затем подмигнул и сказал что-то, но она не услышала из-за шума ревущего огня, вырывавшегося из самолета. Ему пора вылезать. Он может пострадать. Она побежала, но не смогла приблизиться, потому что теперь от горячей машины ее отделяла

пропасть.

Чарли, продолжая улыбаться, помахал ей рукой. Нет! Нет! Один из его пальцев вспыхнул. Затем другой. Теперь горела вся перчатка, А потом...

ЕГО ЛИЦО ПОД ШЛЕМОМ НАЧАЛО ПЛАВИТЬСЯ.

Она закричала от ужаса. Она смотрела, как расплываются его красивые черты и сливаются в одно, пока могла различать что-то. Хотела подойти, но ноги не двигались с места. Они увязли в песке.

Выбирайся! Выбирайся, Чарли, ты еще успеешь!

Но он и не думал выбираться, потому что толпа, материализовавшаяся из ничего, дико аплодировала его бесстрашию.

Языки пламени охватили кабину, и она больше не видела Чарли. Она не могла кричать, потому что легкие были сожжены ее собственным дыханием.

Горячий песок оцарапал колени, когда она упала.

Нет, нет, нет, нет...

Рэйлан не спал. Услышав отчаянные крики, он выскочил из постели как ужаленный. Натянул потрепанные штаны и, даже не застегнув, помчался к ее спальне. Рывком распахнул дверь. Полоска света помогла ему мгновенно подбежать к кровати, на которой металась в ночном кошмаре Кирстен.

Он ни о чем не успел подумать. И не колеблясь ни секунды, накрыл Кирстен собою.

Она сразу же ответила. Ее напряженное тело обмякло. Руки, прежде судорожно сжимавшие простыню, обвисли вокруг его шеи и зарылись в волосах. Он обнял ее крепче.

– Тише, тише, я здесь. Все прошло.

Кирстен прижалась к нему и уткнулась лицом в его плечо. Рэйлан не был уверен, что она совсем проснулась, несмотря на ее рыдания. От слез было тепло и сыро, они текли по его коже. Он ненавидел их, он любил их.

Каким же должен быть сон, чтобы вызвать такую гримасу ужаса, какую он увидел на лице женщины, прежде чем она успела уткнуться ему в плечо! Рэйлан не был настолько бесчувственным, чтобы считать кошмар пустяком. Он знал: для того, кому снятся кошмары, это ад. Он останется с Кирстен до тех пор, пока нужен ей, пока все до единого призраки не рассеются и не перестанут ее мучить.

Он гладил волосы Кирстен, прижимаясь подбородком к ее макушке, и его руки были нежнее материнских. Едва касаясь ладонями обнаженных рук и плеч, он в то же время не выпускал ее из объятий. Крупная дрожь сотрясала хрупкое тело. Сон уже прошел, страх умирал медленнее. Кирстен прижималась к нему, как напуганный ребенок. Наконец всхлипывания прекратились, но она не отстранилась от него.

– Бедная девочка, – прошептал он ей на ухо. – Ты промокла насквозь.

Она не воспротивилась тому, что мужчина поднял подол ночной рубашки и промокнул им ее вспотевшие шею и

грудь. Рэйлан постарался спрятать поглубже чувственность. Но поняв, что, кроме ночной рубашки, на ней больше ничего нет, уже не мог и дальше сохранять безликость прикосновений. Неспешные ласки вызвали тихое мурлыканье Кирстен. К его великому сожалению, подолу ночной рубашки уже не было необходимости находиться наверху. Руки Рэйлана скользнули вниз. Господи, да она взмокла с головы до ног. Ночная рубашка снова пошла в ход, вбирая в себя влагу с ее кожи.

Какой тоненькой и беззащитной девочкой была Кирстен в его руках! Он подумал, что мог бы без труда обхватить ладонями ее грудную клетку. Но когда пальцы коснулись ее грудей, Рэйлан ощутил плоть взрослой женщины, и острая боль пронзила все его тело.

Ладони легли ей на грудь. Дыхание Кирстен внезапно прервалось, и Рэйлан напряженно ждал, что сейчас она оттолкнет его. Но, к беспредельной радости и удивлению, Кирстен еще крепче прижалась к нему.

Сердце Рэйлана бешено колотилось. Он слегка сдавил и погладил ладонями два небольших упругих холмика. Она не только не отодвинулась, а вся поддалась его ласкам, и Рэйлан ответил еще более нежным прикосновением на чуть слышный звук, выразивший все томление ее изголодавшегося тела. Сладкие губы покрывали поцелуями его шею, сводя с ума.

– Кирстен, – прохрипел он.

О Господи, как это было хорошо! Чертовски хорошо! Кирстен совсем не была похожа на тех молоденьких актрис, которые отдавались из корыстных побуждений. Она не стремилась купить его поддержку при прохождении теста на киногеничность.

Он был ей нужен. Он, а не кинозвезда Рэйлан Норт. Все было искренне. Все было настоящее. Все было так, как и должно происходить между мужчиной и женщиной. И ее отчаяние возбуждало его в тысячу раз сильнее, чем любые ухищрения опытной гейши.

Его плоть была так тверда, что приходилось стискивать зубы от этой сладкой муки. Вдруг эрекция напугает ее и все кончится?

Мокрые смятые простыни опутывали их ноги. Мешали. Он хотел бы укрыть и защитить Кирстен собой, и тогда, зная, что она больше не опасается его, целовать ее губы и легонько гладить ее, пока она не начнет истекать любовным соком и не откроется ему так, как он мечтает.

Но Рэйлан не хотел торопить события. Всему свое время. Нетерпеливость только вредит.

Кирстен не открывала глаз, но его встретил чуть приоткрытый рот. Ее губы были влажными и прохладными, но изнутри шел жар. Он подарил ей несколько мягких, нежных поцелуев и провел своими губами по ее губам, слизал соленые слезы из уголков губ и вдруг почувствовал ее язык.

Как будто бочонок пороха взорвался у него внутри. Ки-

пящая лава потекла из груди к животу, вниз... И вдруг его охватил звериный инстинкт. Должно быть, Кирстен тоже почувствовала это. Ее руки, словно безумные, порхали по его шее.

Рэйлан прикоснулся губами к ее соскам, и она издала сдавленный стон. Больше всего на свете он хотел взять их в рот и ласкать языком долго-долго, чтобы почувствовать зубами их твердость и полноту.

Но теперь зачинщицей стала Кирстен. Со страстью, которой он и не ожидал, она целовала его шею и дюйм за дюймом спустилась до груди.

Руки Рэйлана легли ей на затылок и двигались, вместе с ее головой.

– Как ты красив! – шептала она. Кирстен нежно покусывала упругие мускулы на его груди. Исследующие губы набрели на его сосок в кольце курчавых волос и на мгновение застыли. Рэйлан, томясь в ожидании, затаил дыхание.

Сначала она легонько сомкнула губы вокруг этой бусинки плоти, а затем сладострастно вытянула язык, влажный кончик которого принялся постукивать по ней.

Его бессвязное бормотание означало благодарность богам за это блаженство. Шепча нежности, он гладил ее волосы. Кирстен отвергла желание притянуть ее голову вверх и спустилась ниже, целуя живот.

Рэйлан не успел застегнуть ни пуговицу, ни молнию своих джинсов, разбуженный среди ночи ее криками. Он знал, что

если Кирстен откроет глаза, то увидит густой покров темных волос. Страшно было подумать, что еще она могла увидеть. «Пожалуйста, нет. Не порти все сейчас. Она подумает...»

Ее рука скользнула в расходящиеся половинки молнии, и он почувствовал ее пробное прикосновение. Даже сквозь пунцовую пелену страсти, затмившей его разум, угрожая навсегда лишить рассудка, он поразился ее раскрепощенности. Пусть прикосновение было неуверенным, даже робким, но ведь она все же дотронулась. Он хотел полностью отдаться тому блаженству, которое испытал бы, возьми она его плоть в свою маленькую ладонь. Ее ласки стали смелее, и тело Рэйлана отвечало на них. Все его сознание было сконцентрировано только на движениях этой маленькой руки.

– Кирстен, о Господи, Кирстен... милая Кирстен... не сейчас... Дай мне.

И вдруг все прекратилось.

Рэйлан открыл глаза. Кирстен сидела в напряженной позе, держа спину неестественно прямо. Она прижимала руки к груди, как будто только что вырвала их из пасти кровожадного чудовища. Глаза были полны смертельного ужаса, словно он монстр из ночных кошмаров.

Ласково позвав ее по имени, Рэйлан протянул руку. Она вся съежилась, избегая прикосновения, и закрыла рот обеими ладонями, чтобы сдержать вопль. На искаженном лице застыл стеклянный взгляд, в котором ничего нельзя было прочесть, кроме страха и отвращения.

С гримасой обиды и недоумения Рэйлан выставил вперед напряженные руки.

– Понимаю. Вы не подозревали, что это я. Больно было говорить это. Почти так же больно, как постоянно подавлять свое желание.

– Дайте мне еще минуту, – прохрипел он. С демонстративной медлительностью Рэйлан сел в кровати, затем так же медленно встал. По пути в ванную застегнул джинсы, зажег свет, включил холодную воду на полную мощность и подставил голову под струю. Он ополоснул лицо и грудь, хотя прекрасно знал, что это не усмирит волнения в крови до завтрашнего утра.

Затем принес из ванной чуть смоченное, водой полотенце. Кирстен отшатнулась, когда он сел и протянул его.

– Вы вся мокрая. Вряд ли это приятно. Вытрите лицо, шею.

Сам того не желая, он говорил грубо. Его попытки обуздать раздражение ни к чему не привели. Ведь он бежал сюда не за тем, чтобы заняться любовью с Кирстен. Единственное намерение, с каким он ворвался в спальню, было дать этой женщине то, что она от него захочет. Он так и сделал.

А теперь Кирстен смотрит так, будто он Джек Потрошитель. В конце концов Рэйлан не делал ничего такого, о чем она его не просила. Нельзя сказать, что он воспользовался ситуацией. Любое животное в мире – от черепахи до зебры – не могло бы иначе истолковать ее поведение. Она сама спро-

воцировала его на первые ласки. И он поддался. Это ее губы и ее руки первыми побежали по всему его телу, а не наоборот.

Но когда она зарылась лицом в холодное, влажное полотенце и ему стала видна ее почти детская макушка, он захотел погладить Кирстен по голове и сказать, чтобы она не расстраивалась. Откуда в нем опять взялось это сострадание, Рэйлан понятия не имел. В теперешнем его состоянии это было странно. Очень странно для него.

Но тем не менее он чувствовал сострадание, и даже в тысячу раз более сильное, чем на встрече у Мэла, когда впервые проникся этим чувством. Кирстен может отрицать это сколько угодно, но он нужен ей. Для секса. Для любви. Для чего угодно.

Промокнув пот, она отдала полотенце Рэйлану.

– Спасибо.

– На здоровье. – Он сложил полотенце и бросил на ночной столик. – Вам нужно сменить рубашку. Где у вас белье?

– Третий ящик. – И показала на шкаф. Он поискал в темноте, принес свежую ночную рубашку. Потом отвернулся и стоял так, пока тихое «спасибо» не известило его о том, что она переделалась.

– Попробуйте уснуть.

Она послушно легла. Рэйлан накрыл ее покрывалом и склонился над ней.

– Что вам снилось, Кирстен?

– Чарли.

Рэйлану было очень неприятно услышать то, что он уже знал. Однако в его голосе не было ничего, кроме холодной убежденности:

– Но я был тем, к кому вы тянулись.

Глава 5

Она не была равнодушна к мужчинам. Гипотеза о фригидности растаяла как запоздалый снег.

Потягивая кофе на террасе, он смотрел на Кирстен, нежившуюся под солнцем, и думал о том, какая была бы потеря, достанься такое прекрасное тело холодной женщине.

Но это было не так. Фригидностью тут и не пахло. Умом она могла отвергать мысль о любви, но тело не хотело мириться с этим.

Теперь вопросом первостепенной важности было понять: к кому так стремилось это тело? И Рэйлан боялся признаться себе, что знает ответ. Не будь Элис так близко – на кухне, – он бы выругался.

Встреть он Кирстен во времена, когда Демон был еще жив, Рэйлан просто подумал бы: «Каков счастливчик, мать его!» – и не стал бы преследовать ее. Для него не существовало недоступных женщин, кроме (и он никогда, никогда не изменит себе, каким бы ни был соблазн) замужних.

Он жил лишь с двумя женщинами, да и то недолго. Первой была молодая актриса, пробивавшая себе дорогу в джунглях Голливуда примерно в то же время, когда он сам начинал. Общая постель стала для них убежищем от вечной борьбы. Не выдержав испытаний, она вскоре отказалась от своих амбиций стать серьезной актрисой и подалась за лег-

кими деньгами в порнобизнес. Его любовь к ней прошла не столько из-за порнографии, сколько из-за того, что она легко отказалась от своей цели, и так же легко неудачи сломили ее. Кроме того, были еще споры из-за ребенка. Это, несомненно, повлияло на решение Рэйлана.

Другая его «жена» торговала недвижимостью. Заводная, энергичная, амбициозная, она привлекла его своим честолюбием, но лишь до тех пор, пока процентные ставки и скачки цен не стали предметом обсуждения в постели. Этого он вынести не мог и предложил ей повесить табличку «Продается» на одно известное место. Однако предложение ее не заинтересовало, и она не замедлила покинуть их постель и квартиру, обвинив Рэйлана в трусости и зависти к ее успехам.

Ни та ни другая не оставили сожалений, только радость, что удалось так удачно от обеих избавиться. И сейчас Рэйлан Норт не мог не спросить себя, что же ему все-таки нужно от Кирстен Рамм?

Было ли это новое увлечение – еще одно звено в длинной цепи обычных связей, которые он всегда обрывал раньше, чем могло проснуться настоящее чувство? Может быть, все дело в необычности ее поведения – ведь он не привык, чтобы женщины отвергали его. И встретив на своем пути препятствие, не мог же он, черт побери, не принять вызов?

При всей честности с самим собой он мог ответить «нет» на эти вопросы. Страсть, которую он испытал прошлой ночью, шла не от плоти, а из сердца. Не одного тела Рэйлану

было нужно, а всю ее.

Но Кирстен будет крепким орешком, если не помочь ей оторваться от этих проклятых воспоминаний. Нельзя даже и думать о том, чтобы ломать другие препятствия между ними – такие, как его популярность и ее непреодолимое стремление к уединенности, – до тех пор, пока она не поверит, что любовь не причинит боль.

Остается набраться терпения и продвигаться вперед маленькими шажками. Это будет нелегко. Призраки прошлого рисуют нам тех, кого мы потеряли, лишь самыми чистыми красками, заставляя забыть все плохое. Но как может мертвец соперничать с живым? И у Рэйлана было в этом поединке неоспоримое преимущество – жар плоти, который невозможно унять. Каждый раз, когда он вспоминал губы Кирстен, жадно открывающиеся ему навстречу, грудь с двумя маковками, отвечающими на его прикосновения, руки, которые...

Что за чепуха! Хватит думать об этом.

Он спустился с террасы. Небо было чистым, солнце палило вовсю. Кирстен – яркое синее бикини и солнцезащитные очки размером с два чайных блюдца – неподвижно лежала на спине в шезлонге, но Рэйлан чувствовал, что она не спит.

– Я вас искал, – соврал он, перед этим налюбовавшись ею с террасы.

Он сел на краешек другого шезлонга, широко раскинув босые ноги и сцепив руки между колен.

– Почему вы не работаете?

– Что-то нет настроения.

– Как так?

Ее глаза под темными стеклами оставались закрытыми.

По тому, каким движением она сменила позу, Рэйлан понял, что его общество неприятно.

Ну уж черта с два, миссис Кирстен! Мы поговорим об этом, хотите вы того или нет.

– Погода сегодня отличная. – «Неужто это я, звезда Голливуда, ляпнул такую банальность?»

– В это время года в Ла-Иолле всегда такая. Чувствуя себя полным идиотом, но не в силах ничего с собой поделать, он не отрываясь смотрел на ее плавно вздымающуюся грудь. Крем для загара придал коже блеск. Живот был вогнут, образуя ложбинку между двумя возвышениями по бокам. Треугольный холмик, как младенец, покоился в колыбели бедер. На внутренней стороне бедра притаилась маленькая родинка. Рэйлан много бы дал за возможность поцеловать ее.

Последовала длинная пауза. «Была не была», – подумал он и спросил:

– Вы расстроены тем, что случилось ночью? Кирстен выпрямилась, опустила ноги и сняла очки. Ее лицо было таким же строгим, как и единственное произнесенное слово.

– Да.

– Почему?

Она боролась с волнением. И Рэйлан решил, что сейчас

будут слезы.

– На моем месте вы не расстроились бы?

Вставая, она сорвала со спинки шезлонга рубашку и накинула ее на себя. Ветер вырывал рубаху, а нетерпение и раздражение мешали ей вдеть руки в рукава.

Рэйлан следом за ней вошел в кухню.

– Нам надо поговорить об этом, Кирстен.

– Где Элис? Ах да, она же собиралась в деревню. Я сейчас сделаю апельсиновый коктейль. Когда-нибудь попробовали? Очень вкусно.

Болтая о всяких пустяках, Кирстен готовила напиток, но делала это до того неловко, что чуть не выронила графин со свежим апельсиновым соком, когда доставала его из холодильника. Кубики льда выскользнули и рассыпались по полу. Жестяная банка с сухой смесью никак не хотела открываться. С трудом сдерживая слезы раздражения, она принялась отдираать крышку зубами.

Наконец все необходимое было положено и налито в миксер, но когда Кирстен нажала на кнопку включения, ничего не произошло. Она нажала на кнопку раз десять, но, кроме сухого щелчка, ничего не получалось.

– Черт! Что случилось с этой штукой?

– Не включена в розетку. Это спокойное объяснение сработало как детонатор. И бомба ее гнева взорвалась.

– Вам кажется, что вы очень умный, да? Эдакий прорицатель. А не обратиться ли вам к чертовой матери из моего дома?

Не вступая в перепалку, он позволил ей отдаться этой вспышке эмоций и загнать самое себя в угол отчаяния и жалости. Но это уже заходило довольно далеко. Рэйлан мягко взял ее за плечи.

– Кирстен, это неразумно.

– Разумно! – вскричала она, оттолкнув его руки. – Почему вы не можете просто оставить меня в покое?

– Потому что нам надо поговорить о случившемся в вашей спальне.

Она вытянулась в струну и безжизненным голосом проговорила:

– Ничего не случилось. Это отрицание очевидного вывело его из себя. Рэйлан угрожающе выставил вперед подбородок.

– Вы были в моих объятиях. Трудно назвать это «ничего».

Кровь отхлынула от ее лица. Даже губы побелели, и она покачнулась, как деревце на ветру. Стон, вырвавшийся из груди, поразил Рэйлана в самое сердце – столько в нем было тоски.

Не думая ни секунды, он прижал ее к себе что было сил и поцеловал в голову.

– Простите меня, Кирстен. Это было жестоко. Вы не заслужили. Простите мне мои слова.

Она ослабла в его руках, доверив им свое беспомощное тело.

– Я не могу говорить об этом, Рэйлан. Прошу вас, забудьте все.

– Не просите меня. Я не могу забыть.

– Вы должны.

– Я не могу! – повторил он с жаром. Ответа не последовало. Она опустила голову. Рэйлан целовал ее в висок, а жаждал целовать ее губы, – Вы стыдитесь?

Она вдруг принялась биться головой ему в грудь, как профессиональная плакальщица на похоронах.

– Стыжусь? Стыжусь? Конечно, я стыжусь. – Кирстен оттолкнула его, вызываяще запрокинула голову и вытерла слезы. – А как вы думали? Я просыпаюсь среди ночи и понимаю, что лежу в ваших объятиях, целую вас, ласкаю... Ласкаю вас как любовника.

– Я помню, Кирстен.

Его голос звучал чисто, спокойно и нежно. Оба вдруг вспомнили ту крошечную капельку, которую она обнаружила на самом кончике его мужского естества – ту единственную жемчужину, что растаяла у нее на губах, когда он прокричал ее имя, и она мгновенно осознала, что происходит.

Кирстен повернулась к нему спиной и в смущении низко склонила голову. Ему захотелось поцеловать тоненькую шею, выглядевшую так беззащитно.

– Прошу вас, забудьте об этом, Рэйлан.

– Вряд ли я смогу. Да и вы тоже.

Она резко повернулась и даже притопнула ногой в бесильном гневе.

– Не обольщайтесь. Не вас я ласкала. Я ласкала Чарли.

Однажды на съемках вестерна ему пришлось испытать на своей спине плетъ из колючей проволоки. Сильнее боли он не знал. До сих пор. А теперь ее слова ужалили больнее той плети. Собрав всю свою волю, он сел на высокий табурет у кухонной стойки и скрестил лодыжки за нижним обручем.

– Доделайте ваш коктейль, – сказал он, похвалив себя за самообладание в минуту, когда его единственным желанием было разбить вдребезги стеклянные стены дома этого чертова Демона Рамма.

Выключив смеситель, Кирстен разлила густую холодную жидкость в два высоких бокала и протянула ему один.

– Я иду в ду...

Он схватил ее за запястье, потянул к себе и приказал:

– Сядьте. Мы еще не договорили. Ее попка резко опустилась на табурет, хотя Рэйлан и не прикладывал особого усилия, чтобы усадить ее.

– Мы договорили. Если речь идет о вчерашней ночи, – сказала она. – Хочу, чтобы вы знали: вчера мне пришлось принять снотворное. Доктор прописал мне его после смерти Чарли, но я так и не воспользовалась им ни разу. Эти таблетки оказались сильнее, чем я предполагала. – Ее дыхание дробилося на множество коротких, прерывистых вздохов, глаза упорно смотрели в пол. – У меня был страшный ночной кошмар. А вы просто оказались рядом в тот момент. Вы были теплым и сильным. В вас можно было укрыться. При этих обстоятельствах нельзя меня обвинять в... – она помедлила,

снова облизнула губы, —..в том, что произошло.

– Если это вас успокоит, – тихо сказал он, – то я всему виной.

Она с интересом подняла глаза на Рэйлана. – Я завелся еще до того, как вы ко мне прикоснулись.

Кирстен зажмурилась и прошептала:

– Пожалуйста, не надо.

– Почему? Вы ведь все равно знаете. Да я и не скрываю: я хочу вас. – Рэйлан видел, что она с трудом проглотила ком в горле. – Я услышал, как вы кричите, и помчался к вам. В ту минуту, когда я вас обнял, прикоснулся к вам, поцеловал вас, я уже был раскален до предела. Если мы ищем виноватого – что мне кажется неуместным, – то я готов признать себя таковым.

Он осторожно погладил ее щеку тыльной стороной ладони. Эта сдержанная ласка далась ему нелегко.

– Вините меня в том, что я воспользовался вашей эмоциональной взвинченностью после кошмара. Вначале мои намерения были чисты, но как только... Кирстен, я не мог заставить свои руки не прикасаться к вам. Не мог!

Она прижала пальцы к дрожащим губам и снова стала оправдываться, как ребенок:

– Я не понимала что делала, я была напугана. Вы оказались рядом. Вы были явью, а не сном. До вас можно было дотронуться. Я просто реагировала на присутствие другого человека, и все.

– Не совсем, Кирстен. Я помню другое. Сперва вы были как дитя, которое ищет мать, но прежде, чем все это кончилось, вы превратились в женщину, которая хочет мужчину.

– И вы этим воспользовались, так?

Он не отвел глаз, но подумал, прежде чем ответить.

– Мне кажется, справедливее будет сказать, что мы оба воспользовались друг другом. Согласны?

Она колебалась какое-то время, затем утвердительно кивнула.

– А что за кошмар вам снился? – спросил Рэйлан после короткой паузы.

Его манера внезапно менять тему разговора приводила Кирстен в замешательство.

– Чарли, – пробормотала она.

– Вы уже говорили. Что именно? – Это... Это повторяющийся кошмар. Некоторые вариации, но конец всегда один и тот же.

– Какой?

Ее печальные глаза, которым отражение неба придавало еще большую синеву, встретились с его глазами.

– Я вижу, как он горит.

Тяжелый груз лег на сердце Рэйлана, подавив надежду на то, что когда-нибудь удастся вырвать ее из плена мучительных воспоминаний. Он посылал про себя страшные проклятия судьбе.

– Давно у вас эти кошмары? Сразу после аварии?

– Нет, раньше.

– Раньше? – Рэйлан не сумел скрыть своего удивления. – То есть до того, как это произошло?

– Задолго до того.

Она соскочила с табурета, отнесла бокалы к раковине и вылила коктейли, к которым ни он, ни она так и не прикоснулись.

– Иногда я переживала эти кошмары наяву. У Чарли было несколько ситуаций вроде той, в которой... он погиб.

Она подошла вплотную к стеклу, за которым открывался вид на долину внизу.

– Каждый раз, когда он взлетал – даже на тренировках, – я со страхом думала, вернется он или нет. Я стояла здесь часами, всматриваясь в горизонт и ожидая увидеть столб дыма, который возвещал бы о катастрофе. – Ее хрупкий голос был слаб, слова слетали с губ так, будто она и не подозревала о том, что говорит. – И всегда в глубине души была удивлена, когда ничего страшного не случилось и Чарли возвращался домой к обеду.

– Должно быть, это адская мука. Кирстен покачала головой с отсутствующим видом.

– Помните, вы спросили, почему я предпочитала оставаться в тени? Я вам тогда ответила правду, но главная причина вот в чем: я не хотела, чтобы кто-нибудь видел мой страх. Всегда, когда Чарли устраивал показательные полеты, меня окружали любопытные физиономии с выжидательным

выражением. Люди, решившие прогуляться, семьи с программой на выходные, газетчики в поисках сенсации. И никого не интересовало, никому и в голову не приходило, что для развлечения их всех мой муж рисковал жизнью. Я терпеть не могла публику за эту черствость.

Она стряхнула с себя оцепенение и резко повернулась лицом к Рэйлану.

– Вы, наверное, думаете, что я совсем чокнутая?

Рэйлан был очень серьезен. Он покачал головой и постарался ответить спокойно:

– Вы нет, но Чарли, возможно, да. Неужели он не догадывался о том, как сильно вы боитесь?

Кирстен вернулась к стойке и присела рядом.

– Я думаю, знал. Не мог не знать. Когда мы поженились, я часто плакала и говорила, что боюсь его потерять. Я вцеплялась в Чарли каждый раз, как он уходил, и умоляла не летать.

– Но потом перестали плакать и цепляться?

– Нет. Просто не так часто. И не при нем. Это не помогало. Он все равно летал бы, как бы я к этому ни относилась.

В эту минуту Рэйлан ненавидел человека, которого знал так хорошо, хотя никогда и не встречал. Если бы Демон Рамм воскрес, Рэйлан задал бы ему хорошую трепку за все те страдания, которые тот принес жене. Эгоистичная скотина был этот Рамм!

– Вы полагаете, он любил испытывать судьбу?

– Такой уж он был человек, – осторожно ответила Кир-

стен. – Что заставляет мужчину взбираться на Эверест или участвовать в ралли? Не деньги же. В этом Чарли был очень похож на вас. Его совсем не интересовало финансовое благополучие. Не это определяло его поступки.

– Восхищение толпы?

– Может быть. Он наслаждался своей славой. Но и это не все. Рисковать – вот это, и только это, было для него жизненно важно.

– Чтобы заполнить пустоту?

Рэйлан сразу понял, что задел ее за живое.

– Нет, – защищалась она. – У него было все, что человек может пожелать. Я не имела в виду ничего такого, что могло бы навести на подобные мысли. О какой пустоте вы говорите?

– Это я хочу узнать от вас.

– Не было никакой пустоты.

– Значит, он каждый день ходил играть со смертью ради собственного удовольствия? – Рэйлан покачал головой. – Очень сомнительно. Я много лет изучал человеческие побуждения, Кирстен, меня не проведешь.

– Некоторые мужчины таковы, – упрямыствовала она. – Опасность может дать им огромное наслаждение. Возьмите летчиков-испытателей, дрессировщиков диких животных, тех, кто моет окна небоскребов, наконец. Встреча с опасностью составляет суть их профессии.

– Да, но почему некоторые мужчины склонны к такого ро-

да профессиям? Если копнуть поглубже, мы придем к общему знаменателю.

– Вероятно, этот знаменатель – любовь к своему делу. Как у Чарли, который любил, нет, обожал свое дело.

– Сильнее, чем вас?

Ее губы задрожали, но голос остался твердым:

– Он любил меня.

– Наравне с самолетами? Вы никогда не ставили себя на одну доску с этим? Никогда не заставляли его выбирать?

– Нет, никогда!

– Но почему? Ведь брак предполагает равноправное владение друг другом. Почему вы не могли просить Чарли бросить эту профессию?

– Могла бы. Но я слишком его любила, чтобы требовать такой жертвы.

– Полная чепуха, выдумки!

– А вас никогда не ставили перед выбором: либо кино, либо девушка, которую вы любите?

– Я никого настолько сильно не любил.

– Что лишь доказывает мою правоту. Поставленный в тупик ее искусной аргументацией, Рэйлан взъерошил свои волосы. Кирстен что-то недоговаривала. Он чувствовал это. Но понимал и то, что будет нечестно с его стороны давить на нее сейчас.

– Я не собираюсь изводить вас спорами, Кирстен. Я лишь пытаюсь понять, что заставляет вас хранить молчание? Его

трюки в воздухе приводили вас в ужас, это очевидно. Вы с самого начала знали, что он планирует делать после увольнения из ВМФ?

– Я знала, что он хочет летать, и думала, это будет какая-нибудь авиалиния.

– И вы не попытались настоять на своем, когда открылось, чем же в действительности он хочет заниматься?

– Естественно, попыталась.

– Но Чарли пропустил мимо ушей ваши возражения.

Она тяжело вздохнула, будто устала разговаривать с недоразвитым ребенком.

– Не надо говорить за меня. Да, я не возражала. Возражать – не мой удел.

– Как, черт возьми, не ваш удел? Вы были его женой.

– Женой, а не командиром!

– Поэтому когда он сказал: «Кстати, дорогая, я собираюсь делать „мертвые петли“ и „бочки“ на моем сверхзвуковом», – вы ответили: «Прекрасно, милый. Тебе понравился ужин?» Вы жили в постоянном страхе, вас мучили кошмары, а вы мило улыбались?

Теперь ее взгляд метал громы и молнии.

– Ошибаетесь. Чарли не пустился тут же побивать мировые рекорды и делать фигуры, на которые до него никто не отваживался. Такой опасной его работа стала намного позже.

Рэйлан встал с табурета и приблизился к ней вплотную, так что его лицо угрожающе нависло над Кирстен.

– Позже? Почему позже? Что заставило его увеличить риск?

– Ничего.

Он смотрел на Кирстен недоверчиво и ждал. Ждал.

– Ничего, – повторила она раздраженно. – Как любой мужчина, который не останавливается на...

– Кирстен, побить рекорд по продаже зубных щеток и совершить «мертвую петлю» на скоростном самолете – это достижения разного порядка. Бог мой, да неудивительно, что у вас были кошмары. – Внезапно он обнял ее и поднял на ноги. – Когда вам снились эти ужасные вещи, Чарли вас успокаивал?

– Да.

Рэйлан знал как дважды два, что это ложь. Ее пальцы бесцельно теребили его рубашку, как бы пытаясь ухватить то, что постоянно ускользало. Дрожащий голос выдавал отчаяние, которое подсказало ему, что она сама изо всех сил пытается поверить в то, что говорит.

– Мне кажется, вам просто хочется так думать, хотя на самом деле это не правда, – мягко возразил Рэйлан.

Она попробовала спорить, но губы не слушались ее. Долгое мгновение их взгляды были прикованы друг к другу. Наконец Кирстен опустила глаза.

– Вы правы. Чарли не хотел знать о моих кошмарах, потому что не знал, как относиться к ним. Он сочувствовал мне, но считал мои сны детской причудой, которая со временем

пройдет.

Рэйлан еще крепче прижал ее дрожащее тело к себе и успокаивающе погладил по спине.

– Так, значит, прошлой ночью, когда я был у вас, вам показалось, это был Рамм? Вы хотели, чтобы это был он, наконец-то понявший вас и готовый дать вам утешение, чего при жизни он так и не успел.

– Я думаю – да.

– Кирстен, а в какой момент вы поняли, что это я, а не Рамм?

Она подняла на него взгляд, в котором застыли боль и недоумение, стряхнула с себя его руки и вылетела из комнаты.

* * *

– Осторожно, Дилан, он тебя уронит! Рэйлан смотрел прямо в лицо малышу и смеялся. Карие в крапинку, обрамленные черными ресницами глаза ребенка очень напоминали его собственные. Волосы тоже – темные, прямые на макушке, но немного вьющиеся на затылке и около лба – были такие же, как у Рэйлана.

Он лежал в шезлонге у бассейна. Ноги были согнуты в коленях, а в вытянутых вверх руках держал мальчугана. Рэйлан время от времени делал вид, будто хочет уронить его, и тот вопил, но потом хохотал, пуская слюни.

Каждый раз, когда руки Рэйлана расслаблялись, как бы отпуская ребенка, его мать, стоявшая рядом, судорожно вздыхала и кричала:

– О и, он уронит тебя, Дилан!

Это была блондинка с длинными стройными ногами, одетая очень просто. Ее длинные волосы разлетались, когда она всплескивала руками и бегала в притворном беспокойстве вокруг них. Женщина была прекрасна в своей искренней любви к ним.

– Ты, брат, становишься тяжеловат и очень уж вертишься. – Рэйлан опустил ребенка, сел, хлопнул мальчика по попе и тут увидел Кирстен, замешкавшуюся у входа на террасу.

Она уехала несколько часов назад, сославшись на дела. Прошло три дня с тех пор, как они повздорили из-за ее кошмаров и отношения к ним Чарли. Она избегала Рэйлана. Днем запиралась в своем кабинете, в то время как Рэйлан корпел над журналами и фотоальбомами в комнате Рамма. После ужина, проходившего в гробовом молчании, она убежала в спальню.

Нынче утром ее взгляд был холоднее, чем апельсиновый сок, который Элис навязала им за завтраком. Едва допив свой бокал, Кирстен поспешила сесть в «мерседес» с открытым верхом и укатила.

Сейчас на залитой солнцем террасе, прежде чем Кирстен успела скрыться в тени дома, их глаза на мгновение встретились.

– Мы его замучили, Дилан. Пора и честь знать, – сказала блондинка, поднимая ребенка.

Она не заметила появления хозяйки дома. А Рэйлан не мог понять, почему не помахал Кирстен рукой и не представил женщин друг другу. Но его стремление избежать возможной встречи сработало явно в пользу Кирстен, а не Шерил.

– Почему вы так скоро уходите? – протянул жалобно Рэйлан. – Мне не часто удается его видеть, Шерил.

– Знаю. И ты, и я занятые люди.

Спорить бессмысленно. Шерил была права, и он не чувствовал себя вправе требовать, чтобы она перестраивала свое расписание под его. Это было бы нечестно.

Рэйлан взял ребенка у нее из рук.

– Ладно, – сказал он, приобняв женщину за плечи свободной рукой. – Я донесу Дилана до машины.

* * *

Несколько минут спустя Норт нашел Кирстен за рабочим столом. Она успела сменить платье, в котором ездила за покупками, и теперь была во всем черном: черные брюки, черный пуловер без рукавов, черные туфли без каблуков. Он чуть было не принялся расспрашивать: «Кто-то умер?» – но вовремя спохватился. К тому же она была великолепна в черном.

Рэйлан остановился на безопасном, примирительном «зд-расьте».

– Здравствуйте, – выдавила Кирстен. Прозвучало не очень дружелюбно. Но он сделал вид, что не заметил это.

– Жаль, что вы не вышли. Я хотел представить вам Шерил и Дилана.

– Боялась помешать. – Она сложила в стопку листы рукописи и постучала ими по столу, вкладывая в это больше усилия, чем требовалось, чтобы просто подровнять стопку.

– Кажется, вы сердитесь, – заметил Рэйлан, радуясь тому, что она опустила голову и не могла видеть его усмешку.

– Вовсе нет.

– Значит, показалось. Вы даже не сделали замечания по поводу моей одежды, но я подумал, что вам было бы приятно видеть меня в чем-нибудь, кроме...

– Лохмотьев. – Она бросила равнодушный взгляд на его фирменные слаксы. – Уверена, что вы приоделись не ради меня.

– Ну, вы же не расстроены из-за того, что я пригласил гостей, нет ведь?

– Нет, конечно.

– Какое счастье!

– Вот именно, если только... – Глядя на него сквозь очки, как смотрела бы злюка директриса на нашкодившего подростка, Кирстен добавила:

– Вы знаете, что я имею в виду.

Наслаждаясь ее раздражением, Рэйлан прислонился к столу и скрестил руки на груди.

– Нет, не знаю. Скажите. Если только что?

– Если только вы не принимаете своих гостей в постели. Здесь не мотель. – Ее руки были заняты перестановкой предметов на столе с места на место, причем без видимой необходимости. – Я не желаю, чтобы здесь болтались девушки, как в студенческом общежитии.

– Мы даже не заходили в спальню.

– Ну... ладно. Значит, нет никакой проблемы.

– У меня нет. А у вас, кажется, есть.

– Я, как всегда, не понимаю, что вы имеете в виду. Кстати, и не особенно интересуюсь этим. Прошу прощения, я еще не написала ни одного абзаца за весь день и...

– А что вы подумали о Шерил? Миссис Рамм закусила нижнюю губу, пытаясь взять себя в руки.

– Ее так зовут? – Кирстен сунула степлер в ящик стола и задвинула его так резко, будто содержимое могло сбежать оттуда. – Насколько я успела заметить, она очень мила. Высокая, красивая, по-моему, натуральная блондинка. – Произнести эти прилагательные стоило ей больших усилий.

– А Дилан? Прелестный пузырь, не так ли?

– Очень похож на вас.

– Вы находите? Все так говорят, когда видят нас вместе.

– Сколько ему?

– Два. Он растет не по дням, а по часам. Очень развитый

и резвый ребенок. Шерил едва справляется с ним.

– Может, ей стоит обратиться за помощью?

– У нее хватает помощников.

– Я говорю о вас, – уточнила Кирстен почти грубо.

– Моя помощь ей не нужна.

– А вы когда-нибудь предлагали?

– Да, и Шерил наотрез отказалась.

– Вам не кажется, что вы должны вносить какой-то вклад в воспитание ребенка?

– Ни в коем случае. Это целиком и полностью дело Шерил.

– Это просто... это просто идиотизм, – произнесла Кирстен скороговоркой.

Рэйлан в недоумении пожал плечами.

– Мать не хочет никакого влияния со стороны.

– И вы согласились?

– У меня не было выбора. Если уж Шерил что решила, то так оно и будет.

– Дилан никогда не будет жить с вами? Рэйлан расхохотался.

– О-очень сомнительно.

– О том, чтобы жениться на Шерил, не может быть и речи, так?

– Разумеется. – Он выдержал эффектную паузу. – Братья не женятся на сестрах.

Рэйлан смотрел, как обворожительный ротик Кирстен

удивленно приоткрылся. Выждав несколько мгновений, он нежно коснулся ее подбородка:

– Вы ревновали, да?

Было ясно, что, как только Кирстен оправится от шока, разразится буря. Так оно и случилось.

– Ревновала? – Она вскочила с кресла как ужаленная. – Ну уж нет. Просто с трудом верится, что у голливудского негодяя может быть сестра.

– В действительности даже целая семья. Сестра Шерил, зять Грифф, их сын Дилан, мама и папа. Шерил с мужем и сыном живут в Сан-Диего, но нам не часто удается видеться. Вчера я ей звонил. Она обрадовалась, что я так близко, и привезла племянника. Наши встречи редки и очень коротки. Дилан успевает забыть меня в промежутках.

– А ваши родители?

Рэйлану было приятно видеть, что она успокоилась и искренне интересуется его семьей. Только немногие из друзей знали эту сторону жизни знаменитого актера. Ему даже захотелось рассказать Кирстен о тех, кого он любит.

– Они живут в Аризоне, в небольшом городке, название которого нигде не упоминается, дабы защитить его обитателей от оголтелых фанатов. Жители не афишируют, что это моя родина, потому что заботятся о моих родителях и оберегают их покой. Отец – директор школы, мама преподавала английский на первом курсе университета, пока два года назад не вышла на пенсию.

Кирстен, которая поначалу сидела, откинувшись на спинку кресла, теперь подалась вперед и оперлась головой на руки.

– Директор школы? Английский для первокурсников? Не могу поверить! – Она вскинула голову и взглянула на знаменитого актера подозрительно. – Вы не придумываете все это?

Рэйлан снял телефонную трубку и протянул ей:

– Позвоните им. Код города...

– Ну хорошо. Я верю, – сказала она, нетерпеливо вырывая трубку у него из рук и бросая ее на место. – Просто я никогда не думала, что у вас есть родители. Это так...

– Обычно?

– Да. Совсем не...

– Отвратительно? Неинтересно? Ее плечи беспомощно опустились, словно выражая признание вины.

– Почему вы всегда готовы думать только самое плохое? – И тут же предупредил ее встречный вопрос улыбкой:

– На какую удочку вы клюнули? На историю, в которой мою мать изображают владелицей стриптиз-клуба в Лас-Вегасе? Если честно, мне больше понравилась «слепая цыганка». Кирстен была настолько любезна, что улыбнулась, прежде чем спросить его серьезно:

– Вы не даете опровержений всем этим историям, чтобы не выдать своих родных, так?

Рэйлан кивнул, думая в этот момент о том, что ее лицо с огромными очками на носу он готов видеть каждый день за

завтраком до конца своей жизни. Маленькое зернышко чувства проросло в его груди, и теперь сердцу не хватало места. Будь проклят мистер Норт, если то, что пришло к нему, не считается любовью!

– Спасибо, что поняли меня, Кирстен, – сказал он низким голосом.

– Не переоцените мою проницательность. Когда я увидела Шерил и вас с ребенком...

– Вы почувствовали ревность.

– Это вы уже говорили, – перебила она с раздражением. – В первый раз я не стала возражать, но сейчас категорически протестую против таких заявлений.

Их разделял только стол. Как гангстер, которого ему довелось играть, Рэйлан схватил Кирстен за воротник, поднял с кресла и буквально протащил ее по рассыпавшимся на столе страницам рукописи, пока его жадные губы не встретились с ее губами. Его язык проник в рот Кирстен и не успокоился до тех пор, пока ласково не исследовал каждую клеточку.

Губы Кирстен были алыми и влажными, когда он наконец ослабил хватку и она сползла со стола в кресло.

– Вы ревновали, – повторил Рэйлан уверенно, и самодовольная улыбка расплзлась по его красивому лицу.

Глава 6

Кто-то очень аккуратно прибрал в трейлере. Он был благодарен этому незнакомому помощнику. До этого машина походила на городскую свалку, но теперь одежда была разобрана и выстирана, посуда вымыта и поставлена на полку, а мусор вынесен. В общем, сейчас здесь стало довольно уютно, вполне можно отдохнуть от суматохи и шума съемочной площадки.

Съемки проходили недалеко от дома миссис Рамм – в часе езды на мотоцикле. Но место это выглядело глухим и пустынным, и поэтому казалось, что оно находится по ту сторону света. Этот скучный ландшафт выбрали как очень похожий на окрестности Абилина, что в Техасе. Здесь не было ни одного деревца, чтобы спастись в его тени от безжалостного солнца.

В трейлере, стоявшем за пределами съемочной площадки, было темно. Кондиционер монотонно гудел, как буддийский монах во время медитации. Пока устанавливались необходимые для следующей сцены декорации, Рэйлану захотелось побыть в спокойном уединении.

– Можно, – сказал он, услышав стук в дверь.

Вошла Пэт, помощник режиссера, тяжеловесная дама, которая если не в буквальном, то по крайней мере в переносном смысле считала себя матерью всей группы. Размеры ее

бюста наводили на мысль, что это вполне могло быть так.

– Готовы? – спросил Рэйлан.

– Шутишь? – отрезала Пэт. – Они долго еще будут возиться. Хочешь что-нибудь? Пива? Жратвы? Девочек?

Увы, но все, кто участвовал в съемках, очень быстро усваивали эту манеру общения. С каких же пор подобная вульгарность стала вызывать в нем отвращение? Да, конечно, со встречи с Кирстен.

– Нет, спасибо.

– Режиссер велел еще раз просить тебя отдать этот эпизод дублеру. Он загримирован и ждет команды.

– По сценарию здесь требуется крупный план. Я должен сделать все сам.

– Это опасно, Рэйлан.

– За это мне и платят. Пэт смиренно вздохнула.

– Рубашку постирать?

– Да, спасибо, – ответил он автоматически.

– Как дела в доме Рамма? – Она перебросила рубашку через плечо.

– Нормально.

Пэт нахмурилась и снова вздохнула.

– Нет продвижения?

– Нет продвижения.

– Мне кажется, вдова сейчас здесь. Во всяком случае, ты был бы этому очень рад, – заметила Пэт и, взяв пончик из открытой коробки и не дожидаясь разрешения, плюхнулась

на прикрепленную к стене кушетку напротив той, на которой развалился Рэйлан.

– Она говорит, что книга и фильм о Демоне Рамме, а не о ней, – сказал Рэйлан.

Он очень удивился бы, узнав, что хмурится в этот момент. Брови, по форме напоминающие буквы «Л», сошлись у переносицы.

– Вдова хочет как можно реже видаться с нами.

– Гм...

Он поглядел на Пэт с понимающей улыбкой.

– В жизни не слыхал «гм» с таким глубоким смыслом. Но если ты думаешь, что я собираюсь потакать твоему любопытству, то здорово ошибаешься.

Пэт неуклюже поднялась на ноги, облизала пальцы и строго посмотрела на Рэйлана.

– К сожалению, я и сама это знаю. Ты у нас целовальник-молчун.

– Кто сказал, что я целовался? Теперь настала очередь Пэт подарить ему понимающую улыбку. Подняв кучу одежды, которую потом отвезут в город и отдадут в прачечную, она спохватилась.

– Да, пока не забыла. Дай мне твой экземпляр сценария: надо внести кое-какие изменения. Он выпрямился.

– Какие еще изменения?

– Успокойся, Шекспир. Тебе понравится. Изменения касаются расположения камер, а не диалогов.

– Придется подождать. Я оставил свою копию у Кирстен. Сценарий мне на сегодня был не нужен.

– Обязательно надо вписать изменения, потому что от этого зависит план сцены.

– Потом, – сказал он, закрывая тему, и снова развалился на кушетке. – Позови, когда все будет готово.

– Ты окончательно отказываешься от дублера в этой сцене?

Рэйлан кивнул, но мысли его были уже далеко. Он не заметил, как ушла Пэт, потому что вдруг вспомнил реакцию Кирстен на приезд сестры неделю назад.

Он тогда видел, что Кирстен явно раздосадована, хотя и пыталась скрыть это. Ее ревность нельзя было не заметить, как нельзя не заметить проходящий по улице духовой оркестр. Да, Кирстен равнодушна к нему.

Рэйлан уже отбросил фригидность как возможную причину ее антипатии. А после приезда Шерил расстался еще с одной гипотезой:

Кирстен нравятся мужчины вообще, а конкретно он – нет. Она здоровее постаралась, чтобы произвести именно такое впечатление, но факты говорили обратное: за последнюю неделю Рэйлану удалось расположить ее к себе. Он понял это во время того головокружительного поцелуя в кабинете. С тех пор Рэйлан не целовал и даже не дотрагивался до Кирстен: решил дать ей время, чтобы понять, кого она может упустить.

Оказалось, что эта уловка сработала против него самого: по-настоящему страдал именно он. Ведь Рэйлан не умел сдерживать свои чувства так, как Кирстен. Он хотел ее. Очень. Но ему было известно, насколько важно иной раз бывает выдержать паузу. Для решительных действий время еще не пришло.

А тем временем сам потихоньку начинал сходиться с ума от желания. Было почти облегчением уехать сегодня утром из ее дома. Время, проведенное вдали от Кирстен, даст его голове и телу такую необходимую сейчас передышку от постоянных столкновений желания и запрета.

Теперь, ожидая вызова на площадку, Рэйлан растянулся на коротеньком диванчике и задремал, предавшись сладким фантазиям о Кирстен и о том, какое блаженство испытает, когда она наконец отдастся ему.

Он заснул. Перед самой ответственной съемкой в фильме – сцены в горящем самолете...

* * *

В костюме летчика Рэйлан блуждал между грузовиками, трейлерами, километрами проводов и людьми, занятыми, как казалось, ничегонеделанием. Наконец он нашел режиссера, который обсуждал что-то с пиротехником, ответственным за создание эффектного зрелища горящего самолета.

Пыхтя толстой сигарой, режиссер повернулся к Рэйлану и

оглядел его с головы до ног.

– Ну и болван же ты! – проворчал он. – Из-за таких идиотов, как ты, каскадеры сидят без работы.

– Не подскажите, как пройти к самолету? – вежливо поинтересовался в ответ Рэйлан.

Он пропустил мимо ушей красноречивый ответ режиссера и прислушался к специалисту, который говорил о том, как будут происходить взрывы, что возможен только один дубль и каким образом Рэйлан должен выбраться из горящей кабины. Необходимо рассчитать все по секундам. Актер, оператор и пиротехник должны работать как единый организм, полагаясь на интуицию и опыт друг друга.

– Все готовы? – гаркнул режиссер. – Начинаем.

Но прошел час, прежде чем удалось «начать». За это время Рэйлан выслушал инструкции режиссера еще минимум раз пятнадцать, костюмер проверила, достаточно ли выпачкан сажей его костюм летчика, гример нанес на лицо масляные пятна и искусственный пот.

– Не надо этого. – Рэйлан отодвинул распылитель от лица. – Здесь и так жарко, как в печке. – Кинозвезда Рэйлан Норт мог позволить себе покапризничать.

– Тебя собираются посадить одним местом прямо в пекло, а ты ноешь из-за духоты и какого-то пота?

Наконец он забрался в кабину и надел шлем, на котором большими красными буквами было написано «ДЕМОН». Операторы проверили и перепроверили углы установки ка-

мер с помощью встроенных мини-экранов. Все стояли в полной готовности. Режиссер дал команду.

Рэйлан улыбнулся и помахал рукой на кабины самолета, как предписывал сценарий. В этом эпизоде воспроизводилось последнее шоу воздушного аса: Чарльз Рамм под бешеные аплодисменты публики успешно посадил неисправный самолет. Ревущую толпу снимут отдельно и вмонтируют позже. Демон вернул горящую машину на землю, но сам...

* * *

Несмотря на то что все много раз объяснили, Рэйлан был удивлен силой взрыва. Казалось, ему перетряхнуло все внутренности, и на мгновение сознание помутилось. Он даже не почувствовал второго и третьего взрывов.

Господи всемогущий!

Глаза невольно зажмурились при ослепительной вспышке. А когда Рэйлан открыл их, почудилось, что он уже умер и попал в ад.

Ничего не было видно, кроме красно-желтого пламени, извергавшего непроницаемую завесу черного дыма. Жар был таким сильным. Что сушил глаза и превращал тело в студенистую массу. Ему казалось, что расплавленная кожа стекает с черепа, как в фильмах ужасов. «Не будь дураком, не думай о происходящем, – бранил он себя. – Но что я должен делать? Что делать? Ах да, надо открыть кабину и сма-

тываться отсюда, пока не спекся».

Во время пробных прогонов ручка работала безотказно, но сейчас она не сдвинулась с места. Он дернул. Еще раз. Ручка не поддавалась. Паника тошнотой подкатила к горлу. Господи, как трудно дышать! Воздух словно раскаленная лава! Он снова попытался открыть кабину и потянул на себя ручку так сильно, что закрипели зубы.

Мать Божия!

Было известно с точностью до доли секунды, в какой момент кабина должна открыться. Когда эта секунда прошла, а Рэйлан не выпрыгнул из горящего самолета целый и невредимый, режиссер вскочил с кресла и бросил сигару. Крикнув пожарным, он побежал впереди толпы, которая ринулась к горящему самолету.

Пэт подавилась пончиком. Кое-как проглотив его, она тоже принялась вопить.

Девушка-костюмер кусала локти от того, что так и не успела переспать с Рэйланом Нортон, который сейчас погибнет в расцвете лет и станет легендой Голливуда.

Визажист вдруг вспомнил о смерти, которая пробудила в нем детскую боязнь ада и вызвала поток проклятий. Он стиснул в руках распятие и молил Бога простить ему вчерашнее грехопадение в компании двух молодых людей.

А хрупкая, с короткой стрижкой темноволосая женщина, стоявшая возле своего открытого «мерседеса», наяву переживала самый жуткий из своих кошмаров.

Она снова присутствовала при страшной гибели человека, которого любила.

Каким-то образом Рэйлан заметил ее. Позже, вспоминая об этом, он не мог понять, как это произошло. Просто чудо, знамение! Но его взгляд различил именно ее среди множества людей, наперебой кричавших что-то, чего он не мог слышать из-за шума ревающего пламени.

Кирстен застыла у открытой дверцы машины, прижимая к груди нечто напоминающее сценарий. Слезы ручьем текли из-под темных очков.

Сначала Рэйлан подумал, что это лишь игра воображения: жизнь пробегает перед глазами за миг до смерти, как это бывает в подобные минуты, если верить многочисленным свидетельствам. И только увидев неподдельный ужас на ее лице, он понял, что видит реальную Кирстен.

– Уведите ее отсюда! – заорал Рэйлан через стекло, но его, конечно, никто не услышал. – Господи, не допусти этого! – взмолился он.

Не чувствуя боли, актер схватился за раскаленную ручку кабины и с нечеловеческой силой потянул ее на себя. Та неожиданно повернулась, и кабина откинулась легко, как крышка пивной банки. Все точно по инструкции, полученной им перед съемкой.

Но он не думал об инструкциях. Его мысли сосредоточились вокруг черного дыма у себя за спиной, женщины внизу и того ада, который творился сейчас в ее душе.

Рэйлана сразу окружили. Так много людей, что он не мог пробраться сквозь эту живую стену.

– Без паники, Рэйлан, – успокаивал кто-то. – Костюм асбестовый – только дымится, не горит.

– Идите к Кирстен, – закричал он. – Кирстен! Помогите ей. Дайте...

– Несет какую-то ахинею.

– У него истерика, придурок. С тобой бы и не то было.

– Кирстен!

По тому, с каким бешенством актер пытался прорваться через толпу, люди заключили, что он не в себе, и повалили его наземь.

– Снимите с него эти чертовы перчатки, они тлеют.

– Обмотайте ему чем-нибудь руки.

– Не надо обматывать.

– Что угодно, только торопитесь, торопитесь, пока он не получил ожога.

Рэйлан взглянул на свои руки с какой-то странной отрешенностью и увидел, что кожа неестественно красная и сморщенная, а из рукавов идет дым.

– Кто-нибудь, пойдите к Кирстен, скажите...

– Позовите же наконец санитаров! – бушевал режиссер. – Обормоты несчастные! Рэйлану насилу удалось сесть.

– Кирстен, – простонал он и протянул обожженную руку по направлению к ней.

– Ложись, милый. – Пэт удержала его за плечи, проявив

больше самообладания, чем все остальные. – С тобой все будет в порядке.

Режиссеру она сообщила:

– Машина «скорой помощи» уже здесь. Помните, вы вызвали на всякий случай.

– Тогда убирайтесь все, дайте дорогу санитарам. Я подам на тебя в суд, скотина ты эдакая, за то, что ты влез в это дело! – заревел режиссер на Рэйлана и добавил, откусывая кончик новой сигары:

– Хоть и вышло чертовски здорово. Чертовски здорово! Все просто упишутся, когда увидят.

– Вон идут санитары. Расступитесь. Рэйлан, тебя сейчас отвезут в больницу.

Кто-то наложил ему на лоб мокрый холодный платок. Бесполезно было сражаться с их заботой, к тому же он бог знает как устал.

Где Кирстен?

Кирстен! Кирстен!

* * *

– Радуйся: шрамов не будет, – сказала Пэт, входя в отдельную палату. – Врач говорит, что ожоги легкие, хотя боль, конечно, нестерпимая. Смазывай их несколько дней и, если надо, принимай вот эти обезболивающие таблетки. – Она поставила маленькую коробочку на столик у кровати. – Они

безопасные. Эффект заключается в том, что чувствуешь себя слегка навеселе и боль не ощущаешь. Мне многие говорили.

Рэйлан даже не улыбнулся.

Пэт болтала без умолку, не смущаясь о его угрюмым молчанием, которое воспринимала как шок после встречи со смертью лицом к лицу.

– Наш многоуважаемый режиссер велел передать тебе: эпизод с аварией самое лучшее, что когда-либо видели в Голливуде. Мне кажется, твои обгорелые руки вызывают у него не больше сожалений, чем сигара, которую он выронил, когда понял, что что-то не так. Кстати, цветы – от него. От всей группы тебе...

– Как она там очутилась?

Пэт озадаченно смотрела на Рэйлана:

– Кто? Кто очутился?

– Кирстен Рамм. Как она попала на площадку? – мрачно повторил он.

Пэт опустилась всей своей массой на единственный свободный стул и подозрительно уставилась на человека, сидящего на краю больничной койки. Только сейчас до нее дошло, что скривившийся рот и полуопущенные веки не были проявлением физических страданий и запоздалого испуга. Это рвалось наружу с трудом сдерживаемое бешенство.

– Она была там?

– Да, я видел ее из кабины.

– Может, тебе показалось...

– Я видел ее! – вскричал он. – Как она туда попала?

– Если она туда приехала, то это моя вина: я ей позвонила. – Пэт струсила.

– Зачем? – зашипел Рэйлан угрожающе.

– Чтобы... чтобы... Нам очень нужен был сценарий. Я попросила ее посмотреть в твоей комнате. Она вернулась и сказала...

– И ты попросила ее привезти сценарий на съемку. – Несмотря на боль в руках, он сжал кулаки.

– Нет-нет, я ничего такого не говорила, – запротестовала Пэт. – Я только сказала, что мы пришлем кого-нибудь, она сама предложила... Ты куда? – Домой.

Он понял свою ошибку, но решил не думать об этом сейчас. Потом будет достаточно времени. После того, как повидается с Кирстен.

– В Лос-Анджелес?

– К ней. Можно будет со мной связаться по ее телефону. – Подойдя к шкафу, он сбросил с себя больничный халат. Кто-то очень предусмотрительный – скорее всего умница Пэт – принес одежду.

Она тяжело поднялась со стула, – Но тебе нельзя уезжать из клиники, – несмело попыталась задержать его Пэт. – На вечер доктор назначил обследование.

Рэйлан посоветовал Пэт и доктору произвести с обследованием одно непристойное действие, впрочем, невозможное с анатомической точки зрения, и вышел из палаты.

Так как мотоцикл остался на съемках, пришлось взять такси до Ла-Иоллы прямо у подъезда клиники. Еще у подножия холма Рэйлан увидел, что в доме Кирстен нет света.

– Не похоже, что дома кто-нибудь есть, приятель, – бросил водитель через плечо.

В темных очках Рэйлана было трудно узнать. – Хозяйка там, – убежденно ответил он, за последним поворотом извилистой дороги увидев «мерседес», припаркованный у входа. – Спасибо.

Тот, кто снабдил его одеждой, позаботился о том, чтобы вложить несколько банкнот в карманы брюк. Рэйлан отсчитал водителю больше, чем нужно, и вышел из машины.

Парадная дверь была закрыта. Он обошел вокруг особняка, пробуя все стеклянные раздвижные панели, и отыскал одну незапертую. Толкнув ее, приготовился услышать вой сигнализации, и когда этого не произошло, вошел в дом.

Рэйлан нашел Кирстен в спальне, лежащей поперек широкой кровати, отчего женщина казалась еще меньше. Туфли стояли рядом носками к постели, будто она скинула их и легла одним движением. Она свернулась калачиком, упираясь подбородком в грудь и прижавшись лбом к коленям.

Ничего не сказав, он подошел, сел рядом, наклонился и стал гладить ее волосы. Мгновение она лежала неподвижно. Затем перевернулась на спину и всмотрелась в него сквозь темноту.

Сердце Рэйлана защемило от жалости при виде ее глаз,

распухших от слез. Тушь расплылась под нижними ресницами, губы искусаны в кровь. Он провел по ним языком и легонько, нежно поцеловал. Самый находчивый актер в Голливуде на сей раз не мог подобрать нужных слов. Он решил сказать напрямик о том, что чувствует.

– Мне жаль, что вам пришлось пережить все это.

У нее задрожала нижняя губа. Кирстен медленно села и потянулась к нему. Его руки, его душа готовы были принять ее. Рэйлан прижался к ее хрупкому телу и уткнулся лицом ей в шею. Рыдания Кирстен сотрясали обоих.

– Не надо, не надо, – шептал он. – Все было не так страшно, как кажется.

– Все было ужасно, невыносимо. Как в моих жутких снах.

– Я знаю, милая, знаю. – И провел ладонью по ее маленьким лопаткам. – Я вас видел.

Сквозь огонь. Я...

И вдруг вспомнил, что в тот момент, когда смерть казалась неотвратимой, он прежде всего думал о Кирстен и о том, как ей тяжело. А ведь естественнее, наверное, было подумать о своем спасении? Да, если бы Кирстен не стала для него дороже, чем жизнь. Да, если бы он... не любил Кирстен Рамм.

Склонившись, он страстно целовал ее шею, самую нежную, самую благоуханную кожу на свете. Этот поцелуй был признанием в любви, которое он не мог выразить словами. Она не готова к таким словам. Зато готов он, и он сделал

свое признание. Он любит Кирстен. В этом – его счастье, в этом – его беда. Потому что кто знает, о ком она плачет? За кого так испугалась в этот раз.

– Я не мог представить, как вы там очутились. Я думал, что у меня видения. Всхлипнув, Кирстен подалась назад.

– Она... та женщина... Пэт... позвонила, и...

– Я все знаю. Она у меня получит.

– Нет, нет, не сердитесь на Пэт. Я сама захотела привезти сценарий.

– Почему? Я думал, вы собираетесь держаться в стороне от съемок.

– Вначале да, но потом...

Ее голос сорвался, и она отвела взгляд. Рэйлан ласково взял ее за подбородок и Повернул лицом к себе.

– Почему, Кирстен? Ответа пришлось ждать долго.

– Я была в таком замешательстве.

– Отчего же, милая?

– От того, что во мне происходило, от того, что я чувствовала.

– Чувствовали?

Она подняла глаза, полные слез, и взглянула прямо в его глаза.

– Чувствовала к вам.

Сердце Рэйлана забилося еще сильнее, чем утром в горящем самолете.

– И какое это чувство? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Мне кажется, вы знаете.

– Подскажите.

– Когда вы рядом, у меня мысли скачут. Я постоянно оказываюсь в глупом положении, в замешательстве.

– Да никогда. – Он пожирал ее взглядом.

– Всегда! – возразила Кирстен в отчаянии. – Я прекрасно справлялась с собой, пока вы не появились. А теперь я все время волнуюсь и путаюсь, сама не знаю почему. – Она нетерпеливо тряхнула волосами. – Я не в силах рассказать, что чувствую.

Рэйлан взял ее руку и прижал к своей груди.

– Может, чувствуете вот так? Кирстен почувствовала, как в ее ладони бешено стучит любящее сердце.

– Именно так, – прошептала она и, не отводя взгляда, подняла руку Рэйлана и положила себе на левую грудь. – Чувствуете?

С глухим стоном он поцеловал ее. И Кирстен ответила на нетерпеливые ласки его языка. Но все же в ее поцелуе была некоторая робость, и Рэйлан поспешил спросить, пока совсем не потерял голову:

– Что с тобой, Кирстен?

– Какая у вас интуиция!

– Просто когда женщина меня целует, я хочу, чтобы она думала обо мне.

– Вы знаете! – вскрикнула она от удивления. – Именно это я и имела в виду, когда говорила о замешательстве. Мы бе-

седуем о Чарли сутки напролет. В остальное время я пишу о Чарли. Вы двигаетесь, как Чарли. Говорите теми же словами, что и Чарли в моей книге. У вас даже проскальзывают интонации Чарли. И теперь, когда я думаю о нем, то представляю ваше лицо, а не его.

Она подняла на Рэйлана глаза, в которых была такая растерянность, такая... что у него защемило сердце.

– Я не могу понять, в кого я влюбилась: то ли в вас, то ли снова в него.

Первый раз в жизни Рэйлан возненавидел свое ремесло и свое мастерство. На время он полностью перевоплощался в тех, кого играл. И гордился этой способностью. Но на этот раз он хотел быть только самим собой.

– Встретись мы при других обстоятельствах, скажем, будь я электриком и приди устанавливать к тебе сигнализацию, ты бы могла в меня влюбиться?

Она искренне рассмеялась.

– Я ведь живая, Рэйлан. В моих жилах течет кровь, а не вода. Есть ли на свете женщина, которая в тебя не влюбилась бы?

– Это не в счет, – проворчал он. – Полюбила бы ты меня, просто человека Рэйлана Норта?

– Ну откуда мне знать? – протянула она с нежностью в голосе и потерлась носом о его нос. – Единственный честный ответ, который я могу дать: я считаю тебя неотразимым.

– Делайте ставки на неотразимость. Она улыбнулась его

сарказму.

– Ты совсем не такой, каким я ожидала тебя увидеть. Ты намного серьезнее. Конечно, влюблен в себя по уши и плевать хотел на все, что вокруг тебя происходит. Но теперь я понимаю, что ты не людей чуждаешься, а их черствости.

Рэйлану нравилось то, что он слышал. Сцепив пальцы на затылке любимой, он поцеловал Кирстен в висок и потребовал:

– Расскажи еще.

– У тебя намного богаче внутренний мир, чем я себе представляла. Ты чуткий. В тебе человечность с лихвой восполняет нахальство.

– Разве я нахальный?

Она склонила голову набок, подставляя, шею его губам, которые тут же покрыли ее легкими быстрыми поцелуями.

– Ты знаешь, что это так. Ты поцеловал меня в первый же вечер, как только приехал.

– А кого целовала ты? Меня или Рамма?

– Не спрашивай, Рэйлан, я не знаю. Может, я ответила на поцелуй, потому что так давно не целовалась.

– Ты ревновала меня к Шерил, пока не выяснила, что она моя сестра. Признайся. Тебе было неприятно думать, что Дилан мой сын, ведь так?

Она кивнула:

– Да, я ревновала, хотя и понимала, что это глупо: какое я имела право ревновать? Рэйлан положил руки ей на плечи.

– Кирстен, позволь задать тебе один вопрос. Когда ты сегодня увидела горящий самолет, кого ты представила внутри – меня или Чарли Рамма? Ты испугалась за меня или это был страх, оставшийся тебе в наследство от Чарли? – Рэйлан провел большими пальцами по ее щекам, еще хранящим следы слез. – О ком ты плакала?

Она выдержала его пристальный взгляд, глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– О тебе, Рэйлан.

Со сладостным стоном Рэйлан притянул Кирстен к себе, и его приоткрытый рот приник к губам любимой. Их поцелуй длился целую вечность. То, что она отбросила робость и теперь сама была участницей любовной прелюдии, радовало его несказанно. Всякий раз, как он пытался прервать эту бесконечную череду поцелуев, она начинала новый раунд. Когда наконец их губы разъединились, он уткнулся лицом ей в шею и запустил пальцы в ее короткие мягкие волосы.

– У тебя вся голова пропахла этой дрянью, которой мне намазали руки.

– Ничего, – прошептала Кирстен. – Они болят?

– Немного.

– Я позвонила в клинику, и мне сказали, что с тобой все в порядке. Но я не знала, можно ли этому верить.

– Я прекрасно себя чувствую. Совсем другое место на моем теле беспокоит меня в данный момент.

Она засмеялась, так что Норт ощутил на губах этот смех;

в жизни ему не доводилось слышать более эротичного звука, и руки сами потянулись к пуговицам на рубашке Кирстен. Когда все были расстегнуты, он увидел лифчик и нетерпеливо зарычал. Умелым движением отбросив его, Рэйлан сразу вцепился в темно-розовый сосок.

– Рэйлан! – Ее тело выгибалось под ним.

– Сладкая моя! – задыхался он. Его рука проникла под юбку Кирстен. Ладонь поползла вверх... Тихое мурлыканье Кирстен сказало ему все, что он хотел услышать, и Рэйлан смело потянул ее трусики. Стон застрял у него в горле, когда пальцы ощутили горячий мед ее лона.

В паху у него давило и жгло. Чтобы ослабить болезненное напряжение, он расстегнул брюки и стащил их вместе с трусами.

– Возьми меня как тогда, – прохрипел Рэйлан, направив ее руку к своей твердой плоти.

Она почувствовала жар любви, который отчаянно рвался из мужчины.

– Кирстен, Кирстен!

Она кубарем выкатилась из-под него. Рэйлан сначала подумал, что она хочет раздеться. Но увидел, что Кирстен суетится у спинки кровати, собирая одежду так, будто вырвалась от маньяка-насилльника.

– Я не могу.

– Не можешь? – Голос его был сиплым. Она решительно покачала головой:

– Нет.

Из нежного друга и страстного любовника Рэйлан вдруг превратился во взбешенного мужлана: такая перемена мыслей и чувств была вызвана оскорбленным мужским достоинством.

– Что значит не можешь? – заревел он.

– Это и значит, – не осталась в долгу Кирстен.

– У тебя месячные, что ли? Слушай, я не такой брезгливый. – Он наслаждался румянцем на ее щеках.

– Совсем не то. Я не могу – не стану – заниматься с тобой любовью. Не сейчас. Никогда.

Из его горла вырывались хрипы, как из глотки прирученного зверя, в котором проснулись дикие инстинкты.

– Черт с тобой в таком случае! Ничего удивительного, что твой муж покончил с жизнью.

Глава 7

Не видя океана, забываешь, насколько он огромен, и ощущение чего-то действительно необъятного возвращается, только если снова сидишь в покое и смотришь на него не отрываясь. Той ночью у Рэйлана было достаточно времени для созерцания. Он не заметил, как подкрался рассвет, вычертив его силуэт на песке. Тень эта очень отдаленно напоминала человека с растрепанными волосами, вобравшего голову в плечи. Она могла принадлежать, например, людоеду из какой-нибудь сказки-страшилки.

Таким он себя и чувствовал в ту ночь.

Кляня себя, он откинулся на песок и посмотрел на небо. Там предрассветная бледность сменялась лихорадочным розовым блеском, как будто обреченный больной перед самой кончиной вдруг почувствовал себя лучше. Звезды, бессильные продлить отпущенное им время, мигали на прощание и гасли.

Рэйлан стал разглядывать свои руки. Ему было больно. Кожа покрылась волдырями и красными полосами. Может, это руки виноваты? Нет, боль укоренилась глубже – в подсознании.

Его мать часто говорила, что он самый неблагодарный пациент. Когда Рэйлан заболел, то несвобода и вынужденная бездеятельность бесили его, и он готов был срываться на ком

угодно. Никакая любовь и никакое терпение не могли победить в нем это. Так что винить за вчерашнее поведение придется свои больные руки. Жалость к себе не приходит одна: хорошо бы сейчас сделать кому-нибудь больно.

Да ведь уже сделал. Так больно, что и представить себе невозможно.

Он прикрыл глаза тыльной стороной ладони. Но это не помогло забыть лицо Кирстен: такое, какое у нее было, когда грубый мужлан произнес те жестокие слова. Она смотрела на Рэйлана, бледная, ошеломленная. Глаза казались слишком большими для такого лица. Губы, которые от поцелуев покраснели и припухли, теперь стали бледными и вытянулись в ниточку. От отчаяния. На его глазах она полностью переменилась. Вся съежилась и сникла, как будто что-то внутри оборвалось.

Атмосфера накалилась до предела, даже пахло озоном, как после грозы. Оба не в силах были двинуться с места и на мгновение потеряли дар речи.

После затянувшейся паузы Кирстен сказала срывающимся голосом:

– Это не было самоубийством. Как вы можете так говорить?

В конце фразы зазвучали истерические нотки. Возможно, не будь Кирстен такой спорщицей, он взял бы свои слова назад, извинился бы, снова обнял и приласкал ее, утешая.

Но упрямое желание сохранить верность памяти погиб-

шего пробудило жестокость в живущем. Рэйлана все еще переполняло желание, и это тоже подливало масла в огонь его мстительности. Сам не зная зачем, он тогда нагло запрокинул голову и сказал:

– Такие уж ходят слухи, милочка.

– Это ложь, – отрезала Кирстен, быстро застегнула пуговицы на рубашке и расправила скомканную юбку. – Это ложь. Вы слышите меня? Чарли не совершал самоубийства. У него не было причин для этого.

– За исключением жены, которая любит обламывать.

– Как вы смеете?

– Смею, смею. Я что угодно посмел бы сделать и сказать женщине, которая откалывает такие номера, какие вы только что.

Кирстен гордо вздернула подбородок. Взгляд ее был полон чувства собственного достоинства.

– Я не собиралась заниматься с вами любовью.

– Вот и прекрасно!

– Так чего же вы раскричались?

– Просто вы немного опоздали с вашим «нет».

– Я не хотела, чтобы все зашло так далеко.

– Ах, вы не хотели? Поэтому Рамм и играл со смертью? Может быть, опасность в воздухе помогала ему преодолевать фрустрацию на почве секса?

Она закрыла ладонями уши.

– Прекратите. То, что произошло между нами сейчас, не

имеет никакого отношения к тому, что было у меня с Чарли.

Рэйлан крепко выругался и направился к двери. Но прежде чем уйти, подошел к Кирстен почти вплотную и подчеркнуто пренебрежительно застегнул молнию на своих джинсах.

– Пусть это достанется тому, кто умеет ценить.

В тот момент такой уход казался ему очень эффективным. Теперь, после долгих часов раздумий, слова, сказанные напоследок, выглядели совсем не остроумными.

«Я был груб», – признался он себе.

Нет оправданий. Взрослый мужчина должен уметь смирять возбужденную плоть. Этим человек отличается от животного. Мужчина вышел из пещеры и научился достойно принимать отказ женщины.

Она не должна была позволить мне зайти так далеко.

Нет, не должна. Но рассудок твердил ему, что Кирстен не имела намерения довести все до предела, а потом отказать. Она хотела и ждала его так же, как и он ее, и дело не в том, что чувственность лишь на время завладела волей Кирстен. Что-то более серьезное, чем глупый каприз, заставило женщину передумать в последнюю минуту. Какая-то мысль. Или чувство.

Не правда, что мне нужен был только секс, Совсем не так. Я люблю ее.

Может быть, в этом случае следовало бы проявить терпение и понимание, а не взрываться, как динамит?

Удачное сравнение, Норт.

Он снова сел и стал смотреть, как волны набегают на берег. Эта переливающаяся беспокойная рябь была похожа на его чувства, которые бурлили и не находили выхода. Наверное, можно хотя бы частично объяснить отвратительное поведение сегодняшней ночью, если смотреть на его поступки как на поступки влюбленного человека. Как же это нелегко – любить!

Когда-то давно он читал о людях, которые умели любить на расстоянии, никогда не выражая своих чувств общеизвестными способами. Приятно думать, что некоторые потомки Адама были настолько возвышенны и благородны. Но Рэйлан не верил, что это возможно.

Сексуальность была неотъемлемой частью его индивидуальности. Как отпечатки пальцев, как форма бровей, цвет глаз, походка или голос. Сексуальность нельзя обуздать. Он любит Кирстен Рамм всем своим существом, в самой сердцевине которого заключен половой инстинкт.

Но неужели у нее всегда будут находиться причины для беспокойства, когда дело коснется этого?

В чем же загвоздка? Физически она в порядке. У нее совершенное тело для любви. Может быть, все намного проще: до сих пор любит Чарльза Рамма? Он воплощал собой представления Америки о красивом и бесстрашном мужчине. У него были обворожительная улыбка и магнетическое обаяние. Он был богат и знаменит. Нет ничего удивительного в

том, что Кирстен от него без ума.

Но прошло два года со дня его само... со дня его смерти. Кирстен готова полюбить другого мужчину, знает она об этом или нет.

Итак, Рэйлан стоял перед выбором: признать себя побежденным и уйти, оплакивая свое разбитое сердце, или остаться, чтобы вернуть к жизни Кирстен, докопаться до причины ее неприязни к сексу и избавить любимую от страданий, пусть даже ценой собственной жизни.

Он встал и стряхнул с себя песок. Взбегая по лестнице на террасу, Рэйлан неожиданно вспомнил слова своего агента, предупреждавшего как-то перед съемками одной картины:

– На твоём месте я бы не стал звонить продюсеру, Рэйлан. Эта картина не для тебя. Даже если он даст тебе роль, ты провалишь её и испортишь себе карьеру.

Но он был полон решимости не только получить роль, но сделать из картины настоящий хит.

И Рэйлан добился и того и другого.

Кирстен сидела, поджав под себя ноги, на кожаном диванчике темно-синего цвета, когда Рэйлан, приняв душ и переодевшись, вошел в кабинет и сел рядом. Безо всяких околичностей, даже без «доброго утра», он тут же сказал:

– Вам следовало бы вклеить мне пощечину. Она взглянула на него серьезно и грустно.

– Я думала об этом.

– Почему бы сейчас не нагнать упущенное?

– Это не в моем стиле.

– Ну давайте же. Врежьте мне разок. Может, вам станет легче.

На припухших губах дрогнула тень улыбки. Кирстен покачала головой.

– Сомневаюсь.

– Вы примете мои извинения?

– За что?

– За то, что орал на вас, как какой-нибудь беспризорник, которому не подали доллар.

Ее серьезное лицо наконец осветила печальная улыбка.

– Я приму ваши извинения, если вы примете мои.

– За что?

– За... за такой конец.

– Я прощаю вас, – сказал он и тихо добавил:

– Но не знаю, смогу ли забыть.

– Да, забыть труднее всего.

– Я не хочу забывать, Кирстен. Я хочу помнить ваши ласки. – Рэйлану показалось, что от этих слов ей стало неловко, и сменил тему. – Мы обменяемся извинениями баш на баш, идет? – Идет.

Они торжественно пожали друг другу руки.

– Над чем вы работаете и почему здесь? – Он заметил на диванчике судебный бюллетень, в котором Кирстен сделала несколько пометок.

– Над последней главой.

– Есть какие-то трудности? Она вздохнула так, будто вынуждена говорить о том, о чем предпочла бы молчать.

– У меня не выходит ни единого предложения, как только я сажусь за написание этой главы.

– Вы вкладываете в это слишком много эмоций. Поэтому трудно быть объективной.

– Наверное, так.

Она выглядела такой маленькой и беззащитной. Фиолетовые тени легли вокруг глаз, отчего голубизна их стала еще ярче, а бледность лица заметнее. Хрупкость ее тела и ранимость ее души заставляли Рэйлана чувствовать себя животным. Тем более что ему еще предстояло подвергнуть Кирстен тяжким испытаниям, прежде чем она забудет мрачную тень прошлого.

– На чем вы застряли? – спросил он.

– Я не могу передать, что чувствовала, когда узнала о катастрофе.

– Споры, поднявшиеся вокруг нее, не могут быть вам полезны?

Она сняла очки, чтобы помассировать усталые глаза. В ее взгляде сейчас читалось предостережение; выражение беспомощности улетучилось в считанные секунды. Пока Кирстен не успела наброситься на него, Рэйлан взял ее ладони в свои и сказал:

– Кирстен, я хочу разобраться во всем не меньше, а может, и больше, чем вы.

– Ради картины?

– Частично – да, – согласился он. – Но это не единственная и теперь не главная причина. Я думаю, вы догадываетесь, какие еще причины могут быть.

Под его твердым взглядом ее запал угас. Кирстен посмотрела на их сложенные вместе руки.

– Что случилось прошлой ночью? – спросил он осторожно. – Красивая, милая, любящая, сексуальная женщина в мгновение ока превратилась в айсберг. Почему, Кирстен? Только не говорите, что вы меня не хотели. Я знаю лучше вашего. Никакая женщина не станет такой... если не хочет мужчину, который находится рядом с ней.

– Пожалуйста, Рэйлан, – простонала она, опустив голову.

– Может быть, дело в вашей невероятной застенчивости? Вас воспитывали в строгости? Учили, что даже разговаривать о сексе грешно? Вы скромны сверх обычного?

– Разумеется, нет. – Она с трудом сдержала улыбку.

– Тогда что? Скажите. Сделал ли я что-нибудь такое, от чего вы потеряли ко мне всякий интерес?

– Нет.

Он поцеловал ее в ушко и, не отводя губ, прошептал:

– Тебе нравилось то, что я делал? Она кивнула головой у его груди. От волнения, охватившего его, Рэйлан прикрыл глаза, несколько секунд боролся с желанием, а затем спросил:

– Тогда почему ты повела себя так, будто я собираюсь те-

бя насиловать? Я самый толстокожий и бесчувственный из всех мужчин на земле. Я могу говорить о чем угодно и даже глазом не моргну. Обещаю, что бы ты ни сказала, это меня не шокирует. – Все его десять пальцев зарылись в ее волосах, он поднял лицо Кирстен, заставляя посмотреть на себя. – Скажи, дорогая.

Его взгляд искал беспокойство в глубине ее глаз, которые быстро наполнялись слезами.

– Я не могу, Рэйлан. Пожалуйста, не спрашивай больше. Пожалуйста. Если у тебя есть хоть капля сострадания, не дави на меня больше.

Казалось, что холодный клинок вонзается ему в живот. Возражения требовательно вертелись на языке, но, увидев слезинку, готовую упасть с ее ресниц, Рэйлан понял, что исполнит любое желание любимой.

Губами он снял слезинку.

– Хорошо, Кирстен. Я не буду больше спрашивать. Но окажи мне две услуги.

– Какие?

– Скажи мне правду.

Она посмотрела с любопытством.

– Ты хотела меня этой ночью? Хотела, чтобы я любил тебя? Вошел в тебя?

Кирстен перевела взгляд на его губы.

– Ты обязательно должен услышать? Он вдохнул глубоко и задержал выдох, как перед прыжком в воду.

– Значит, причина, по которой ты все оборвала, не в нас с тобой?

– Не в нас.

Его поцелуй был полон тихой ласки, и все же это был настойчивый поцелуй.

– Какая вторая услуга? – тихо спросила она.

– Давай вместе восстановим последние двадцать четыре часа жизни Демона Рамма.

– Что?..

– Из-за этих ожогов я могу не приезжать на съемки несколько дней. Поговори со мной о его последнем дне. Вспомни этот день по часам. Я хочу знать правду о том, что случилось с самолетом Демона в тот день.

– Правда в том, что с Чарли произошел несчастный случай. Он не совершал самоубийства.

– Хорошо. Тогда чего он боялся? – Рэйлан видел, что она в нерешительности, и решил поднажать. – Это будет полезно и тебе, и мне. Ты не можешь сдвинуть с мертвой точки свою рукопись. А вдруг разговор о последних часах его жизни поможет тебе в этом, подстегнув твою память, и ты вспомнишь именно то, что тебе так необходимо?

Он обвел ее губы большим пальцем. Какие они нежные, будто созданные специально для поцелуя, для того чтобы дарить и получать наслаждение. Это просто несправедливо, что им отказано и в том, и в другом.

– Кроме того, подумай о нас, Кирстен. Мы не можем пол-

ностью принадлежать друг другу, пока не изгоним злых духов из твоей памяти. А мы должны быть вместе.

Он поцеловал ее снова, уже более страстно. Губы и язык без слов сказали о его любви.

– Прекрасно. Сэм здесь, вот его фургончик. – Кирстен указала на помятый «блейзер» у ангара из гофрированной жести.

Рэйлан остановил ее «мерседес» рядом с машиной Сэма и сказал:

– Куплю себе такой же.

– «Мерседес» или это? – спросила она, показывая на забрызганный грязью красно-белый грузовичок.

Он сделал вид, будто тщательно взвешивает свое решение.

– А, черт с ним. И то и другое. Смех любимой наполнил его почти таким же счастьем, какое он испытывал, целуя ее. Рэйлан мечтал о том дне, когда они смогут много и свободно смеяться вместе. У него не возникало ни тени сомнения, что такие дни наступят. Рэйлан Норт – сильный мужчина и способен преодолеть гораздо более серьезные препятствия, чем сопротивление Кирстен. Чем чары Демона Рамма.

Они вошли в ангар, который снаружи напоминал пещеру, а внутри – полость печи. Хотя сюда не проникали ослепительные солнечные лучи, духота стояла невыносимая. Они шли мимо безжизненных каркасов самолетов на звук ругательств, доносившихся из глубины ангара, пока не увидели

Сэм. Он стоял на подъемной платформе, склонившись над открытым для обозрения мотором самолета.

– Сукин сын, скотина, куча...

– Здесь женщина, – сухо прервал этот поток брани Рэйлан.

Сэм так резко обернулся, что чуть не свалился со своего помоста.

– Ах ты, чертов ублюдок! Напугал меня, как...

– Полегче, Сэм, – поддразнил его Рэйлан. – Я привез одну леди повидаться с тобой. Окажи же ей почет и уважение.

Механик кубарем скатился по железным ступеням с платформы и предстал перед ними в своей промасленной и пропотевшей робе. Руки он вытер о потускневшую красную тряпку и, запихивая ее в карман, оглядел Кирстен с головы до ног.

– И, как я погляжу, не просто леди, а самую хорошенькую леди на свете. Если бы от меня так не воняло, я бы обнял ее покрепче.

– Раньше тебя это не смущало, – сказала Кирстен, разводя руки для объятий.

Сэм по-медвежьи обнял ее. При этом у обоих на глазах выступили слезы, и какая-то родственная неловкость пробежала между всеми тремя, когда товарищ и вдова Демона наконец отпустили друг друга. Сэм подвел их к столу, на котором царил такой же беспорядок, как и во всем ангаре. Он притащил стул для Кирстен и кивком указал Рэйлану на деревянный ящик. Старый механик не мог оторвать взгляд от

Кирстен, когда она опустилась на предложенный стул с изодранным пластиковым сиденьем.

– Ты могла бы почаще навещать меня, – брюзжал он.

– Да, Сэм, прости, я обещаю исправиться.

– Ты так же говорила и в прошлый раз. Живешь как затворница в своем сказочном доме на горе. Ну да, конечно, я старый безобразный крот. И не виню тебя за то, что ты не хочешь меня видеть: вертеть хвостом с жеребцами вроде него куда как интереснее. – Сэм кивнул на Рэйлана. – А все-таки, что ты с ним делаешь?

– То же, что и ты: рассказываю ему о Чарли. Сэм недоброжелательно покосился на Рэйлана и ткнул в него пальцем с недельным слоем грязи под неровным ногтем:

– Только попробуй выкинуть с ней что-нибудь этакое – и можешь заказывать себе инвалидную коляску. Вы, голливудские петухи, меня не запугаете. Я вам яйца поотрываю!

Поморщившись, Рэйлан положил руку на сердце:

– Мои намерения относительно миссис Рамм абсолютно чисты.

– В задницу твои намерения, – не унимался Сэм. – Если хочешь поразвлечься, то я тебе скажу, где найти самых грязных и самых дешевых шлюх за сто миль отсюда. А эту леди оставь в покое.

– Сэм, – поспешила вмешаться Кирстен, – у тебя есть что-нибудь попить? Рэйлан настоял на том, чтобы снять верх с моей машины, и у меня в горле пересохло.

– Клубничный лимонад, – ответил Сэм, и Кирстен и Рэйлан сделали вид, будто приторная газированная жидкость вызывает у них дикий восторг, когда механик достал каждому по бутылке. – Так вы хотите поговорить о Чарли, – начал он после большого глотка напитка собственного производства.

Сэм положил ноги на угол ветхого столика. Кеды известной фирмы были единственным признаком, который выдавал в нем человека наших дней. Казалось, он связан с этим старым ангаром какой-то невидимой пуповиной.

– Верно, Сэм. Именно этого мы и хотим. Голос Кирстен и ее нежное прикосновение к руке старого друга с новой силой всколыхнули в Рэйлане желание.

– Ну, валяйте, спрашивайте. – Сэм откашлялся, чтобы скрыть переполнявшие его чувства.

– Мы хотим знать о том, что случилось в то утро, – сказал Рэйлан.

– Какое утро? Выразайтесь точнее.

– Утро, когда он погиб, – пояснила Кирстен.

– А что вы хотите знать? – Сэм потянулся к настенному календарю, чтобы выровнять его: несколько странный жест, если учесть, что изображение блондинки в набедренной повязке и с ослепительной улыбкой было едва ли не единственным предметом в ангаре, находившимся на своем месте и не требовавшим заботливого внимания.

– Это утро ничем не отличалось от других? – спросил Рэй-

лан, зная, что легче вырвать здоровый зуб у крокодила, чем добиться чего-нибудь от Сэма.

– Отличалось? Нет, ничем не отличалось.

– Какие фигуры он должен был делать в то утро?

– Не знаю. Ничего особенного, потому что Чарли был в воздухе один, никто за ним не наблюдал. Он позвонил ребятам и сказал, что они могут не приезжать.

Краем глаза Рэйлан засек удивленное выражение Кирстен. По ее словам, Рамм и команда были неразлучны. То, что остальные пилоты отсутствовали в тот день, имело немаловажное значение – Он позвонил им отсюда? – спросил Рэйлан.

– Вот с этого самого аппарата. – Сэм указал на старенький дисковый черный телефон. – Сказал им: «Отдохните, ребята, вы мне сегодня не нужны».

– Не было ли в этом чего-то необычного? Сэм рыгнул и покачал головой:

– Не, Чарли был главный, мог сделать как захочет. Иногда они вместе собирались и ни с того ни с сего устраивали себе каникулы. Помнишь, Кирстен?

Она повернулась к Рэйлану:

– Это верно. В команде не придерживались строгого регламента. Чарли устраивал выходные когда взбретет в голову, если не намечалось никакого показательного выступления.

Рэйлан дал им обоим время собраться с мыслями, но не

хотел, чтобы Кирстен и Сэм погрузились в сентиментальные размышления. Ему нужны реальные факты, а не слезливый реквием.

– Какая в тот день стояла погода?

– Прекрасная. В небе – ни облачка. – Сэм вздохнул. – Повезло, ничего не скажешь. Мы летали в штормовой ветер, шныряли между молниями, прорывались сквозь такой туман, что носа самолета не было видно... Угораздило же Чарли разбиться в такой день!

Механик вдруг показался Рэйлану очень старым. Морщины на лице, словно ниточки, оттягивали кожу вниз. Состарившиеся раньше времени глаза слезились. Кирстен протянула руку и накрыла его ладонь своею.

– Извини, Сэм. Тебе больно вспоминать. Я не решилась бы тебя тревожить, но мне это жизненно важно... просто необходимо.

Сердце Рэйлана парило в облаках, там, куда летали окружавшие его самолеты. «Жизненно важно», – сказала она. Значит, он ей нужен! И даже очень нужен. Или Кирстен просто стремится раз и навсегда развеять подозрения в самоубийстве мужа?

– В тот день он летал на «Питц-спешл», – продолжил Рэйлан. – Он сам проверял машину перед вылетом?

– Да.

– А ты был с Чарли во время проверки?

– Нет, я работал здесь. Но я знаю, что он проверял, потому

что видел его отсюда. Мы даже кричали что-то друг другу. Он всегда проверял все как следует, не халтурил.

– А в каком настроении он был тогда? – спросила Кирстен.

– В обычном, – пожал плечами Сэм.

– Не казался расстроенным?

– Нет.

Кирстен неуверенно взглянула на Рэйлана, но в этот момент Сэм добавил:

– Он был немного задумчив, что ли.

– Как?

– Задумчив?

Рэйлан и Кирстен вцепились в последнюю фразу Сэма, как два голодных тигра в кусок мяса. Рэйлан уступил Кирстен право быть первой.

– В каком смысле задумчив, Сэм? Очень важно, чтобы ты вспомнил каждую мелочь. Не было ли с ним чего-нибудь странного в тот день?

Сэм сдвинул на лоб кепи и почесал затылок.

– Тогда мне действительно показалось, что все немного странно... – Он снова пожал плечами. – Но после аварии поднялась такая шумиха, и я, наверное, забыл.

Рэйлан подумал, что такие люди, как Сэм, ничего в своей жизни не забывают. До сих пор старик просто-напросто скрывал от вдовы и от мира эту деталь, потому что прекрасно сознавал ее значение. Может быть, Сэму тоже необходимо избавиться от тяжелых воспоминаний о Демоне Рамме?

Может, он подумал, что пора наконец отпустить прошлое? Рано или поздно даже самым страшным фактам приходится смотреть в лицо и принимать их такими, какие они есть, и только тогда можно предать их забвению.

– Расскажи мне... нам, – попросила Кирстен.

– Ну, ты знаешь этот наш маленький дурацкий обряд.

– Большие пальцы вверх?

Сэм кивнул. Кирстен посмотрела на Рэйлана. Рэйлан тоже кивнул, давая понять, что знает, о чем идет речь.

– Перед самым вылетом, – помог он Сэму, – Рамм смотрел на тебя из кабины и подавал тебе знак большими пальцами вверх, а ты махал ему рукой.

– Да, да, верно. Ну а в тот день он... уф... едва не забыл сделать этого.

Все трое некоторое время сидели в полной тишине. В конце концов Кирстен спросила чуть слышно:

– Забыл? Как Чарли мог забыть? Вы же делали это автоматически.

– Ну да. Вот это-то меня и мучило. Потом. – Сэм избегал смотреть в глаза кому-либо из них и нервно потирал колени. – Я стоял на старте и ждал, что Чарли, как обычно, подаст мне знак, а он глядел прямо перед собой, будто глубоко задумался. Я вызвал его по рации. Он не ответил, только тряхнул головой, вроде как сбросил с себя что-то неприятное, и посмотрел на меня. Улыбнулся как положено, потом подал мне знак и пошел на взлет. Больше я его не видел.

Крупные слезы скатились по испещренному морщинами лицу старого механика.

* * *

Убрав руку с приборной доски машины, Рэйлан положил ее на колено Кирстен.

– Ты чувствуешь себя неважно. – Несмотря на то что она прятала глаза под темными очками, Рэйлан знал, что они влажные от слез.

– Сэм рыдал, как ребенок, когда я в первый раз заставила его вспомнить все... Ужасно, что ему пришлось снова пройти через это.

– Понимаю. – Рэйлан сжал ее колено.

– И главное, что в этом совершенно не было необходимости.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что мы не узнали ничего нового о причине аварии. Только то, что сообщалось в докладе Статистического бюро по несчастным случаям.

– А Сэм вскрыл такие факты о происшествии, которые остались без объяснения.

– Во всяком несчастном случае есть нечто, что не поддается объяснению.

Рэйлан не хотел спорить. Они сообща занимались расследованием трагедии и восстановлением событий последнего

дня Рамма. Любое неосторожное слово способно снова загнать ее в себя, и на этот раз, может быть, навсегда. То, чем он сейчас занимался, было не только полезно для его работы, но в первую очередь должно сослужить добрую службу Кирстен. Иначе он бросил бы эту затею. Для любящего сердца невыносимо узнать, что тот, кого оно любит, счел свою жизнь несостоятельной и сам оборвал ее.

– Чем, по-твоему, объясняется отсутствие радиосигнала? – спросил он.

Если удастся втянуть ее в разговор, Кирстен сама может натолкнуться на единственно правильный вывод, который для него уже был очевиден. Еще не зная толком почему, но Рэйлан был убежден, что Демон Рамм сам разбил свой «Питц-спешл» или по крайней мере не сделал ничего, чтобы предотвратить аварию.

Кирстен откинула голову на спинку сиденья.

– Я не знаю, почему он потерял связь с аэродромом.

– Когда после аварии протестировали приемник, он оказался в полном порядке.

– Правда, линия подачи топлива была заблокирована. – В ее голосе слышалось явное усилие, как будто она пыталась сама себя убедить.

– Но такое он должен был обнаружить еще перед вылетом, во время проверки.

– Это могло случиться в воздухе.

– Возможно. Только если проблема возникла уже после

взлета, он, опытный пилот, мог приземлиться планирующим спуском. Эти спортивные самолеты настолько легкие...

– Я сама прекрасно знаю, Рэйлан, – раздраженно сказала она и отвернулась.

Проехали несколько километров, прежде чем Кирстен посмотрела вперед. Он расценил этот жест как признак готовности вернуться к разговору.

– Как ты понимаешь его задумчивость в то утро?

– Как плохое настроение, – небрежно бросила она.

– Кирстен, я долгие месяцы изучал характер этого человека. Никогда не слышал, чтобы у него бывало плохое настроение. Если верить всем тем источникам, из которых я собирал о нем сведения, начиная со школьных и институтских характеристик и заканчивая отзывами пилотов из его команды, которые общались с ним ежедневно, то он был человеком наименее подверженным перепадам настроения из всех когда-либо живших на земле.

– Чарли не робот! – вскричала она. – У всех бывают плохие дни.

– И если бы такой день случился в его жизни, ты бы непременно знала об этом, не так ли? Ведь ты жила с ним. То утро было началом «плохого дня» для Рамма?

Она сцепила пальцы так сильно, что кисти рук покрылись белыми и красными пятнами.

– Не знаю. Он ушел еще до того, как я проснулась.

Рэйлан решил уточнить этот факт позже.

– Мне кажется странным, что он забыл подать знак большими пальцами, коль скоро это была многолетняя традиция.

– Ничего странного.

– К тому же Сэм говорил, что за день до смерти Рамм был абсолютно нормален. Хохмил. В полете был сосредоточен и внимателен. Он ушел с аэродрома беззаботным как птичка.

Кирстен вопросительно на него поглядела. Рэйлан глубоко вдохнул и сказал:

– Это лишь подтверждает, что причина его странной задумчивости осталась здесь, дома, и обнаружилась в ночь перед тем самым днем.

Глава 8

Они подошли к парадной двери, и Рэйлан придержал ее, пропуская Кирстен вперед.

– Во сколько вернулся Чарли в предыдущий день?

– Рано. Около трех. Он посмотрел на часы.

– Сейчас почти столько же. А чем вы занимались?

– Мы стали смотреть старые пленки. Точнее, он сел смотреть.

– О себе самом?

– Да. Видеозапись отрывков из «Мира спорта» и тому подобное.

– Почему ты говоришь: «Точнее, он сел смотреть»?

– Потому что я не сидела на месте. Я готовила ужин.

– Почему ты?

Кирстен, видимо, не хотела отвечать, но Рэйлан ждал, и она сдалась.

– Элис отпросилась на два дня. Бормотание Элис на кухне еще никогда не было так отчетливо слышно, как после этих слов, – Пойди скажи ей, что у нее есть два выходных, – сказал Рэйлан.

– Не могу же ни с того ни с сего войти и...

– Тогда я сам. – И направился к кухне, но Кирстен рванулась за ним и вцепилась в его рубашку.

– Я ей скажу.

Рэйлан слышал приглушенный стенами возглас удивления Элис, ее возражения и, наконец, согласие, ведь она давно собиралась навестить дочь и внука.

– Что ты приготовила в тот вечер? – спросил Рэйлан, когда Элис ушла.

Он прожил здесь столько времени, что уже не чувствовал себя гостем, и поэтому взял яблоко из корзины на стойке, даже не подумав попросить разрешения.

– Мы ели шашлык.

– Из ягненка? – спросил он без энтузиазма.

– Из говядины.

– Прекрасно. У тебя есть все необходимое?

– Рэйлан, это бессмысленно. Какой толк в твоей затее?

– У тебя есть все необходимое? – повторил он, поднося ей ко рту кусочек яблока на кончике ножа.

В ответ на его настойчивый вопрос Кирстен, зажав в зубах яблоко, проверила содержимое холодильника, морозилки и кладовки и убедилась, что действительно есть все продукты.

– Если разморозить мясо в микроволновке, я могу начать мариновать его.

– Хорошо. Потом я помогу тебе поджарить.

– Чарли... – Она оборвала фразу, не закончив ее.

– Чарли – что?

– Муж... не помогал.

Они обменялись продолжительными взглядами.

– А я помогу, – тихо проговорил Рэйлан. – Пленки в его

кабинете?

Она кивнула.

– Я начну смотреть. Давно собирался. Приходи, когда закончишь с мясом.

Через полчаса она вошла в кабинет Чарли. Рэйлан постарался затемнить комнату, насколько это было возможно; разложил кассеты в хронологическом порядке, согласно пометкам на этикетках. Пока Кирстен садилась, он объяснил ей свою задумку.

– Это еще только вторая кассета, – сказал он.

На широком экране молодой Рамм давал интервью во время воздушного шоу в Миннесоте.

– Я помню это шоу, – оживилась Кирстен. – Все, кроме меня, радовались теплему весеннему дню, а я мерзла. Чарли послал своего подручного в «Сент-Пол», и он привез мне пальто.

– Чарли любил делать неожиданные подарки?

– Очень. Он совершенно не умел экономить. – Кирстен не могла оторваться от экрана. – Чарли выступал перед «Голубыми ангелами». Вечером мы вместе с ними поужинали. Все были ему благодарны за то, что он согрел компанию.

– В переносном смысле?

– В переносном смысле, – засмеялась Кирстен.

Рэйлану нравилось, как она смеется – хрипловато, сексуально. Глядя на нее, казалось, что ее смех должен быть похож на звон маленького веселого колокольчика. Но вместо этого

звук был насыщенным и бархатным, как выдержанное вино.

На Кирстен все еще были свободные длинные шорты и легкая блузка. Рэйлан смотрел, как она скинула плетеные тапочки и подобрала под себя ноги, приняв свою любимую позу. Ее кожа была бархатистой на вид, как у женщины, которая пользуется эпилятором так же часто, как шампунем.

Все пуговицы на блузке были расстегнуты. Под блузкой виднелся эластичный топ, верх которого стягивал два обольстительных полукружия ее груди.

– Кирстен, разве ты сидела так далеко от Чарли, когда вы вместе смотрели семейные пленки?

Она не произнесла ни слова в ответ. Только взгляд ее голубых глаз заставил Рэйлана мгновенно позабыть глаза всех других женщин, каких он знал.

– Иди сюда, Кирстен.

Это приглашение, сделанное низким грудным голосом, заставило бы и монахиню нарушить обет целомудрия. Он полулежал, запрокинув голову на спинку дивана, положив вытянутые ноги одна на другую. Старые кожаные ботинки на толстой подошве валялись рядом, как обломки кораблекрушения. Добела стертые джинсы плотно облегли бедра и пах. Только большой знаток моды догадался бы, что рубашка из импортного индийского хлопка обошлась ему в несколько сот долларов. Этот небрежный шик стоил недешево. Прядь темных волос, упавшая на лоб, венчала портрет героя, который продал больше попкорна и «Джуджи фрутс», чем все

другие звезды настоящего или прошлого.

Кирстен в одно мгновение очутилась рядом. Он притянул ее к себе за плечи.

– Мне так нравится произносить вслух твое имя, – прошептал он.

Ему было приятно, когда она склонила голову набок, дав возможность его губам оценить изящную форму ее уха.

– Ты правильно его выговариваешь, – сказала Кирстен, затаив дыхание. – С самого начала. Большинство людей говорят «Керстен».

– Кирстен, Кирстен.

Он положил ее голову себе на руку и приблизил губы к ее губам. Первый поцелуй был легким, воздушным, как звук имени, которое ласкало его слух. Но после первого же прикосновения их языки стали играть друг с другом. Одной рукой он провел по ее шее и сложил вокруг нее загорелые пальцы.

– Нам обязательно нужно заниматься этим? – спросила она, переводя дух между двумя поцелуями.

– О да!

– Может быть, нет?

– Знаешь, в чем твоя проблема?

– У меня их много.

– Ты слишком стремительная. – Он покрывал ее рот быстрыми поцелуями. – Ты не ценишь игру.

– Как насчет партии в теннис?

– Как насчет партии в страсть? Легкие поцелуи слились в один длинный и глубокий. Кончики его пальцев, едва касаясь, описывали контур ее груди. Норт шептал ей ласковые слова, и голос его задрожал, когда рука опустилась и накрыла мягкий соблазнительный холмик. Он осторожно помассировал ее плоть под тонкой материей.

– Рэйлан... прекрати.

– Рано или поздно любая семейная хроника приедается независимо от того, насколько интересны кадры. – И продолжил собирать с ее рта сладостный урожай сочных, страстных поцелуев.

– Ах... ты... – Ее голос сорвался до писка, когда он ущипнул выпуклую серединку ее груди.

– Нравится тебе, да? – Звук, который вырвался у нее из груди, Рэйлан расценил как подтверждение. – Они становятся такими твердыми. Такими... такими сладкими.

Он сомкнул губы вокруг одного из бутонов, который жаждал прорваться из-под туго натянутой ткани; затем потрепал его зубами, пока Кирстен не начала извиваться.

Рэйлан уложил ее на спину и... потерялся в ней. Его тело знало лишь одну цель – проникнуть в плотный кулачок ее женственности и позволить ему сдоить весь сок любви, накопившийся в нем. Он набрасывался на ее рот с безумными поцелуями, а потом зарывался лицом в мягкую долинку между плечом и шеей и все плотнее и яростнее вжимался в ее лоно.

– Рэйлан! Рэйлан! – Ее задыхающийся, сбивчивый лепет наконец-то достиг его сознания. – Не здесь. Не сейчас. – Ее тело сгорало от желания, но в глазах читалась мольба.

Досадуя на то, что снова потерял контроль над собой, Рэйлан поднялся и помог ей сесть. Откинув голову на диванные подушки, он закрыл глаза. Его легкие работали, как кузнечные мехи. Наконец дыхание выровнялось, и, не поднимая головы, он посмотрел на Кирстен.

– Ну вот, я справился, – сказал он застенчиво и гордо, как мальчишка. – Здесь этого не произошло.

Он чуть не забыл основной задачи на сегодняшний день. Они ведь собирались восстановить все, что произошло между Кирстен и ее покойным мужем, а не играть в свои собственные игры. Глубоко втянув в себя воздух, Рэйлан провел пальцем по кромке ее стриженных волос.

– Значит, Чарли не дотронулся до тебя даже пальцем. Иначе он не смог бы остановиться. Ты пахнешь сексом. Я пьянею от твоего запаха.

Он поцеловал Кирстен в шею. Его вновь одурманила гармония цветочного аромата духов с ароматом ее кожи.

– К дьяволу этот дурацкий замысел, – глухо проговорил он. – Давай не будем останавливаться.

Он поднес ее руку к низу своего живота, положил ладонью на плотный бугорок под молнией джинсов и прошептал:

– Как я тебя хочу! – И, накрыв ее руку своей, несколько раз погладил.

– Я тоже тебя хочу. – В ее голосе слышалось томление. – Но это была твоя идея проиграть последний день Чарли. – Она убрала свою руку, но прежде чуть-чуть сдавила в ладони его напряженную плоть.

Рэйлан едва не воспарил от этой ласки и очень удивился, когда увидел, что не преодолел земное притяжение. Смеясь в душе над самим собой, он проворчал:

– Эй, соблюдай дистанцию.

Эта просьба и его грозный вид заставили ее расхохотаться.

Все оставшееся время, пока смотрели записи Рамма, безопасная дистанция между ними сохранялась. Но Рэйлан держал руку Кирстен: невозможно было не дотрагиваться до нее.

Наконец досмотрели последнюю кассету, и Рэйлан, выключив видеомагнитофон, спросил:

– Что теперь?

– Теперь – ужин. Я тебя позову, когда будет готово.

Его рука легла ей на плечи, когда они шли по коридору.

– Я ведь предложил помощь, помнишь? Пока он разжигал мангал на террасе, Кирстен поставила вариться рис и принялась готовить салат из свежего шпината. Разделавшись с мангалом, Рэйлан пришел на кухню и стал насаживать мясо на шампуры.

– Могу я предложить вам стаканчик белого вина? – спросил он, когда закончил.

Кирстен обжаривала на сковородке бекон для горячего соуса с горчицей и медом, которым собиралась залить салат.

– Звучит заманчиво. Побольше льда, пожалуйста. – Она слизывала с кончиков пальцев жир бекона.

– Помочь? – галантно предложил Рэйлан. На ее лице появилась улыбка сирены.

– Ничего, я справлюсь, – сказала она сладострастным низким голосом, – но за предложение – спасибо.

С трудом сдерживая желание наброситься на нее и проглотить целиком, Рэйлан открыл холодильник, достал бутылку вина и задал невинный вопрос:

– А я что должен пить?

– Пиво. Но не больше двух банок. Чарли никогда не превышал эту дозу.

– Значит, его пропаганда против злоупотребления алкоголем была основана на искренних убеждениях?

– Все его поступки основывались на искренних убеждениях.

Кирстен с такой готовностью принялась защищать мужа, что Рэйлан тут же протянул ей бокал с вином – как бы в знак перемирия.

– Ладно, – сказал он мягко, – я просто спросил. Есть много алкоголиков, которых никто даже не заподозрил бы в этом. Особенно в моей среде.

– Чарли был не из таких, – отрезала она. – Почему ты все время пытаешься очернить его?

Рэйлан посмотрел в пол и сосчитал до десяти. Добродушное настроение исчезло. Они снова стали чужими. Ему захотелось бросить Кирстен в лицо: «Я прекрасно знаю, что ты хранишь какую-то тайну Демона. Может быть, эта тайна и есть та причина, по которой он покончил с жизнью». Но сказать такое – все равно что обвинить Кирстен во лжи. Ее гнев был бы страшнее второй мировой войны. А больше всего на свете он не хотел испортить этот вечер.

Но черта с два он станет просить прощения! И Рэйлан заговорил о шашлыке:

– Можно начинать жарить? – Он взял поднос с шампурами.

– Да, но в тот вечер я сама готовила. Чарли сидел здесь и читал газету.

Открыв дверь, Рэйлан обернулся:

– Пойдем вместе. Разговаривать с тобой в тысячу раз интереснее, чем читать газету.

Они разложили шампуры на мангал, сели, взяли бокалы, и Рэйлан спросил:

– Может быть, в тот вечер он прочел в газете нечто такое, что расстроило его? Скажем, плохой отзыв, о котором он думал на следующее утро.

– Не думаю.

– О чем вы говорили тогда?

– Не помню.

– Ты должна вспомнить, Кирстен, хоть что-то.

– Наверное, это был тот самый вечер, когда я сказала ему, что хочу написать книгу.

– О нем?

– Нет, эта идея родилась потом, после... после его смерти. Рэйлан поставил свое пиво и перевернул шампур.

– Какую же книгу ты собиралась писать?

– Роман.

– Не шутишь? Расскажи мне об этом.

Она смущенно опустила голову, но он знал, что его интерес польстил ей. Кирстен вкратце изложила сюжет и покраснела от удовольствия, когда актер сказал, что это явный бестселлер и что фильм по этому роману будет иметь потрясающий успех.

– Если, конечно, главную мужскую роль буду играть я.

– Тебе будет неинтересно. Это об озлобленном ветеране вьетнамской войны.

– Если я сейчас не оставлю за собой этой роли, ее будет домогаться Пачино. Кого бы ты взяла на главную женскую роль?

– Господи, ты собираешь актерский состав на фильм по книге, которая еще не написана. Он пожал плечами, выражая презрение к ее пессимизму.

– Как только закончишь «Демона», сразу возьмешься за свой роман.

Они не возобновляли разговор до тех пор, пока не наполнили тарелки на кухне и не вернулись на террасу. Разрезая

кусок сочного мяса, Рэйлан спросил:

– Как тебе кажется, Чарли могли пугать твои планы стать профессиональной писательницей?

– Не вижу, в чем тут для него опасность. Я никогда не была домохозяйкой на все сто, ездила вместе с ним на соревнования. И всегда у меня крутилась парочка задумок, которыми я была занята, пока Чарли работал с командой.

– На что у него уходила большая часть времени, как я понимаю.

– Муж постоянно был с ребятами. Они... – Поймав его настороженный взгляд, Кирстен положила вилку. – Мне не нравится то, о чем ты подумал.

– Что именно?

– Считаешь, у него что-то было с одним из членов команды.

– А было?

– Чарли не гей. Между ним и любым из тех, с кем он работал, не было ничего, кроме дружбы, тесной дружбы.

– Я тебе верю.

Она взяла вилку и вернулась к еде, но раздражение полностью не исчезло. Рэйлан решил направить разговор в другое русло.

– Так, значит, ты разъезжала вместе с ним?

– Да. В последние лет пять поездок было уже меньше. Чарли стал знаменит и мог позволить себе выбирать, на какие соревнования ездить, а на какие нет. Мы купили этот дом и

обосновались здесь.

– Вы никогда не обсуждали вопрос о ребенке?

Рэйлан заметил, что вилка в ее руке на секунду замерла, движения замедлились, как если бы воздух вокруг стал густым и плотным.

– Обсуждали.

– И?..

– Просто обсуждали. Этим все и кончилось.

– Кому из вас эта идея пришла не по душе?

– Никому. – Она снова отложила вилку. – Я же сказала «обсуждали», а не «спорили».

– То есть вы оба были за?

– Да.

– Что-то я не замечаю здесь детей, Кирстен, – сказал он, оглядываясь по сторонам.

– Я никогда не была беременна.

– Кто-то из вас был стерилизован?

– Ничего такого я не знаю.

– Ты не проходила медицинское обследование? – Рэйлан подумал, что, быть может, рассеянность Рамма в то утро была вызвана разногласиями по поводу бездетности, особенно если он чувствовал себя виноватым в бесплодии Кирстен.

– Не делай поспешных выводов, Рэйлан. Ты рассуждаешь, как старая дева. И Чарли, и я, мы хотели ребенка. Мы... мы просто не довели дело до конца. Понятно? Удовлетворен?

Он развалился на стуле в ленивой позе и с минуту смотрел

на нее, обдумывая про себя что-то.

– А у меня был ребенок.

Это неожиданное заявление сразило Кирстен. Глаза ее стали круглыми от удивления, рот открылся.

– Где же он?

– Его мать убила его.

Гнев, который Рэйлан испытал, когда узнал от молодой актрисы про аборт, вновь охватил его. Кулаки невольно сжались. Тот случай помог ему понять, что любой человек может совершить насилие. Тогда он был готов разорвать на куски эгоистичную дрянь, убившую его ребенка. Даже сейчас Рэйлану было страшно снова пережить эти чувства. Слава Богу, в тот день что-то удержало его от убийства.

Рэйлан заморгал и вдруг заметил, что Кирстен сочувственно положила ладонь на его руку. Он накрыл ее ладонь своей и большим пальцем погладил нежную кожу.

– Аборт? – спросила она.

Он отрывисто кивнул, давая понять, насколько это слово ему ненавистно.

– Я согласен, что в некоторых случаях прерывание беременности необходимо. Может быть, даже простительно. Но ведь это был мой ребенок!

– Кто эта женщина?

Он посмотрел на нее с благодарностью за то искреннее участие, которое выражало ее лицо.

– Для меня она ничего не значит. – Его веки сомкнулись,

словно скрывая боль. – Но ребенок – другое дело. До сих пор не могу без содрогания подумать о том, что у него отняли право на жизнь.

– Ты так хотел иметь ребенка?

– Я не думал об этом. Но когда она сказала, что беременна, я очень его захотел. Наверное, потому, что вырос в очень дружной семье. А ты? – вдруг спросил он. – Где твои родители?

– Мой отец ушел от нас, когда я была еще совсем маленькой. Я его не помню, он женился, у него другая семья. Мы не поддерживаем отношений. А мама умерла через несколько месяцев после моей свадьбы с Чарли. – Кирстен грустно улыбнулась. – Мама обожала его, и Чарли тоже был к ней очень привязан. Я рада, что жизнь свела их вместе.

Они долго молчали, думая каждый о своем и глядя на роскошную картину заката. Грозовые тучи у самого горизонта были похожи на фантастические цветы.

– Что-то мы совсем загрустили, – сказал со вздохом Рэйлан, встал и сложил тарелки. – Пойдем, надо все убрать.

Приведя в порядок кухню, они вернулись на террасу. Вечер был восхитительный. Кирстен включила подсветку в бассейне. Кроме этого света, был только блеск полной луны.

– Чем вы занимались после ужина? – спросил Рэйлан.

– Купались.

– Вот как? Я как раз собирался предложить то же самое. – Он обхватил руками ее талию и притянул к себе, затем ле-

гонько поцеловал и прошептал:

– Спасибо, что не стала читать мне лекций на тему о праве женщины выбирать и тому подобном, когда мы говорили про аборт.

– Мне жаль, что тебе пришлось пережить такое...

– Никто на свете не знает об этом.

– Я счастлива, что ты доверяешь мне.

– Правда?

– Да. И это не просто слова.

– Я не сомневаюсь. – Рэйлан снова поцеловал ее, языком раздвигая отзывчивые губы и лаская влажный шелк десен. – Ты готова? – спросил он хрипло.

Кирстен тут же отпрянула. Он засмеялся:

– Я имел в виду купаться.

– А-а. – На ее щеках заиграл предательский румянец, а темно-синие глаза заблестели. – Да., нет... Только надену купальник.

Но он не дал ей уйти.

– Лучше, наоборот, все снять. Я так и делаю.

– Знаю. Я видела.

– Ага. Значит, ты подсматривала в первый же день. – Самодовольно ухмыляясь, он запрокинул голову.

– Ничуть. Просто невозможно было не увидеть, – ответила Кирстен с вызовом.

– Что ты подумала?

– Я подумала: «Каков наглец – разгуливает здесь голы-

шом!» – Она высвободилась из объятий и пошла за купальником, слыша за спиной его смех.

Без тени смущения Рэйлан разделся и прыгнул. Вода не могла скрыть его наготы, поскольку бассейн был подсвечен, так что ему было вдвойне приятно, когда Кирстен вышла из раздевалки в очень смелом зеленом бикини, подошла к трамплину и сделала изящный прыжок.

Он уплыл в неглубокую часть бассейна и лег спиной на ступени. Прежде чем присоединиться к нему, Кирстен поплавала и покувыркалась в воде.

Отдышавшись и стряхнув воду с лица, она взглянула на Рэйлана.

– Ты никогда-никогда не стесняешься?

– Не-а. В колледже я позировал для студентов факультета искусств.

– Твои родители не были против? На его лице заиграла озорная ухмылка.

– У меня близкие отношения с родителями, но это не значит, что я рассказываю им все о себе. – Он перевернулся на бок и, широко растопырив пальцы, положил ладонь на ее голый живот. – Как эротично!

В приглушенном сиянии подсвеченной воды его рука темнела на ее светлой коже.

– Кирстен?.. Ты занималась любовью с Чарли в тот вечер?

Ее нерешительность была почти совсем незаметна, если она вообще колебалась с ответом. Глядя ему прямо в глаза,

Кирстен кивнула и прошептала:

– Возьми меня.

Она жалобно всхлипнула и в ту же секунду обняла его голову обеими руками и притянула к себе для поцелуя.

Мерцающая вода плавно вздымала и опускала тело Рэйлана, и волосы на его груди приятно щекотали ее гладкую кожу. Она обвила руками его шею. Их языки жадно ласкались друг друга, поцелуи казались еще жарче оттого, что вода охлаждала кожу. Самый кончик его напряженного мужского естества касался ее живота, уплывал, вновь возвращался.

– Неудивительно, что океан так густо населен, – пробормотала она, касаясь его губ своими. – Просто блаженство.

Целуя ее, Рэйлан почувствовал, что скоро не сможет удерживать и себя, и ее. Оборвав поцелуй, он выругался и сказал:

– Проклятие, так не годится. Ты исцарапаешь себе спину о край ступеньки, а я не могу тебя держать, иначе мы оба утонем.

Положение было довольно забавным, и они бы наверняка от души посмеялись над собой, если бы не новый поцелуй.

– Сауна, – задыхаясь, предложила она.

– Отличная идея.

Рэйлан вскарабкался по ступенькам и протянул ей руку. Не было никакой возможности утаить от нее эрекцию. Он и не старался, просто вел за собой. От бассейна к сауне пролегла мокрая дорожка.

– Подожди, – сказала она, дергая его за руку. – Ты иди

один, а я... я сейчас. Дай мне полминуты, – добавила Кирстен умоляющим тоном, заметив, что он собирается возразить.

Рэйлан вошел в обшитое красным деревом квадратное помещение. Жара была адская. Он с иронией посмотрел на свое тело. Спасения нет. Снаружи пылает жар, и внутри его пылает огонь вожделения такой силы, какой прежде он никогда не ощущал.

Он плеснул воды на камни. Облако пара с шипением взвилось в воздух и наполнило комнату. Из него показалась Кирстен, на которой теперь было лишь полотенце. Если его глаза смотрели сейчас так же, как ее, Рэйлан мог быть уверен, что их близость будет страстной и ненасытной. Здесь горела только одна лампочка, распространявшая вокруг красноватое свечение, в котором темно-голубые глаза Кирстен казались почти черными.

Казалось, пар тоже обожал эту женщину. Белые клочья вились вокруг ее головы, плеч и ног, как водоросли, льнущие к телу богини морских глубин.

Вдруг застеснявшись, она села на среднюю ступеньку полка, плотно сжав колени и положив на них руки. В этой целомудренной позе могла бы сидеть, скажем, ученица приходской школы, ожидая аудиенции у игуменьи. Рэйлан улыбнулся, смахнул пот с ресниц и сел на ступеньку ниже.

– Так ты вошла в сауну в тот вечер? – В глазах Кирстен отражался красный огонек лампы, но ему больше нравилось

думать, что это мерцает пламя страсти, которое зажег он, Рэйлан Норт.

– Нет.

– Ну же.

Целую вечность ее пальцы развязывали узел. Затем еще столетие длилось мгновение, когда она прижимала к себе мокрое полотенце.

Наконец она отняла руки от груди. Махровое облако упало. Кирстен сидела перед ним совершенно голая. Соски круглых упругих грудей были твердыми, несмотря на жару. Бедра подчеркивали узкую талию. В лоне пряталось гнездышко курчавых темных волос, блестящих капельками сседающегося пара. Пот и начинавший таять крем для тела придавали коже матовый блеск. Лицо в рамке черных волос казалось совсем юным, слишком юным для любви.

Истекая потом, Рэйлан встал перед ней на колени. Ее глаза находились чуть выше его. Он запрокинул голову, она склонила лицо, и губы их встретились. Поцелуй растрогал его своей робостью. Он терпеливо ждал, пока страх растает. Кирстен положила руки ему на плечи, и язык Рэйлана скользнул между ее губами. Он чувствовал, как расслабляется ее тело и растет сексуальное напряжение. Казалось, между ними проходят электрические разряды желания. Поцелуи становились все более страстными, а его ладони не уставали гладить тело любимой и успокоились, лишь когда большие пальцы легли ей под груди.

– Как ты красива! – Он отстранился, чтобы посмотреть.

Его пальцы сначала описывали маленькие круги вокруг ее сосков, а затем слегка потрепали их. Кирстен шептала что-то бессвязное.

– Тебе нравится?

Веки ее были сомкнуты, рот приоткрыт, и из него вырывалось неровное дыхание. Она кивнула.

– Да, да. Но...

– Что, любовь моя?

– Поцелуй их.

Сердцебиение отдавалось звоном у него в ушах. Рэйлан был счастлив исполнить эту просьбу. Он взял губами один из розовых бутончиков и пососал его. Кирстен сжала руками его голову и поцеловала макушку.

– Сильнее, – простонала она. – Я хочу чувствовать это всем телом.

Он обнял ее и, жадно хватая зубами ее груди, старался не причинить боли. Малейший признак того, что ласки становятся слишком хищными, – и его нежный, как губка, язык зализывал болезненное место.

Он собрал ртом пот с ее груди. Затем кончиком языка слизал все струйки от ключицы до пупка, задержался на мгновение, чтобы, раздвинув губами ямку, вытеснить оттуда капельку влаги, и последовал дальше вниз, пока не втянул в себя все.

Кирстен рыдала без слез, и он боялся, что слишком спе-

шит. Рэйлан хотел успокоить ее поцелуем, но по губам, которые извивались под его губами, и рукам, которые неистово гладили его тело, понял, что она разгорячилась не меньше, чем он, и что стоны ее выражают полноту чувств, а не испуг.

– Твое тело прекрасно, Рэйлан!

– В нем, конечно, уже не осталось тайн для тебя. По крайней мере со спины – так я снимался в постельных сценах.

– На экране ты просто красивый актер, а здесь – совсем другое. Это личное. – Она с любовью осмотрела его с головы до ног.

Рэйлан всегда считал свое стройное, сильное тело одним из профессиональных достоинств, теперь же гордился им так, как никогда прежде.

Кирстен положила руки ему на грудь и провела пальцами по мокрым курчавым волосам. Его сердце переполнилось счастьем от сознания того, что он нравится Кирстен.

Им трудно было держать друг друга в объятиях, поскольку их тела были скользкими от пота и воды, но это лишь усиливало прелесть поцелуев. Касаясь друг друга сосками, оба сладко вздыхали.

Рэйлан поцелуями проложил себе путь вниз по груди и животу Кирстен. Не оставляя без внимания ни единого сантиметра, он, щекотал языком и покусывал губами мягкую плоть. Он уткнулся лицом в низ ее живота и поцеловал покрытый волосами бугорок, затем пощипал зубами внутреннюю поверхность бедер. Маленькой родинке достался осо-

бый, предназначенный только ей одной поцелуй.

– Я люблю тебя, Кирстен.

Рэйлан прильнул к ней ртом с любовью и восторгом. Пот и любовный нектар потекли по его языку, который все глубже и глубже входил в нее, пока горячий воздух сауны не наполнился криками наслаждения и неги.

Глава 9

Он крепко прижимал Кирстен к себе, пока ее волнение не улеглось. Она стояла, уткнувшись головой ему в плечо. Чтобы не смущать любимую еще больше, он ничего не сказал, а взял ее на руки и вынес из сауны. Рэйлан дошел с ней до бассейна и спустился по лестнице. Остановился, только когда вода дошла Кирстен до подбородка, и высвободил правую руку из-под ее колен. Ноги погрузились в воду, но он знал, что до дна ей не достать, и поэтому крепко держал Кирстен.

В конце концов она подняла голову и посмотрела на Рэйлана. Он зачерпнул воды и вылил ей на макушку. Она рассмеялась. Рэйлан настолько был переполнен любовью, что едва мог говорить.

– Знаешь, какая ты сладкая? – хрипло спросил он.

И поцеловал ее, глубоко вдавливая язык между ее губ. Крепко держа любимую, он погрузился вместе с ней под воду. Вода сомкнулась над их головами, омывая жар сауны. Они не прервали поцелуя и вынырнули, все еще продолжая целоваться. Затем медленно разъединились. Рэйлан дошел до мелководья, поддерживая Кирстен до тех пор, пока она не достала ногами до дна. Держась за руки, они выбрались из бассейна и, не проронив ни слова, вошли в дом. В спальне она включила светильник у кровати. Мягкий свет позолотил их наготу. Он расшвырял горку декоративных подушек.

чек, отбросил покрывало и увлек Кирстен на медную кровать викторианского стиля.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Потрясенной и расслабленной.

– Я тоже.

– Нечестно получилось, в одни ворота. В смысле, ты ведь...

– И что, ты думаешь, мы должны предпринять по этому поводу?

Она прильнула к нему и потерлась о Рэйлана всем телом, влажную нежность которого он сразу почувствовал. – Кирстен, – прошептал он.

– Будь со мной, Рэйлан!

Он накрыл ее собою и одним сильным движением проник в нее.

– Какая ты маленькая, – простонал он, – и узенькая. – Его переполняли наслаждение и нежность. – Тебе не больно?

Она открыла глаза, взяла его лицо в ладони и приподняла голову от подушки, чтобы мягко поцеловать его в губы.

– Нет, нет.

Сначала его движения были неуверенными. Но постепенно он отдавался во власть ее бедер, устремляющихся навстречу. Скоро ничто уже не существовало и не имело значения на земле: ни его карьера, ни призрак ее прошлого, ни неопределенность их будущего. Существовало только то, что сейчас происходило между ними, и Рэйлан хотел, чтобы его

любовь стала самым прекрасным откровением в ее жизни.

Почувствовав, что пик наслаждения приближается, он сделал над собой усилие, чтобы не опередить ее. Это настигло их, как скорый поезд. Ничто не могло помешать полному единению, которое обрушилось на них одновременно...

Он не смог заставить себя пошевелинуться и по-прежнему прижимался к ласковым впадинкам ее тела.

– Тебе не тяжело? – спросил он. Как в полудреме, Кирстен покачала головой. Он тихонько рассмеялся:

– Похоже, от моего любовного мастерства тебя клонит в сон.

– Я не сплю. – Она лениво открыла глаза и сказала в истоме:

– Я ощущаю тебя. Это восхитительно.

Рэйлан был переполнен сознанием того, что она – вся – принадлежит ему. Уткнулся ей в шею и замер под ее ласками. Она касалась его ушей. Потихоньку гладила его спину, проводила ногтями по позвоночнику от шеи до ягодиц и вверх. Прикасалась к его крепким мышцам и смеялась, когда он напрягал их. Ее тело ласкало его и изнутри, эти легкие быстрые сжатия не давали ему ни дышать, ни думать.

– Кирстен? Мне кажется...

– Знаю. Это просто здорово.

– Ты не против?

Она покачала головой.

На этот раз они занимались любовью неторопливо и неж-

но, словно качались на волнах, каждая из которых прибывала их друг к другу снова и снова. Каждое плавное движение наполняло их чисто животным удовольствием. Оргазм был долгим и отнял у них все силы...

* * *

Рэйлан проснулся, ощутив легкие прикосновения к своим губам. Словно бабочки, порхали над ним ее губы и то садились, то снова взлетали. «Боже, – подумал он. – Чем она...» Да, ее пальцы бродили по низу живота, и хотя не опускались ниже, но открыто заигрывали.

– Маленьким девочкам может здорово влететь за такие проделки над мальчиками, – пробурчал он, не открывая глаз.

– Я как раз на это и рассчитываю. Ее рот прижался к его рту. Он поцеловал Кирстен чувственным, влажным поцелуем и, открыв глаза, увидел озорную улыбку.

– Хорошо подремал? – спросила она и услышала в ответ только невнятное бормотание. – Хочешь есть? Я хочу.

Она перекатилась к краю постели. Рэйлан дотянулся до нее.

– Эй, вернись-ка назад.

– Сейчас. – Она захихикала.

Он смотрел, как Кирстен выходит из комнаты, и подумал, что нет попки прелестнее, чем эта, на удивление пухленькая при такой стройной фигуре. Ухмыляясь, как Чеширский кот,

он лег навзничь, вытянувшись во весь рост и подложив под голову руки. Он чувствовал себя сейчас настоящим сибаритом и размышлял о том, как прекрасно жить на белом свете.

Спальня Кирстен поражала неожиданным дизайном. В противоположность лаконичному со-? временному стилю, в котором был выдержан весь дом, эта комната была обставлена антикварной мебелью, интерьер нес на себе отпечаток щедрой на украшения старины. Кирстен могла носить ультрамодную прическу и одеваться как завсегдатай фешенебельных ночных клубов, но, будучи женщиной до мозга костей, она тонко чувствовала истинную красоту.

Рэйлану безумно нравились все ее причуды. Она вернулась через несколько минут. Рэйлан остался доволен, увидев Кирстен по-прежнему нагой. Беззаботная улыбка сексуально удовлетворенной женщины светилась на ее лице.

– Ты любишь мороженое «Орео»? – спросила она.

* * *

В коробке мороженого происходила жестокая битва. Ложки звенели, как мечи, пока на дне не осталось ни капли. Рэйлан поставил пустую картонку на ночной столик, сев по-турецки, усадил Кирстен к себе на ноги и обнял ее за талию. Ее лицо было обращено к нему, бедра лежали на его бедрах.

Их губы были холодными от мороженого. Но сладкие поцелуи, следуя один за другим без передышки, вернули тепло

ртам, которые не могли оторваться друг от друга.

Кирстен запрокинула голову, жадно хватая воздух и подставляя Рэйлану шею для поцелуев. Пощипывая губами гладкую кожу, он ласкал ей грудь.

– Твои руки не знают покоя, – прошептала она.

– Не нравится?

– Очень нравится.

Он не поднимал головы, боясь прервать череду коротких поцелуев, которыми осыпал ее плечи и шею. «Пережиток детства: Шерил всегда отнимала у меня своих кукол». Кончиками пальцев он пощекотал ее соски. Кирстен выгнула спину, реагируя на эти прикосновения. Затем откинулась назад, дав полную свободу его рукам.

Он был поражен тем, какая страстная натура скрывалась в Кирстен. Рухнула стена подозрительности и недоверия; перед ним предстала совершенно иная женщина: обворожительная, живая, сексуальная. Порой ему даже казалось, что у нее больше азарта в любовной игре, чем у него.

Рэйлан наклонился и по очереди поцеловал отвердевшие соски, затем прижался лицом к впадинке между ее грудей.

– Я люблю тебя, Кирстен. Она сгребла в ладонь прядь его темных волос и потянула вверх.

– Я уже слышала, Рэйлан. Но тебе не обязательно было говорить это, чтобы заполучить меня в постели. Не стоит повторяться и сейчас.

– Ты думаешь, я нарочно так сказал?

– Разве нет?

– Ну, ты же думаешь за нас обоих. У тебя на все есть ответ.

Скажи сама.

Она перевела взгляд на его грудь и, обдумывая ответ, стала рассеянно перебирать пальцами жесткие курчавые волосы.

– Я знаю, как это бывает. «Путешественники пользовались доверчивостью встречавшихся им на пути девушек, обещая бессмертную любовь в обмен на несколько дней плотских наслаждений».

– Похотливые кролики с мечтательным взглядом.

– Вот именно. Я умнее, чем девочки из тусовок, и достаточно знаю жизнь, чтобы не поверить в твою любовь.

– Почему ты считаешь, что это невозможно?

– Потому что ты звезда! – воскликнула Кирстен. – Не тебя ли «Макколс» назвал самым сексуальным мужчиной года? Ты можешь получить любую женщину, какую пожелаешь.

– Спасибо за комплимент, – сказал он сухо. – Но если это правда, чего же я не перекинулся на другую сразу же после твоего первого отказа?

– Я задела твое самолюбие. Ты должен был доказать мне и себе, что способен соблазнить меня.

– Вначале – может быть, – признал он с досадой. – Твое равнодушие меня возмутило. – Рэйлан сосредоточенно расправлял влажные волосы у нее за ушами, подбирая слова для ответа. – Я живу у тебя вот уже четвертую неделю, и ты до

сих пор считаешь меня пустым человеком? Разве с тех пор, как мы встретились в кабинете твоего адвоката, прошло не достаточно времени, чтобы узнать меня лучше?

Он поглядел на Кирстен серьезно и немного печально, взял ее руки в свои.

– Я не виню тебя за то, как ты относилась ко мне до нашей встречи. Я сам создал себе имидж наглеца и невежи и всячески его поддерживаю. Так мне легче защитить свой внутренний мир от посягательств праздной публики. Но это лишь маска, а не я сам, Кирстен. Неужели ты все еще не разобралась?

У Кирстен задрожали губы, и она прикрыла их рукой.

– Я так обижала тебя, Рэйлан. Как ты можешь любить меня?

Он долго смотрел на Кирстен, затем с нежностью прошептал:

– Нам осталось быть вместе столько, сколько вообще суждено еще прожить. Но все равно боюсь, что не успею отдать тебе всю свою любовь.

Она улыбнулась и покачала головой:

– Нам осталось быть вместе только до утра, Рэйлан.

Он не поверил.

– Ты ждешь, что я исчезну из твоей жизни, словно ничего и не было? Никогда, Кирстен. Теперь я ни за что не откажусь от тебя.

– Каким же ты видишь наше будущее?

– Мы будем жить вместе долго и счастливо.

– Ты забываешь кое о чем.

– О чем?

– О том, что я хочу жить в неизвестности. Рэйлан и вправду забыл об этом. Они перескочили через все барьеры, стремясь друг к другу, но оказалось, что их разделяет еще один, самый трудный.

– Мы что-нибудь придумаем.

– Это невозможно.

– Никогда не говори при мне этого слова, – предостерег он. – От этого я становлюсь еще более упрямым, желая доказать обратное.

Вздыхнув, Кирстен придвинулась к нему так близко, что их лбы соприкоснулись.

– Пожалуйста, Рэйлан, не жди от меня больше, чем я могу дать.

– Если то, что ты можешь дать, подобно сегодняшней ночи, это более чем достаточно.

– Я серьезно. Чего ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты любила меня так же, как я тебя. – Он поцеловал Кирстен. – Любишь меня? Хоть немного?

– Не знаю, – жалобно пролепетала она.

– Любишь, – сказал он с уверенностью. – Иначе почему ты здесь, в постели со мной?

– Потому что ты мне нравишься. – Ее дыхание шевелило волосы на его груди. – Потому что я хочу заниматься с тобой

любовью.

Мне это необходимо.

Рэйлан приподнял ее над своим отвердевшим стержнем. Блаженно вздыхая, она медленно опустилась и вобрала его в себя. Ее голова упала ему на плечо, а тело уже совершало плавные движения.

– Рэйлан, – стонала она. – О Господи!

Ты мне нужен, нужен.

В этих приглушенных всхлипах чувствовалась затаенная душевная боль, и Рэйлан понял, что еще не все знает о Кирстен. Но в эту минуту он хотел лишь одного – удовлетворить ее физическую потребность в нем. И продолжал ласкать ее там, где их тела сливались в единое целое. Кирстен сотрясали волны страсти, рожденные в восхитительном бутоне женственности. Когда ритм движений достиг своего пика и ее плоть начала лихорадочно сжиматься вокруг его плоти, он дал волю своей сдерживаемой до поры жажде наслаждения и взорвался жгучим фонтаном любви.

* * *

Рэйлан просыпался медленно и никак не мог сообразить, что же его разбудило. Изнуренные любовным поединком, они заснули друг возле друга, но сейчас рядом никого не было.

Он открыл глаза. Кирстен лежала на самом краю посте-

ли и плакала. Значит, его разбудили содрогания ее тела, поскольку не было слышно ни единого звука. Он протянул руку.

– Кирстен?

Она мгновенно замерла, всхлипнула, но не обернулась. Вся съежившись, втянула голову в плечи и ссутулилась так, что можно было пересчитать позвонки.

– Что случилось? – спросил он чуть слышно.

Ответа не последовало. Интуиция подсказывала, что нельзя ее трогать сейчас, как бы сильно ни хотелось.

– Почему ты плачешь после всего, что у нас?..

Рэйлан был сильно озадачен. Тело ломило от усталости. Глаза слипались. Но никогда в жизни он не чувствовал себя так хорошо.

То, что она плачет, как-то не укладывалось в голове. Это явно не слезы радости. Горестным и надрывным был этот плач.

Боясь испугнуть ее, Рэйлан сантиметр за сантиметром придвинулся ближе и провел пальцами по взъерошенным волосам на ее затылке. Как и ожидал, реакция была молниеносной – она резко села на кровати. Глаза Кирстен были полны слез.

– Все было не так, как на самом деле. Он не сразу понял, что означают эти слова, а когда понял, сердце защемило от тоски.

– То есть не как с Чарли?

Она кивнула.

– Мы же собирались восстановить все, как было на самом деле в ту ночь, так? А все получилось совсем по-другому.

«Что же это, черт возьми, значит? – думал Рэйлан, наблюдая за тем, как она, ни слова не говоря, встала с постели и скрылась в ванной, даже не обернулась. – Та ночь два года назад была лучше? Хуже? Печальнее? Радостнее? В ней было больше страсти?»

Исключено. Больше страсти, чем у них с Кирстен, еще не бывало ни у кого в мире. Она сравнивает его с Раммом? Кто из них был лучшим любовником? К кому она испытывала больше чувств? Что, в конце концов, происходит?

Эта ненормальная женщина скоро и его сведет с ума!

Рэйлан сердился и знал, что имеет на это полное право. Не слишком ли много Кирстен о себе думает, делая такие туманные заявления – когда он лежал с блаженной улыбкой от уха до уха и все тело гудело в приятной истоме, – а потом убегая в ванную и предоставляя ему самому разбираться, в чем тут дело? Сколько он уже наслушаться от Кирстен всякого вздора! Но теперь чаша терпения переполнилась. Ей это так не пройдет.

Он вскочил и ринулся через всю комнату, волоча за собой простыню. Но у двери в ванную Рэйлан вдруг застыл, заметив, как побелели пальцы, когда он бешено схватился за ручку: изнутри доносился шум льющейся воды. Если он ворвется туда в чем мать родила, начнет кричать и махать ру-

ками, то будет выглядеть полным идиотом. Хладнокровия у Кирстен предостаточно, раз она могла спокойно уйти в душ.

Через минуту Рэйлан уже стоял под струей ледяной воды в ванной для гостей. Затем быстро оделся, однако на кухню она все же вышла первая. От подбородка до ступней Кирстен закуталась в купальный халат, и будь у халата капюшон, непременно спрятала бы под ним голову. Растрепанные влажные волосы обрамляли бледное, без кровинки, лицо, от которого, казалось, остались одни глаза. Ноги босы. Но взгляд, который она метнула на Рэйлана, выражал что угодно, только не предложение помириться.

В нем вскипал гнев, нервы были напряжены до предела, а сердце ныло от любви к женщине, чья душа оставалась загадкой. И у Рэйлана сорвались первые обидные слова, которые вертелись на языке:

– Ты отказала своему мужу, верно? В ночь накануне его смерти ты отказалась заниматься сексом с Демоном. Так это было?

– Нет.

– Врешь, именно так. – Рэйлан грозно надвигался, загоняя ее в угол. – Ты принялась разыгрывать недотрогу и осадила его так резко, как это только ты умеешь. От такого сюрприза, знаешь ли, у любого мужика крыша поедет. Так что на следующее утро Рамм садится в самолет и решает покончить с жизнью. И все из-за тебя.

– Нет!

– Сколько раз ты так поступала с ним?

– Прекрати!

Кирстен зажала уши руками, но Рэйлан железной хваткой вцепился в ее запястья и отдернул их.

– Сегодня ночью ты подарила мне то, что не досталось бедняге Рамму. Так-то ты отдаешь долги? Теперь твоя совесть чиста?

– Мне не в чем себя винить! – закричала она.

– Ты превратила своего мужа в попрошайку, лишая того, что принадлежало ему по праву.

– Не правда!

– Да?

– Да. Это Чарли, а не я...

Слова застряли у нее в горле. Кирстен вырвала руки и резко отвернулась. Он поймал ее за плечо и крутанул к себе.

– Что ты сказала?

– Ничего.

Рэйлан не верил своим ушам. Таким бледным ее лицо еще не бывало. Кирстен глядела на него в страхе.

– Кирстен, это Чарли, а не ты – что?..

Она облизнула дрожащие губы.

– Это Чарли, а не я, отказался от секса. Рэйлан смотрел на нее и слышал только удары собственного сердца. Крупные блестящие слезы катились по ее щекам.

– Ты хочешь сказать, что он...

– Да... не мог.

Рэйлану показалось, что его оглушили ударом по голове. Однажды он играл боксера. Партнер по рингу, известный тренер, немного перестарался в своем желании сыграть финальный бой как можно эффектнее. Рэйлан прочувствовал тогда всю прелесть «полного контакта», и на протяжении тридцати секунд он видел перед собой лишь разноцветные блуждающие огоньки. То же было и сейчас. Как будто земля уходила из-под ног и он падал в пустоту.

Кирстен отошла и дрожащими руками налила себе кофе. Он опустился на табурет и пробормотал:

– Вообще никогда?

– Нет, – ответила она сухо. – Когда мы поженились, все было замечательно. Мы наслаждались нормальным, разнообразным сексом. От этого потом стало только труднее.

Дрожащими руками она поднесла чашку ко рту и сделала маленький глоток. Кирстен выглядела такой беззащитной и хрупкой в этом балахоне! Рэйлан хотел обнять ее, но знал, что эта женщина не хочет жалости. Она отошла к стеклянной стене и стала наблюдать за скользящим по волнам серфером.

– Что с ним случилось, Кирстен? Травма? «Небо свидетель, при такой профессии с Демоном могло приключиться что угодно», – думал Рэйлан. Аварии, в которые он попадал, были записаны на видеопленку, одну из тех, что они просмотрели вчера. Много раз его увозили с аэродрома прямоком в больницу. Сколько переломов, ожогов и ран пришлось перенести! Но, как выясняется, только его жена знала о...

самой тяжелой травме Демона.

– Проблема заключалась не в физиологии, – сказала Кирстен, вмиг разрушив версию Рэйлана. – По крайней мере мне так кажется. Он... он никогда не обращался к врачу по этому поводу.

– Господи, почему?

– А ты обратился бы? – Рэйлан мгновенно отвел взгляд, и это было красноречивее любых слов. – Вот именно! Он был знаменитость. Секс-символ. Титулованный супергеро-бец. У таких, как Демон, не должно быть подобных проблем. Он устанавливал каноны мужественности. Если бы хоть один человек в мире узнал, что реальная жизнь не соответствует представлениям о нем, Чарли Рамму пришлось бы расстаться со своими профессиональными амбициями раз и навсегда. Все. Конец Демону Рамму.

Рэйлан знал, что среди мужчин, которые в своей карьере делали ставку на внешние проявления мужественности, это не был случай из ряда вон выходящий. Но Кирстен права. Кто признается в таком позоре даже доктору, которому по определению можно доверять? Это означало бы поставить под угрозу не только гордость и самолюбие, но и источник средств к существованию.

– Значит, он просто обрек тебя на страдания и ничего не предпринимал.

– Мы оба страдали, – тихо проговорила она. – Его... неспособность проявлялась тем чаще, чем популярнее он

становился. Я думаю, на Чарли давила необходимость соответствовать образу мачо <Здесь: настоящий мужчина (исп.)>. Невозможно оправдать такие ожидания на все сто процентов, поэтому он заранее был уверен в провале. – Она тербила пальцами пояс халата. – Конечно, это только догадки. Я уже говорила, что он ни за что не соглашался посоветоваться со специалистом. Хотел любым способом сохранить все в тайне.

– Но подумай, как он мучил тебя все это время.

– Ему было гораздо хуже, чем мне.

– Очень сомневаюсь в этом. Она потеряла лоб, как будто вспоминая прошлые споры и стычки.

– Я ничего не могла сделать для него. Чарли отвергал мою помощь. Любую попытку поддержать его воспринимал как жалость. Если я проявляла инициативу в постели, он чувствовал себя еще более ущемленным, а меня называл проституткой. Поэтому я старалась делать вид, будто проблемы не существует.

Рэйлан встал с табуретки и медленно подошел к ней.

– До той самой ночи перед катастрофой?

Интуиция подсказывала, что он прав. Дрожь, пробежавшая по ее телу, была тому подтверждением.

– Да. До той ночи.

Она погрузилась в воспоминания. Глядя прямо перед собой невидящим взором, она, казалось, забыла, что Рэйлан стоял рядом.

– Что же на самом деле произошло в ту ночь, Кирстен?

– Элис взяла выходные. Днем Чарли и я смотрели вместе видеозаписи. Я приготовила шашлык на ужин. Надеялась на то, что если он отдохнул и был таким веселым и заботливым весь день, то... – Ее голос сорвался.

– Вы плавали после ужина?

– Да, я предложила искупаться. Помню, каким красивым он был, когда... Он смешил меня, дурачился, падал с трамплина. – Кирстен в отчаянии прижала кулачки к животу и закрыла глаза. – Я хотела его. Хотела дарить ему любовь, хотела, чтобы он любил меня.

Сердце Рэйлана рвалось к ней, но он не стал больше помогать своими вопросами. Пусть сама расскажет, как все было.

– После бассейна я уговорила его пойти вместе в сауну и настояла на том, чтобы он снял плавки. Я сама все начала, потому что он боялся даже пытаться. Понимаешь, для него было унижительно попробовать и снова убедиться в своей бессилии.

Она опустила голову и приложила руку к губам. Воспоминания душили ее.

Когда она возобновила рассказ, голос ее был тверже.

– Тогда я так верила, что смогу вылечить его.

Я знала, что если один раз получится, то он навсегда преодолеет психологический барьер. Поэтому я продолжала целовать его, даже когда он отворачивался. Сначала он отшучивался, говорил: «Не шали, Кирстен. Что ты подмешала се-

бе в вино?» Но потом я стала ласкать его. Мне это так нравилось. – Она прерывисто вздохнула. – В ответ я получила лишь раздражение. Чарли кричал, чтобы я оставила его в покое. И в конце концов убежал из сауны. Позже он пришел ко мне в спальню и извинился. Даже обнял, поцеловал и прилежал рядом. Мы уснули в объятиях друг друга. Я помню, что со дня нашей встречи не любила его больше, чем тогда, и хотела сказать Чарли об этом утром. Но когда проснулась, его уже не было. – Кирстен посмотрела на Рэйлана с невыразимой тоской в глазах. – Ну вот тебе безобразная правда. Ты этого хотел?

Да! Он хотел именно этого. Но теперь, добившись своего, жалел, что решился вскрыть нарыв. Вместо того чтобы освободить ее от гноя воспоминаний, это вскрытие отравило чувство Кирстен к нему. На сей раз целеустремленность оказала ему медвежью услугу.

О, теперь Рэйлану стали ясны мотивы самоубийства Демона. Понятно, почему он не знал страха и играл со смертью. Чарли Рамму было безразлично, жив он или мертв. Он предпочел смерть жизни во лжи. Под ослепительной американской улыбкой скрывался притворщик. Демон Рамм воплощал представления о мужчине-американце, но был не способен переспать с собственной женой.

Да, безусловно, это был исключительно интересный персонаж для психологического фильма. Но какой ценой досталась знаменитому актеру тайна этого персонажа?

Ценой любви.

– Как ты закончишь книгу, Кирстен?

– Какая разница? – Она горько усмехнулась. – В фильме будет правдивая история. У тебя есть доказательства самоубийства Демона Рамма. Ты за этим сюда приехал, не так ли?

Рэйлан смотрел на нее одно – бесконечно долгое – мгновение. Затем развернулся и вышел.

Четыре недели спустя в доме Кирстен раздался звонок. Дверь открыла Элис. Она обрадовалась, увидев Рэйлана, но была несколько неуверенна.

– Кирстен дома?

Вопрос, в сущности, риторический, поскольку ее машина стояла у дома. Должно быть, Элис поняла, что соврать не удастся.

– Да, но она просила не беспокоить.

– Пожалуйста, Элис.

Взгляд его карих глаз заставил экономку призадуматься. Хорошенько взвесив все «за» и «против», она приняла решение в его пользу и посторонилась, пропуская Рэйлана на лестницу.

– В кабинете.

Он вошел и тут же увидел Кирстен, стоящую у окна. Она пребывала в глубокой задумчивости и заметила его не сразу. Медленный поворот головы, затем выражение крайнего изумления. Он был счастлив, уловив искорки радости в ее глазах, промелькнувшие прежде, чем Кирстен успела при-

нять равнодушный вид.

– Что ты здесь делаешь?

– Ты нигде не натыкалась на джинсы? Такие истертые, на коленках – дырки, по низу – бахрома? Нигде не могу найти. Может, я случайно оставил их здесь?

– Нет. Я думала, ты забрал с собой все.

– Не все, Кирстен, – сказал он, отбросив шуточный тон, и положил на стол копию сценария. – Здесь осталась часть меня. Мы закончили съемки. Вчера отпраздновали это. Я был единственный, кто не напился в стельку и лег спать один. – И добавил с преувеличенной небрежностью:

– Ну, не важно. Я подумал, что тебе, наверное, будет интересно прочитать последнюю сцену.

Он плюхнулся на диван, откинул голову на спинку, прикрыл глаза и сложил руки на животе, словно собрался вздремнуть после обеда. Рэйлану потребовалось все его актерское мастерство, чтобы выглядеть спокойным.

Как он хотел покрыть поцелуями это милое сердцу лицо! Провести пальцами по лавандового цвета теням под глазами в надежде на то, что эти тени пролегли от разлуки с ним...

Прошедший месяц был для актера и, следовательно, для всех, с кем он имел дело, настоящим адом. Если и раньше общение с Рэйланом было малоприятным занятием, то в последнее время он стал просто невыносим. Даже добрую, любящую Пэт довел до слез, и она пригрозила, что отшлепает его как непослушного ребенка. Режиссер не раз давал обе-

щение кастрировать его или засудить, и в ответ получал аналогичные угрозы.

Рэйлан требовал совершенства от себя и от всех, кто участвовал в съемках. И поскольку актер любил женщину, которая даже видеть его не хотела, работа с ним превращалась в настоящую пытку.

Но теперь, когда весь материал был отснят и разрешение на рекомендации при монтаже лежало у него в кармане, Норт мог целиком посвятить себя завоеванию сердца неприступной вдовы.

Сквозь узкие щелочки прикрытых глаз Рэйлан видел, как она осторожно ткнула пальцем сценарий, будто это – хищное животное, притворившееся мертвым, чтобы усыпить ее бдительность. В конце концов Кирстен перевернула брошюру обложкой вверх и перелистала страницы до последней сцены. Даже с дивана ему был заметен блеск ее наворачивающихся слез. Когда Кирстен украдкой взглянула на него, Рэйлан и пальцем не пошевелил и притворился, будто этот полный любви взгляд остался незамеченным.

Она читала последнюю страницу, закусив губу и прижимая руку к сердцу.

Демон Рамм идет по летному полю спиной к камере. Он и самолет выделяются темными силуэтами на фоне восходящего солнца. Рамм надевает шлем и садится в самолет. Появляется Сэм, идет спиной к камере. Он смотрит, как

Рамм забирается в кабину и пристегивает ремни. Рамм заводит мотор. «Пока» Сэма. Смущение на его лице. «Пока» Рамма. Самолет трогается с места. Сэм выкрикивает его имя. Рамм поворачивает голову, смотрит вниз. Губы медленно растягиваются в улыбку. Он поднимает руку и дает Сэму знак большим пальцем вверх.

Стоп-кадр. Конец. Титры.

Кирстен закрыла сценарий и провела ладонью по обложке, словно это была шкатулка с фамильными драгоценностями. Она посмотрела на Рэйлана. В глазах – замешательство и... надежда? Борьба желания и воли закончилась в нем полным поражением последней.

– Иди ко мне, Кирстен, – сказал он Охрипшим голосом.

Она подошла к дивану и села рядом.

– После долгих споров я убедил сценариста, режиссера, продюсера и вообще всю съемочную группу оставить финал открытым, вместо того чтобы заканчивать фильм тяжелой трагической сценой. Никто точно не знает, что происходило в душе у Рамма в тот день. Даже ты, моя милая.

– Ты не...

– А ты и в самом деле думала, что я собираюсь рассказать миру вашу с Демоном тайну?

– Просто я была не уверена.

Он положил руку ей на колено и слегка сжал его.

– Зачем бы я стал причинять тебе эту боль?

– Такая уж у тебя профессия. Ты стремишься к целостности образа, никогда не идешь на компромисс.

– Я ни за что не сделал бы тебе больно ради какого-то там фильма. Я люблю тебя больше, чем любую роль, славу, удачу или что-то еще.

– Рэйлан! – Закрыв лицо руками, она говорила сквозь пальцы. – Я была так упряма, так жестока к тебе, потому что ты слишком пронизательный. Я хотела тебя очень сильно. Каждый раз, когда ты дотрагивался до меня, я вся начинала дрожать как в лихорадке.

– Я не понимал, что это было – желание или отвращение.

– Это страх. Я боялась, что ты разгадаешь мою тайну, тем или иным образом почувствуешь, как бедна была моя жизнь. Чем глубже становились твои чувства, тем сильнее я боялась, что ты узнаешь правду. А я должна была защитить Чарли. Ведь это по-честному, разве не так?

Он нежно прикоснулся к ее щеке.

– То, что ты любила его так сильно, вызывает во мне ревность. Но меня восхищает в тебе эта преданность. Ведь половое бессилие Чарльза Рамма могло бы быть потрясающей сенсацией, и книга принесла бы тебе гораздо больше денег.

– Я не знаю, как закончить ее.

– Хочешь совет? Пусть ее конец будет примерно таким, как в фильме.

– Но люди хотят знать, было это самоубийство или нет.

– Почему ты считаешь себя обязанной давать ответ, в

правдивости которого не уверена? Пусть читатели сами делают выводы. Концовка фильма оставляет простор для размышлений. Никто не знает о его половом бессилии, кроме тебя и меня. Более того, импотенция ничуть не умаляет ни его достоинств, ни значения того, что он делал. Он старался жить так, чтобы не обмануть ничьих ожиданий. Единственный человек на свете, которому он причинил боль, это ты. – Рэйлан взял в ладони ее лицо. – И с сегодняшнего дня я начну избавлять тебя от этой боли.

– Но...

Приложив палец к ее губам, он не позволил возразить.

– Не сотрясай воздух зря. Я побью все твои аргументы. У меня с детства привычка добиваться своего.

Целуя, Рэйлан почувствовал, как она дрожит.

– Ты меня правда любишь? Он улыбнулся и тихо сказал:

– Правда люблю.

Кирстен положила голову ему на колени и умиротворенно вздохнула:

– Ты самый добрый человек на свете.

Эпилог

– Привет, мам. Ты хорошо устроилась? Нравится гостиница?.. Ну и прекрасно. Как тебе премьера?.. Ты видела, как я подмигивал? Жаль, что вы с папой не могли сидеть вместе со мной и Кирстен, но даже просто знать, что вы там, значило для меня... Я рад, что тебе понравилось... Конечно, для того мы и старались, чтобы люди плакали. – Он прикрыл трубку рукой. – Мама говорит, что плакала, – сообщил он своей жене и продолжил телефонный разговор:

– Я тебе говорил, что «Демон Рамм» вошел в список бестселлеров в последнем номере «Нью-Йорк тайме»?.. Говорил? Ну, знаешь, я горжусь этим. Кирстен улыбнулась, и Рэйлан послал ей воздушный поцелуй.

– Она всю работу над третьей книгой. Кажется, есть уже две главы в черновом варианте. Просто ревную ее к пишущей машинке... Я предлагал купить компьютер, но она наотрез отказалась... Даже не знаю. Что-то типа «нравится поглаживать страницы рукописи». – Он снова накрыл трубку и сказал жене:

– Звучит немного странно, дорогая. Если ты ощущаешь потребность что-то поглаживать, то... Что ты говоришь, мам? Кирстен отвлекла меня... О да, я знаю, ребенок не помешает ее карьере. Мы работаем над этим... Да, да, очень худенькая, но доктор сказал, что она нормально перенесет бе-

ременность. Он очень внимательно ее обследовал, все наладил, отрегулировал. Думаю, тысяч пятьдесят миль она протянет без капремонта. – Он со смехом увернулся от подушки, пущенной ему прямо в голову. – Скажи папе, я тоже заметил. – Он прикрыл трубку рукой и снова обратился к Кирстен:

– Папа просил передать, что ты сегодня была невероятно красивой, хоть ему и не удалось рассмотреть тебя хорошенько из-за толпы. – Затем продолжил разговор с мамой:

– Нет, она не изменила своего отношения к жизни на виду у публики, но я объяснил, если не хочешь, чтобы всякие уроды тарасили на тебя глаза, надо быть менее привлекательной... Ой, прости, мам. Ты абсолютно права, не стоило ругаться... Да. Слушай, скажи, вы приедете в Малибу к завтраку?..

Здорово, мы ждем не дождемся, когда же вы посмотрите дом. Он точно такой же, какой был у Кирстен в Ла-Иолле, – просторный, светлый и расположен над океаном. Нам обоим нравится... Что? Хорошо, передам... Около одиннадцати? Великолепно. Целуем. Спокойной ночи. Рэйлан повесил трубку.

– Мама с папой благодарили за цветы и фрукты. Напомни мне, что надо послать чаевые посыльному в отель «Бeverли-Хиллз».

– Я уже позаботилась об этом за тебя дорогой.

– Я всегда знал, что ты мне для чего-нибудь да пригодишь-

ся.

Послав ему томный взгляд, она очень соблазнительно провела по губам язычком.

– Но не для того, чтобы давать на чай посыльным.

В тот день, когда Кирстен перестала пугаться шуток на тему секса, Рэйлан Норт понял, что она навсегда рассталась с болезненными воспоминаниями. Теперь, по прошествии года с тех пор, как они поженились, Кирстен стала открыто выражать свою заботу, любовь и желание – без страха быть отвергнутой.

– А Шерил и Грифф завтра тоже приедут? – спросила она.

– Да, – ответил Рэйлан, снимая смокинг и небрежно кидая его на спинку стула. – И мама просила передать, чтобы ты убрала подальше от Дилана все бьющееся и ломающееся.

– Я слышала, вы разговаривали о ребенке? – Снимая бриллиантовые серьги, Кирстен встретила взгляд мужа в зеркале. – О нашем ребенке.

– Стариков разволновала мысль о еще одном внуке. – Он взял Кирстен сзади за плечи, а потом его руки скользнули вниз и легли ей на живот. – Есть симптомы?

– Девять дней задержки. Он поцеловал ее в шею.

– Хорошо. Но пройдет еще немного времени, и ты не влезешь в это платье.

Это было ультрамариновое платье в блестках. Высокий воротник стягивал шею, а спина и плечи оставались открытыми. Переливающаяся материя от шеи до кончиков сереб-

ряных туфельек настолько плотно облегла тело, что казалась второй кожей.

Крепко обняв Кирстен, Рэйлан прошептал над самым ее ухом:

– Я уже говорил, как волшеббно ты сегодня выглядишь?

– Раз сто, наверное, – сказала она, застенчиво улыбнувшись ему.

– А я говорил, как высоко ценю твердость, с которой ты прошла через все эти испытания со мной?

– «Демон Рамм», по-видимому, станет очень важным событием в твоей жизни. Слухи об «Оскаре» за лучшую актерскую работу уже витают в воздухе. Я по-прежнему не желаю жить в центре внимания, но если ты всегда будешь рядом, то в конце концов это не так уж и плохо.

Сняв с Рэйлана галстук, она опустила руки ему на бедра.

– Этот выход на премьеру был не таким уж и страшным. Мне не надо больше притворяться, что я счастлива. Я действительно счастлива. Я живу настоящей жизнью. Люблю своего мужа. И знаю, что он любит меня. От этого улыбаться на людях легко и приятно.

Их поцелуй был долгим и страстным. Он потянул молнию вниз, и узенький корсаж платья упал ей на бедра.

– Ты выполнила свою половину уговора и пошла со мной на премьеру. – Он разглядывал ее груди, слегка поглаживая их. – А мне придется завтра купить себе новые джинсы.

Она расстегнула запонки и помогла ему снять рубашку.

– Но будешь ли ты их носить – вот вопрос?

– А-а, – протянул он. – О том, чтобы носить их, мы не договаривались.

Смеясь, оба скинули все, что на них еще оставалось, Рэйлан на руках унес Кирстен в спальню и положил на широкую кровать. Она ласково теребила его волосы. Он хотел, чтобы эти прикосновения длились вечно, чтобы вечной была любовь, которую излучало ее счастливое лицо.

– Брак с женщиной, которая тебя обожает и не скрывает этого, никак не изменил твой характер, – сказала она, надув губки. – Ты по-прежнему самый дрянной мальчишка Голливуда. Я слышала, какими именно словами ты прогнал фотографа, который мешал нам пройти.

– Непечатными, что ли? Я только хотел тебя защитить.

– Мне нужна одна-единственная защита – твоя любовь, Рэйлан.

Обилие секса в их жизни не истощало страсти. Заниматься любовью было для них ритуалом обновления, каждодневной клятвой в любви и преданности друг другу.

– Моя любовь с тобой, Кирстен. Навсегда, – прошептал он, изнемогая от любовного жара.

– О мой милый! – Вдох ее был полон блаженства. – Я в этом и не сомневаюсь.